

Ибероамериканские тетради

Том XI · № 4 · 2023

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3

Издается с 2013 г.
Периодичность – 4 номера в год:
№1 март; №2 июнь; №3 сентябрь; №4 декабрь.

«Ибероамериканские тетради» — научный рецензируемый журнал об ибероамериканской истории и культуре.

Цель журнала — развитие междисциплинарных исследований в области истории, этнологии, искусствоведения, литературоведения, лингвистики и других дисциплин для раскрытия многообразия и самобытности ибероамериканской картины мира. В журнале публикуются статьи на русском, испанском, португальском и английском языках, что создает уникальную площадку для взаимного познания двух пограничных цивилизационных пространств: ибероамериканского и российского.

Задачи журнала:

- предоставление исследователям открытой площадки для публикации результатов разноплановых научных исследований по истории, этнологии и этнографии, культуре, литературе, искусству, языкам стран ибероамериканского ареала. Приветствуются исследования, имеющие фундаментальное и прикладное значение;
- обзор передовых публикаций (статей, монографий), посвященных региональной проблематике, многообразию и самобытности стран Ибероамерики по указанным специальностям;
- привлечение к сотрудничеству как авторитетных российских и зарубежных исследователей-ибероамериканистов, так и начинающих исследователей, занимающихся изучением и интерпретацией истории, культуры, литературных тенденций, разных видов искусства, лингвокультуры ибероамериканского мира;
- формирование международной дискуссионной площадки для поддержания академического диалога ибероамериканистов по проблемам истории, культуры, искусства, лингвокультуры.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е.В. Астахова, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России

Заместитель главного редактора

А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН

Н.Е. Аникеева, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор КубГУ, Краснодар (Россия)

А.Х. Верду-ХOVER, доктор экономических наук, профессор, Университет Мигеля Эрнандеса, Аликанте (Испания)

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, профессор, Университет Гранады (Испания)

Н.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

С. Каменецкая, доктор филологии, Национальный автономный университет, г. Мехико (Мексика)

Н.С. Константинова, кандидат исторических наук, руководитель Центра культурологических исследований ИЛА РАН, член Союза театральных деятелей РФ (Россия)

А.Ф. Кофман, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе ИМЛИ РАН (Россия)

И.А. Кряжева, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия)

М.В. Ларионова, доктор филологических наук, доцент, МГИМО МИД России (Россия)

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

А.В. Морозова, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, СПбГУ (Россия)

Ю.Л. Оболенская, доктор филологических наук, профессор, МГУ (Россия)

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, доцент, Национальный университет заочного обучения (Испания)

И.В. Попов, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России (Россия)

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, заведующая Сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН (Россия)

А. Санчес-Андрес, доктор экономических наук, профессор, Университет Валенсии (Испания)

Л.И. Тананаева, доктор искусствоведения, почётный член РАХ (Россия)

М.Г. Толоса Санчес, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра истории искусств (Cenidiap) Национального института искусств (Мексика)

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, СПбГУ (Россия)

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

Я.Г. Шемякин, доктор исторических наук, ИЛА РАН (Россия)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Е.В. Астахова, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России

Заместитель главного редактора

А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН

Научный редактор

Н.А. Ростов, кандидат исторических наук

Редакторы

С.Р. Керимова, МГИМО МИД России

А.В. Родионов, МГИМО МИД России

Ответственный секретарь

Я.С. Доброславская, МГИМО МИД России

Дизайн, верстка

Д.Е. Волков, МГИМО МИД России

Дизайн обложки

М.А. Дьяченко

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МГИМО МИД России

© МГИМО МИД России, 2023
www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Cuadernos Iberoamericanos

Vol. XI · Nº 4 · 2023

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3

Se publica 4 veces al año desde 2013
Frecuencia de publicación – 4 números al año:
Nº1 marzo; Nº2 junio; Nº3 septiembre; Nº4 diciembre.

“Cuadernos Iberoamericanos” es una Revista de Humanidades revisada por pares. Su **objetivo principal** es desarrollar estudios originales interdisciplinarios derivados de la investigación académica, reflexiones teóricas, debates especializados, ensayos y reseñas críticas en torno a temas relacionados con los estudios en áreas de historia, etnografía y etnología, arte, comunicación, literatura, lingüística y otros para ofrecer una amplia visión sobre la diversidad y la identidad del mundo iberoamericano. Se publican artículos en ruso, español, portugués e inglés lo que crea una plataforma académica privilegiada para el conocimiento mutuo y comunicación intercultural entre las dos civilizaciones especiales — de Rusia y de Iberoamérica.

Tareas de la revista:

- Ofrecer a los investigadores-iberoamericanistas una plataforma abierta para la publicación de diversas investigaciones científicas y reflexiones analíticas sobre la historia, la cultura, la literatura, artes y lenguas de los países del mundo iberoamericano;
- Difundir las publicaciones tanto de investigadores de renombre como de los expertos principiantes (artículos, monografías) en las áreas mencionadas en forma de reseñas críticas;
- Invitar a la colaboración tanto a los expertos rusos como a los iberoamericanistas extranjeros para compartir el diálogo académico y el debate intelectual sobre los estudios y la interpretación de diferentes fenómenos de la historia, la cultura y artes, de las tendencias literarias y lingüísticas presentes en el espacio iberoamericano.

CONSEJO EDITORIAL

Directora de la revista

Elena Astakhova, PhD (Historia), profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Vicedirector de la revista

Alexander Kozhanovsky, Dr. en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia

Consejo Editorial

Natalia Anikeeva, Dra. en Historia, catedrática, Universidad MGIMO, Rusia

Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático de la Universidad Estatal de Kubán, Krasnodar, Rusia

Rafael Guzmán Tirado, Dr. en Filología, catedrático, Universidad de Granada, España

Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, profesor titular, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España

Nicolay Ivanov, Dr. en Filología, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Victor Jelfets, Dr. en Historia, catedrático, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México

Serguéy Khenkin, Dr. en Historia, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Andrei Kofman, Dr. en Filología, Director Adjunto de investigaciones del Instituto de Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia

Natalia Konstantinova, PhD (Historia), Jefa del Centro de Estudios Culturales del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Miembro de la Unión de los trabajadores de teatro de la Federación de Rusia

Irina Kryazheva, Dra. en Artes, Instituto Estatal de Estudios del Arte, Rusia

Marina Larionova, Dra. en Filología, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Boris Martynov, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Olga Masalova, PhD (Historia), profesora titular, Universidad Federal de Kazán, Rusia

Anna Morózova, Dra. en Estudios Culturales, PhD (Historia del Arte), profesora titular, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Yulia Obolenskaya, Dra. en Filología, catedrática, Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, Rusia

Ivan Popov, PhD (Historia), profesor titular, Universidad MGIMO, Rusia

Irina Prokhorenko, Dra. en Ciencias Políticas, jefa del Sector de Organizaciones Internacionales y Reglamentación de Política Mundial en el Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia

Antonio Sánchez-Andrés, Dr. en Economía, catedrático, Universitat de València, España

Yakov Shemyakin, Dr. en Historia, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia

Larisa Tananaeva, Dra. en Artes, Miembra Honoraria de la Academia de Bellas Artes de Rusia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Investigadora Titular C del Centro Nacional de Investigación de Artes Plásticas (Cenidiap) del Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, México

Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, catedrático, Universitat Miguel Hernández, Alicante, España

Olga Volosyuk, Dra. en Historia, catedrática de la Universidad Escuela Superior de Economía, Rusia

EQUIPO EDITORIAL

Directora de la revista

Elena V. Astakhova, PhD en Historia, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Vicedirector de la revista

Alexander V. Kozhanovsky, Doctor en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia

Redactor académico

Nikita A. Rostov, PhD en Historia, Rusia

Redactores

Sofía R. Kerimova, Universidad MGIMO, Rusia

Aleksei V. Rodionov, Universidad MGIMO, Rusia

Secretaría ejecutiva

Yana S. Dobroslavskaya, Universidad MGIMO, Rusia

Diseño, Diseño editorial

Dmitriy E. Volkov, Universidad MGIMO

Diseño de Portada

Maria A. Diachenko

FUNDADOR Y PUBLICADOR

Universidad MGIMO

Iberoamerican Papers

Vol. XI · № 4 · 2023

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3

Established in 2013, Issued 4 times a year
Publication Frequency – 4 issues per year:
№1 March; №2 June; №3 September; №4 December.

“Iberoamerican papers” is a peer-reviewed scientific journal. **The Journal’s goal** is to develop interdisciplinary research in the field of history, ethnology, art history, literary studies, linguistics and other disciplines to show the diversity and identity of the Ibero-American worldview. The Journal publishes articles in Russian, Spanish, Portuguese and English, which creates a unique platform for mutual knowledge and intercultural communication of two “frontier” civilizations: that of Russia and Ibero-America.

The Journal’s objectives are:

- To provide researchers with an open platform to publish the results of different scientific research on the history, ethnology and ethnography, culture, literature, art, languages of the countries of the Ibero-American world;
- To disseminate the publications of both renowned researchers and junior experts (articles, monographs) in the above-mentioned areas in the form of critical reviews;
- To invite both Russian experts and Ibero-Americanists from abroad to collaborate in order to share academic dialogue and intellectual debate on the study and interpretation of different phenomena of history, culture and the arts, literary and linguistic trends in the Ibero-American world.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Elena Astakhova, PhD (History), associate professor, MGIMO University, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Alexander Kozhanovsky, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

Editorial Board

Natalia Anikeeva, Dr. of History, professor, MGIMO University, Russia

Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Rafael Guzmán Tirado, Dr. of Philology, professor, University of Granada, Spain

Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History and Geography, National University of Distant Education, Spain

Nicolay Ivanov, Dr. of Philology, professor, MGIMO University, Russia

Victor Jefeits, Dr. of History, professor, Saint Petersburg State University, Russia

Sofia Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City, Mexico

Sergey Khenkin, Dr. of History, professor, MGIMO University, Russia

Andrei Kofman, Dr. of Philology, Deputy Director of Research at the

Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Konstantinova, PhD (History), Head of the Center for Cultural

Studies at the Institute for Latin America of the Russian Academy of

Sciences, Member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation

Irina Kryazheva, Dr. of Arts, State Institute for Art Studies, Russia

Marina Larionova, Dr. of Philology, associate professor, MGIMO University, Russia

Boris Martynov, Dr. of Political Sciences, professor, MGIMO University, Russia

Olga Masalova, PhD (History), associate professor, Kazan Federal University, Russia

Anna Morozova, Dr. of Cultural Studies, PhD (History of Art), associate professor, Saint Petersburg State University, Russia

Yulia Obolenskaya, Dr. of Philology, professor, Moscow State University, Russia

Ivan Popov, PhD (History), associate professor, MGIMO University, Russia

Irina Prokhorenko, Dr. of Political Sciences, Head of the Department of International Organizations and Global Political Regulation at the Institute of World Economy and International Relations, Russian

Academy of Sciences, Russia

Antonio Sánchez-Andrés, Dr. of Economics, professor, University of Valencia, Spain

Yakov Shemyakin, Dr. of History, Institute for Latin America, Russia

Larisa Tananaeva, Dr. of Arts, Honorary Member of the Russian Academy of Arts, Russia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Senior Researcher of the National Research Center for Art History (Cenidiap), National Institute of Arts, Mexico

Antonio Jose Verdú-Jover, Dr. of Economics, Professor, Miguel Hernández University, Alicante, Spain

Olga Volosyuk, Dr. of History, professor, National Research University Higher School of Economics, Russia

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

Elena V. Astakhova, PhD in History, associate professor, MGIMO University, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Alexander Kozhanovsky, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

Editor-in-Charge

Nikita A. Rostov, PhD (History), Russia

Associate Editors

Sofia R. Kerimova, MGIMO University, Russia

Aleksei V. Rodionov, MGIMO University, Russia

Secretary-in-Charge

Iana S. Dobroslavskaya, MGIMO University, Russia

Design, Desktop Publishing

Dmitriy E. Volkov, MGIMO University

Cover Design

Maria A. Diachenko

FOUNDER AND PUBLISHER

MGIMO University

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

В.Е. Багно, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Россия)

А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор КубГУ, Краснодар (Россия)

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, профессор, Университет Мигеля Эрнандеса, Аликанте (Испания)

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель ИЛА РАН (Россия)

С. Каменецкая, доктор филологии, Национальный автономный университет, г. Мехико (Мексика)

А.Ф. Кофман, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе ИМЛИ РАН (Россия)

Р. дель Мораль, доктор филологии, Европейская ассоциация преподавателей испанского языка (Испания)

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, доцент, Национальный университет заочного обучения (Испания)

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, сопредседатель Иberoамериканского центра МГИМО МИД России (Россия)

А.А. Орлов, кандидат исторических наук, профессор МГИМО МИД России (Россия)

М.М. Раевская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ (Россия)

М.Г. Толоса Санчес, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра истории искусств (Cenidiap) Национального института искусств (Мексика)

Р.Д. Флорес Арсила, доктор филологии, доцент, Национальный университет Колумбии, г. Богота (Колумбия)

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, СПбГУ (Россия)

А.В. Шестопал, доктор философских наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

CONSEJO INTERNACIONAL DE EXPERTOS CIENTÍFICOS

Vsevolod Bagnó, Dr. en Filología, Miembro-Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Director de Investigaciones del Instituto de Literatura Rusa (Casa Pushkin), Rusia

Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático de la Universidad Estatal de Kubán, Krasnodar, Rusia

Vladimir Davydov, Dr. en Economía, Miembro Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, catedrático, Director de Investigaciones del Instituto de Latinoamérica, Rusia

Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. en Filología, profesor titular, Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, Colombia

Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, profesor titular, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España

Lazar Jeifets, Dr. en Historia, catedrático, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México

Andrei Kofman, Dr. en Filología, Director Adjunto de investigaciones del Instituto de Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia

Rafael del Moral, Dr. en Filología, Asociación Europea de Profesores de Español, España

Ludmila Okuneva, Dra. en Historia, jefa del Departamento de Historia y Política de los países de Europa y América, Copresidenta del Centro Iberoamericano de la Universidad MGIMO, Rusia

Alexander Orlov, PhD (Historia), catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Marina Raevskaya, Dra. en Filología, catedrática, jefa del Departamento de Español de la Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, Rusia

Alexey Shestopal, Dr. en Filosofía, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Investigadora Titular C del Centro Nacional de Investigación de Artes Plásticas (Cenidiap) del Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, México

Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, catedrático, Universitat Miguel Hernández, Alicante, España

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EXPERT COUNCIL

Vsevolod Bagnó, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russia

Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Vladimir Davydov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute for Latin America, Russia

Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. of Philology, National University of Colombia, Bogotá, Colombia

Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History and Geography, National University of Distant Education, Spain

Lazar Jeifets, Dr. of History, Professor, Saint Petersburg State University, Russia

Sofía Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City, Mexico

Andrei Kofman, Dr. of Philology, Deputy Director of Research at the Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia

Rafael del Moral, Dr. of Linguistics, European Association of Professors of Spanish, Spain

Ludmila Okuneva, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Politics of European and American countries, Co-President of the Iberoamerican Centre of MGIMO University, Russia

Alexander Orlov, PhD (History), Professor, MGIMO University, Russia

Marina Raevskaya, Dr. of Philology, Professor, Head of the Department of Spanish Language at Moscow State University, Russia

Alexey Shestopal, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO University, Russia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Senior Researcher of the National Research Center for Art History (Cenidiap), National Institute of Arts, Mexico

Antonio Jose Verdú-Jover, Dr. of Economics, Professor, Miguel Hernández University, Alicante, Spain

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), LATINDEX

Esta revista está incluida en la Lista de ediciones científicas de impacto, revisada por pares, en conformidad con el clasificador de la Comisión Superior de Certificación de Rusia, LATINDEX

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, LATINDEX

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора

Астахова Е.В.

Представление номера 8

Общество

Аналитическое эссе

Miriam Fernández Calzada

¿OCCIDENTE? ¿QUÉ OCCIDENTE? Reflexiones sobre Occidente desde la idea de la Hispanidad
(Запад? Какой Запад? Размышления о Западе в рамках концепции «Испанидад») 15

Исследовательская статья

Шемякин Я.Г.

О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»:
Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения 36

Исследовательская статья

Калюта А.В.

Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков,
этнографов и археологов 62

Исследовательская статья

Дементьев А.В.

Особенности формирования и деятельности органов власти испанских
колониальных владений в Америке в XVI–XVII вв. 88

Интервью

Масалова О.А.

Типология диалога культур в Латинской Америке в концепции Леопольдо Сеа 108

Культура, искусство, язык

Аналитическое эссе

Садиков А.В.

Африканское начало в культуре Кубы 124

Аналитическое эссе

Родионов А.В.

Тема Фриды. Фрида Кало как символ мексиканской национальной идентичности
(размышления после спектакля) 144

Аналитическое эссе

Luiz Carlos Prestes Filho

Como o Carnaval do Brasil se transformou numa
Potência da Economia da Cultura (Как бразильский карнавал стал бизнесом) 158

Исследовательская статья

Микаэлян Ю.И.

К проблеме сохранения авторского идиостиля в переводе:
алкоголь в прозе С. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник»
и сборника новелл «Компромисс» на испанский и португальский языки) 170

Страницы истории

Исследовательская статья

Гранцева Е.О.

Образ Второй Испанской Республики на страницах франкистского
энциклопедического словаря: культура отмены или путь к примирению 187

Исследовательская статья

Эстевес А.Л., Жуков Н.Н.

К истории бразильского федерализма: от Первой республики до диктатуры Варгаса 205

Рецензии

Русакова Т.Ю.

История Колумбии: в погоне за ускользающим единством 228

Научная жизнь 237

Для АВТОРОВ 253

ÍNDICE

Editorial

Astakhova E.V.

Presentación del número 8

Sociedad

Ensayo analítico

Miriam Fernández Calzada

¿OCCIDENTE? ¿QUÉ OCCIDENTE? Reflexiones sobre Occidente desde la idea de la Hispanidad 15

Artículo de investigación

Shemyakin Ya.G.

Sobre las formas de organización de la realidad lingüística de la «zona fronteriza» civilizatoria: América Latina, Europa Ibérica y Rusia en el contexto de la comparación 36

Artículo de investigación

Kalyuta A.V.

«El imperio azteca» y organización socio-política de los nahuas prehispánicos en las obras de historiadores, etnólogos y antropólogos rusos 62

Artículo de investigación

Dementiev A.V.

Particularidades de formación y actividades de los organismos de gobierno en las posesiones coloniales de España en América en los siglos XVI y XVII 88

Entrevista

Masalova O.A.

Tipología del diálogo de culturas en América Latina en el marco del concepto de Leopoldo Zea 108

Cultura, arte, lengua

Ensayo analítico

Sádkov A.V.

Elemento africano de la cultura de Cuba 124

Ensayo analítico

Rodionov A.V.

Frida Kahlo como símbolo de la identidad nacional mexicana (reflexiones después de una representación teatral) 144

Ensaio analítico

Luiz Carlos Prestes Filho

Como o Carnaval do Brasil se transformou numa Potência da Economia da Cultura 158

Artículo de investigación

Mikaelyan Yu.I.

Respecto al problema de la conservación de las peculiaridades del estilo del autor en la traducción: el alcohol en la prosa de S. Dovlátov (basándose en las traducciones de «Retiro» y «El compromiso» al español y al portugués) 170

Historia

Artículo de investigación

Grantseva E.O.

La imagen de la Segunda República Española en las páginas del diccionario enciclopédico franquista: cultura de la cancelación o inicio de la reconciliación 187

Artículo de investigación

Esteves A.L., Zhúkov N.N.

En torno a la historia del federalismo brasileño: de la Primera República a la dictadura de Vargas 205

Reseña

Rusakova T.Yu.

Historia de Colombia: en busca de la esquiua unidad 228

Vida académica 237

PARA LOS AUTORES 253

CONTENTS

Editorial

Astakhova E.V. Presenting the Issue	8
---	---

Society

Analytical essay

Miriam Fernández Calzada THE WEST? WHICH WEST? Reflections About the West From the Perspective of Hispanidad	15
--	----

Research article

Shemyakin Ya.G. On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared	36
--	----

Research article

Kalyuta A.V. The «Aztec Empire» and Nahua (Aztec) Socio-Political Organization Through the Eyes of Russian Historians, Ethnologists and Archeologists	62
--	----

Research article

Dementiev A.V. Features of Formation and Functioning of the Spanish Colonial Administration in America During the 16 th and 17 th Centuries	88
--	----

Interview

Masalova O.A. Typology of Dialogue of Cultures in Latin America in the Concept of Leopoldo Zea	108
--	-----

Culture, art, language

Analytical essay

Sadikov A.V. African Element in Cuban Culture	124
---	-----

Analytical essay

Rodionov A.V. Frida Kahlo as a Symbol of Mexican National Identity (some thoughts after a theatre performance)	144
--	-----

Analytical essay

Luiz Carlos Prestes Filho How Brazilian Carnival Became a Business	158
--	-----

Research article

Mikaelyan Yu.I. On the Problem of Preserving the Writer's Idiosyncrasy in Translation: Alcohol in S. Dovlatov's Prose (a Case Study of the Translations of «Pushkin Hills» and «The Compromise» Into Spanish and Portuguese)	170
--	-----

History

Research article

Grantseva E.O. The Image of the Second Spanish Republic on the Pages of the Franco Encyclopedic Dictionary: Cancel Culture or the Beginning of Reconciliation	187
--	-----

Research article

Esteves A.L., Zhukov N.N. History of Brazilian Federalism: From the First Republic to the Dictatorship of Vargas	205
--	-----

Book Reviews

Rusakova T.Yu. History of Colombia: In Pursuit of Elusive Unity	228
---	-----

Academic life	237
----------------------------	-----

FOR AUTHORS	253
--------------------------	-----

Дорогие читатели, авторы и коллеги!

Представляю четвертый номер нашего журнала за 2023 год. Этот год стал ключевым для изменения профиля и приоритетов «Ибероамериканских тетрадей». На наш взгляд и судя по откликам читателей и видных экспертов-ибероамериканистов, задача, которую мы поставили, — представление междисциплинарных исследований для изучения всесторонней картины мира ибероамериканских стран и их связи с Россией — воплощается на страницах журнала, надеемся, с успехом. Во всяком случае, многие публикации, посвященные истории, явлениям культуры, литературоведческим исследованиям, фольклористике, искусству и языковым вопросам, привлекают внимание, свидетельством чему служит сайт журнала, где все статьи выложены в открытом доступе (на задней стороне обложки бумажной версии журнала обозначен QR-код, с помощью которого можно открыть сайт «Ибероамериканских тетрадей» и ознакомиться со всеми материалами).

Согласно новой концепции, каждый выпуск выглядит как своего рода альманах, сборник научных исследований и аналитических эссе по сквозной теме (в 2023 г. это национальные образы, истории искусства, литературные диалоги, общество и культура), привязанных к разным странам многоликого и красочного ибероамериканского мира.

Настоящий выпуск продиктован результатами Международной научной конференции, которая прошла в ноябре этого года на платформе МГИМО под эгидой редакции «Ибероамериканских тетрадей». Большая часть статей отражает ее проблематику — «Ибероамерика: Общество. Культура. Язык».

Особый интерес и полемические споры на конференции вызвали темы «цивилизационного пограничья», национальной идентичности, взаимопроникновения и переплетения культур Старого и Нового Света. Диалог в самом широком смысле этого слова (например, диалог западной и незападной культур) — это опыт преодоления чужого и чуждого для каждой из сторон, и он разворачивается в разных сферах: этнической, исторической, лингвистической, психологической, ментальной и художественной.

Первая статья этого номера — злободневное и полемическое исследование (на испанском языке) философа Мириам Фернандес Кальсада (Испания) о том, что мы понимаем под понятием «Запад» или «западный мир». Автор утверждает, что первый проект западного мира был выстроен не англосаксонскими протестантами, а испанскими католиками. Возможно, «он был куда более инклюзивным и открытым для одновременного сосуществования

альтернативных суперсистем в противовес глобалистской природе англосаксонского Запада, навязывающего свое собственное мировоззрение и отрицающего любые иные парадигмы социального развития».

Тему диалога культур на основе «включающего» дискурса и обусловленной им доминанты многообразия продолжает исследовательская статья известного российского ученого Я.Г. Шемякина о лингвистической реальности и формах организации языкового космоса Латинской Америки, Пиренейской Европы и России в контексте сравнения. Именно язык отражает картину мира, развитие, политические установки, внешние воздействия и возникающие конфликты в той или иной стране. Автор выделяет две формы организации лингвистической реальности стран цивилизационного «пограничья»: языковое варьирование и языковой союз, причем эти формы взаимно обуславливают друг друга. Особое внимание вызывают размышления автора, посвященные взаимоотношению языков трех главных восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского. Как и в Латинской Америке и в Иберийской Европе, «включающий» дискурс утвердился, развивался и развивается на пространстве «русского мира» через преодоление контртенденции, воплощенной в его антагонисте, «исключающем» дискурсе. Глубокий кризис, который испытала российская цивилизация в связи с распадом СССР, привёл, бесспорно, к усилению разрушительной логики «исключения». Но при всей сложности нынешней исторической ситуации, по утверждению автора, нет никаких серьёзных оснований говорить о том, что эта логика возобладавала.

Исследование историка из Санкт-Петербурга А.В. Калюты освещает научные подходы российских ученых к изучению общественно-политического строя и государственности крупнейшей этнической общности Мезоамерики — науа. Подробно и обоснованно рассматривается эволюция этих взглядов, начиная с анализа первых сведений, проникших в Россию в середине XVIII в., до теоретических положений начала XXI в.

Антиколониальный нарратив возвращается в центр научных дискуссий. Особую остроту вызывают споры вокруг участвовавших требований к бывшим метрополиям, в том числе к Испании, о «покаянии» за насилие и злоупотребления, допущенные колонизаторами в прошлом. А.В. Дементьев (МГИМО), используя оригинальные источники, описывает систему органов власти на новых землях, созданную испанским бюрократическим аппаратом в XVI–XVII вв. Традиционные системы управления коренных народов или искоренялись, или встраивались в новую пирамиду власти в качестве низшего звена. Автор делает вывод, что уже тогда закладывались предпосылки для образования в будущем нескольких десятков независимых государств в «испанской Америке».

Синтез культур или отрицание? Этот вопрос звучит в интервью, которое мы взяли у историка Ольги Масаловой из Казанского федерального университета. Эксперт занимается диалогом культур Старого и Нового Света

в концепции выдающегося мексиканского ученого Леопольдо Сеа, который разработал «проектный подход» к истории и культуре Латинской Америки, а также обозначил типологию диалогических связей. В наше время особую актуальность заслуживает рассмотрение и дальнейшее изучение «проекта самообретения» Латинской Америки в XX веке. Страны континента «заменяют реальность зависимости на реальность свободы».

Статьи и эссе о культуре и искусстве представлены сквозь призму отдельных явлений и персоналий и раскрывают новые черты самобытности стран региона. Известный российский филолог А.В. Садиков рассматривает африканский элемент в культуре Кубы в зеркале верований, ритуалов, языковых особенностей, музыки. Латиноамериканист А.В. Родионов (МГИМО) в необычном ракурсе размышляет о социокультурном феномене Фриды Кало как символе мексиканской идентичности, отразившейся в ее творчестве и стиле жизни. Триггером для написания этого аналитического эссе послужил спектакль «Кто убил Фриду Кало?» в Государственном театре кукол им. С.В. Образцова.

Бразильский карнавал описан неоднократно, но в эссе на португальском языке Луиса Карлоса Престеса — младшего (Бразилия) присутствует совершенно особый взгляд на эту сферу развлечения, которая стала важнейшей частью мировой индустрии культуры. Дистанция от свободного танца и праздника, родившегося в беднейших кварталах Рио, до парада школ самбы на Самбодроме огромна и, чтобы ее пройти, требуются, как показывает представляемый материал, десятилетия. В то же время бразильский карнавал, став «фабрикой», не перестает быть искренней формой самовыражения и самореализации простых людей, которые питают этот праздник искусственными эмоциями и придают ему подлинный характер.

В своем исследовании Ю.И. Микаэлян (МГИМО), используя семиотический (смысловой) анализ, обнаруживает дополнительные значения авторского замысла в построении образов в художественном тексте. На примере единиц лексико-семантического поля «алкоголь» рассматриваются некоторые особенности идиостиля писателя Сергея Довлатова и возможные переводческие стратегии, позволяющие сохранить характерный стиль в переводе на испанский и португальский (бразильский национальный вариант) языки.

В разделе «Страницы истории» публикуем любопытное исследование старшего научного сотрудника ИВИ РАН Е.О. Гранцевой о специфике восприятия Второй Испанской Республики и ее культурного наследия франкистской официальной идеологией. Интересно проследить степень первичных попыток «примирения» с недавним прошлым по материалам популярного в ибероамериканских странах энциклопедического словаря Эспаса-Кальпе в редакции 1957 г., то есть в период перехода от «первого» ко «второму франкизму».

Истории бразильского федерализма в первой половине XX века посвящено исследование аспирантов НИУ ВШЭ А.Л. Эстевес и Н.Н. Жукова.

Обращаем внимание на сообщения о научной жизни. Латиноамериканистика в октябре–декабре этого года была широко представлена на многочисленных конференциях, форумах, симпозиумах. Для рецензии редакция выбрала «Историю Колумбии» (Москва: Наука, 2022), солидное семисотстраничное издание, охватившее историю колумбийского государства с доколумбовых времен до важнейших политических и социально-культурных событий середины второго десятилетия XXI в. Обзор монографии подготовила старший научный сотрудник ИЛА РАН Т.Ю. Русакова.

Напоминаем о концептуальной междисциплинарной тематике выпусков 2024 года: «Город», «Музей, место встречи», «Традиции», «Латинская Америка / Россия — соприкосновения культур».

**¡FELIZ AÑO NUEVO!
FELIZ ANO NOVO!**

Редакция «Ибероамериканских тетрадей» сердечно поздравляет с Новым годом всех, кто принимал участие в создании номеров этого года. Желаем всем членам редколлегии и международного научно-экспертного совета, настоящим и будущим авторам, сотрудникам редакции крепкого здоровья и творческих открытий, новых исследований, идей и поисков, которые с удовольствием представим на страницах нашего журнала.

Всем всего самого доброго!

Елена Астахова,
главный редактор журнала «Ибероамериканские тетради»

¡Amigas y amigos de la revista!
¡Estimados colegas!

Me da un gusto especial presentar este nuevo número de la revista — № 4 / 2023. Este año ha sido clave para cambiar el perfil y las prioridades de «Cuadernos Iberoamericanos». En nuestra opinión, y juzgando por las repercusiones que recibimos de parte de lectores y destacados expertos iberoamericanistas, el desafío que nos propusimos — la publicación de estudios interdisciplinarios para presentar una imagen más completa del mundo iberoamericano y de su relación con Rusia, se va materializando en las páginas de la revista. En cualquier caso, muchas investigaciones dedicadas a la historia, fenómenos culturales, estudios literarios y lingüísticos, folclore y arte atraen la atención. Lo demuestra el sitio web de la revista, en que todos los trabajos son de libre acceso (también están disponibles mediante la aplicación del código QR).

Según el nuevo concepto que elaboró el equipo editorial, cada fascículo es una especie de almanaque, una colección de estudios y ensayos sobre un tema elegido (en 2023, estos fueron «imágenes nacionales», «historias del arte», «diálogos sobre la literatura y el folclore», «sociedad y cultura»).

El presente fascículo tiene como punto de reflexión las ponencias hechas en la Conferencia internacional «Iberoamérica: Sociedad. Cultura. Lengua», que se celebró en noviembre de este año en la MGIMO por la iniciativa de la Dirección de «Cuadernos Iberoamericanos».

Merecieron interés de manera especial los temas del diálogo de civilizaciones, la identidad nacional, la incidencia recíproca de las culturas del Viejo y el Nuevo Mundo.

El primer estudio es una reflexión de la filósofa Miriam Fernández Calzada (España) sobre la noción «Occidente» en el marco de la «Hispanidad». Miriam reflexiona sobre el primer «proyecto occidental», el «Occidente» que no fue construido por protestantes anglosajones, sino por católicos españoles y, quizás, fuera «mucho más inclusivo y abierto para la coexistencia de supersistemas alternativos en oposición al carácter globalista del Occidente anglosajón, que impone su propia cosmovisión y rechaza cualquier otra vía de desarrollo social».

El tema del diálogo de las culturas sobre la base del discurso «inclusivo» está desarrollado en el artículo de investigación del famoso científico ruso Yakov Shemyakin quien escribe sobre la realidad lingüística y las formas de organización del cosmos lingüístico en América Latina, Europa Ibérica y Rusia en el contexto de comparación. La lengua refleja la cosmovisión, el desarrollo histórico y político, el impacto de influencias externas y el surgimiento de conflictos internos. El autor distingue dos formas de organización de la realidad lingüística en los países de la llamada «civilización de frontera»: la variación lingüística y la unión lingüística, y subraya que estas formas se condicionan mutuamente. Las reflexiones sobre la rela-

ción entre las lenguas de los tres principales pueblos eslavos orientales: ruso, ucraniano y bielorruso llaman especial atención. Al igual que en América Latina y en la Europa Ibérica, el discurso «inclusivo» se ha desarrollado y sigue desarrollándose en el espacio del «mundo ruso» superando la contra-tendencia encarnada en el discurso «exclusivo». La civilización rusa sufrió una profunda crisis por el colapso de la URSS lo que llevó, sin duda, al fortalecimiento de la lógica destructiva del discurso «exclusivo». Pero a pesar de la complejidad de la situación histórica actual, según el autor, no hay ninguna razón seria para hablar de que esta lógica prevalezca.

El trabajo de la historiadora de San Petersburgo A. Kalyuta considera los enfoques de los investigadores rusos respecto al sistema sociopolítico de la comunidad étnica más grande de Mesoamérica: los nahua. Se analiza la evolución de estas teorías desde la primera información sobre los nahua que apareció en Rusia a mediados del siglo XVII, hasta los estudios hechos a principios del siglo XXI.

La narrativa anticolonial vuelve a dominar el debate académico. Se llevan disputas en torno a las demandas de «restitución» a las antiguas metrópolis, incluida España, de «pedir perdón» por la violencia y los abusos cometidos por los colonizadores en el pasado. A. Dementiev (MGIMO), recurriendo a fuentes originales, describe el sistema de gobierno creado en las tierras americanas por el aparato burocrático español en los siglos XVI–XVII. Los sistemas tradicionales de gobierno de los pueblos indígenas fueron erradicados o integrados en una nueva pirámide de poder. El autor concluye que ya entonces se sentaron las bases para la formación en el futuro de varias decenas de estados independientes hispanoamericanos.

¿Síntesis de culturas o negación? Esta pregunta la hicimos a la historiadora Olga Masalova de la Universidad Federal de Kazán. La experta aborda el diálogo de las culturas del Viejo y el Nuevo Mundo a través del concepto del destacado pensador y filósofo mexicano Leopoldo Zea quien desarrolló sus propias formulaciones teóricas en torno a las categorías de historia y cultura, dependencia e independencia o al discurso como diálogo, entre muchas otras.

Los ensayos sobre la cultura y el arte presentan nuevas características de la identidad nacional a través de ciertos fenómenos y personalidades. El famoso filólogo ruso A. Sadikov aborda el relato africano en la cultura de Cuba, presente en varias esferas y estilos de vida. El latinoamericanista A. Rodionov (MGIMO) presenta su punto de vista sobre el fenómeno sociocultural de Frida Kahlo, símbolo y mito de la identidad mexicana. El espectáculo presentado en el Teatro estatal de títeres de Moscú bajo el título «¿Quién mató a Frida Kahlo?» le sirvió de impulso para preparar este ensayo analítico.

Luis Carlos Prestes Filho (Brasil) nos ofrece una visión especial de la fiesta de carnaval que se ha convertido en un fenómeno de la industria cultural mundial. La distancia entre la samba nacida en los barrios más pobres de Río y el desfile de las escuelas de samba montado, como en una «fábrica», en el Sambódromo es enorme. Al mismo tiempo, el carnaval brasileño no deja de ser una forma libre de autoexpresión y autorealización de la gente común que alimenta esta fiesta con sus verdaderas emociones.

En su estudio, la lingüista Yu. Mikaelian (MGIMO), utilizando el análisis semiótico, descubre cómo se construyen distintas imágenes en el texto de ficción. Tomando como ejemplo las locuciones del campo léxico-semántico «alcohol», se consideran algunas características de estilo del escritor ruso Sergei Dovlatov y unas estrategias de la traducción al español y portugués.

En la sección «Páginas de historia» publicamos una curiosa investigación de E. Grantseva (Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia) sobre la interpretación del legado de la Segunda República Española por la ideología oficial franquista en su «segundo periodo». Unos intentos de reconciliarse (o no) con el pasado reciente se examinan a través de las páginas del popular diccionario enciclopédico Espasa-Calpe en la edición de 1957.

El estudio de los doctorandos de la Escuela Superior de Economía (Moscú) A. Estévez y N. Zhukov está dedicado a la historia del federalismo brasileño en la primera mitad del siglo XX.

Para la reseña, elegimos el libro «Historia de Colombia» (Moscú, Nauka, 2022), una publicación de más de setecientas páginas que cubren la historia de este país desde la época precolombina hasta los procesos políticos y socioculturales más importantes del inicio del siglo XXI.

¡FELIZ AÑO NUEVO!
FELIZ ANO NOVO!

La Dirección de «Cuadernos Iberoamericanos» desea cordialmente un Feliz Año Nuevo a todos los colaboradores de la revista. A todos los miembros del Consejo editorial y del Consejo internacional de expertos científicos, a nuestros autores, actuales y futuros, al equipo editorial — hacemos votos de buena salud y éxitos y esperamos presentar en las páginas de nuestra revista sus nuevas investigaciones, ricas ideas y búsquedas creativas.

Elena Astakhova,
Directora de la revista «Cuadernos Iberoamericanos»

¿OCCIDENTE? ¿QUÉ OCCIDENTE?

Reflexiones sobre Occidente desde la idea de la Hispanidad

© Fernández Calzada Miriam, 2023

Miriam Fernández Calzada, PhD (Filosofía), Universidad de Valladolid (España), investigadora independiente.

47006, España, Valladolid, calle Esteban Daza 1, 1 A

ORCID: 0009-0007-0110-7394 E-mail: miriann1853@gmail.com

Resumen. Si se contempla la historia de la humanidad en su conjunto se constata como los diferentes grupos humanos o pueblos han tendido a agruparse bajo el techo de grandes civilizaciones o supersistemas socioculturales. Estos supersistemas determinan el movimiento en el océano sociocultural de todos los otros países o pueblos que los conforman.

Uno de los pilares básicos sobre el que se sustenta cada uno de estos sistemas socioculturales o civilizaciones, como estableció hace tiempo ya Nikolái Danilevski, sociólogo, geopolítico y culturólogo, está determinado por una religión, que condiciona en gran medida la cosmovisión de esa civilización y su energía. El supersistema que constituye el Occidente actual tiene una raíz de base anglosajona-protestante, un Occidente que, sin embargo, ha experimentado un desarrollo patológico excesivo que está bloqueando e impidiendo el desarrollo y despliegue de otras formas civilizatorias.

Sin embargo, la primera versión de Occidente no fue anglosajona-protestante sino hispano-católica. En el artículo se sugiere el interés de reflexionar sobre la posibilidad de volver la vista a esta primera versión de Occidente, quizá más integradora y abierta a la presencia simultánea de supersistemas alternativos frente al carácter impositivo y aniquilador de toda diferencia que caracteriza al Occidente actual.

El resultado de esa primera versión es lo que podemos llamar «hispanidad». Dado el carácter difuso de este concepto, se propone una revisión de algunas de las definiciones dadas del mismo por pensadores hispanohablantes en diferentes momentos y con el propósito de señalar posibles vías de desarrollo de versión actualizada de esta idea.

Palabras clave: Occidente, civilización, hispanidad, Hispanoamérica, anglosajón-protestante, hispano-católico, lengua española

Para citar: Fernández Calzada Miriam (2023) ¿OCCIDENTE? ¿QUÉ OCCIDENTE? Reflexiones sobre Occidente desde la idea de la Hispanidad, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 15–35. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Запад? Какой Запад? Размышления о Западе в рамках концепции «Испанидад»¹

© Фернандес Кальсада М., 2023

Мириам Фернандес Кальсада, канд. филос. наук, Университет Вальядолида (Испания), независимый исследователь.

47006, Испания, Вальядолид, улица Эстебан Даса 1, 1 А.

ORCID: 0009-0007-0110-7394 E-mail: miriann1853@gmail.com

Аннотация. Если обратиться к истории человечества в целом, то можно заметить, как различные группы или народы стремились объединиться в рамках цивилизаций или социокультурных суперсистем. Эти суперсистемы определяют динамику социокультурного развития всех входящих в них стран или народов.

Как установил еще Николай Данилевский, одним из основных столпов, на которых основана каждая из систем, является религия, в значительной степени определяющая мировоззрение данной цивилизации и ее потенциал. Суперсистема, формирующая современный западный мир, в основе своей имеет англосаксонские протестантские корни, патологически разросшиеся, блокирующие и препятствующие развитию других форм цивилизации.

Однако первый проект единого западного мира был выстроен не англосаксонскими протестантами, а испанскими католиками. Возможно, он был куда более инклюзивным и открытым для одновременного сосуществования альтернативных суперсистем в противовес глобалистской природе англосаксонского Запада, навязывающего свое собственное мировоззрение и отрицающего любые иные парадигмы социального развития.

Наследие испанского проекта стало то, что сейчас принято называть «Испанидад». Учитывая неопределенный и многозначный характер этого понятия, представляет интерес провести научный анализ и обзор некоторых дефиниций, данных испаноязычными мыслителями в разное время, с целью указать возможные пути развития обновленной версии этой идеи.

Ключевые слова: Запад, цивилизация, концепция «Испанидад», Испано-Америка, англосаксонский протестантизм, испанский католицизм, испанский язык

Для цитирования: Фернандес Кальсада М. (2023) Запад? Какой Запад? Размышления о Западе в рамках концепции «Испанидад». *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 15–35. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¹ Испанидад — концепция единого цивилизационного пространства испаноязычных стран и народов на основе языковой, культурной и религиозной общности. — *Прим. ред.*

THE WEST? WHICH WEST?

Reflections About the West From the Perspective of Hispanidad

© Fernández Calzada M., 2023

Miriam Fernández Calzada, PhD (Philosophy), University of Valladolid (Spain), independent researcher.

47006, Spain, Valladolid, Esteban Daza street 1, 1 A

ORCID: 0009-0007-0110-7394 E-mail: miriann1853@gmail.com

Abstract. If we look at the history of mankind as a whole, we can see how the different human groups or peoples have tended to group together under the roof of great civilizations or socio-cultural supersystems. These supersystems determine the movement in the socio-cultural ocean of all the other countries or peoples that make them up.

One of the basic pillars on which each of these socio-cultural systems or civilizations rests, as Russian scientist Nikolay Danilevski established long ago, is determined by religion, which to a great extent conditions the worldview of that civilization and its energy. The supersystem that constitutes today's West has an Anglo-Saxon-Protestant root base, a West that has, however, undergone a pathological overdevelopment that is blocking and preventing the development of other forms of civilization.

However, the first version of the West was not the Anglo-Saxon-Protestant, but the Hispano-Catholic one. The article seeks to reflect on the possibility of returning to this first version of the West, perhaps more inclusive and open to the simultaneous presence of alternative supersystems as opposed to the imposing and annihilating character of the Anglo-Saxon West. The result of this first notion of the West is what we can call «Hispanidad». Given the diffuse nature of this concept, a review of some of the definitions given by Spanish-speaking thinkers at different times is proposed, with the aim of pointing out possible ways of developing an updated version of this idea.

Keywords: West, civilization, Hispanicity, Hispanic America, Anglo-Saxon-Protestant, Hispanic-Catholic, Spanish language

For citation: Fernández Calzada M. (2023) THE WEST? WHICH WEST? Reflections About the West From the Perspective of Hispanidad, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 15–35. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

¿Occidente? ¿Qué Occidente?

Parece evidente que la humanidad ha entrado en una era crítica, se están produciendo cambios profundos y tectónicos que parecen exigir un replanteamiento del orden mundial, el reformateo de las relaciones internacionales, pero también un cuestionamiento de las ideas y valores subyacentes a la arquitectura mundial.

Podemos decir que la humanidad se enfrenta a retos que afectan a la convivencia sobre todo el planeta. Vivimos en una situación convulsa que hemos provocado nosotros mismos pues lo que hacemos es, en gran medida, un reflejo de nuestras ideas y teorías, de nuestra manera de estar en el mundo, de aquello que podemos llamar nuestra cosmovisión.

Ahora bien, ¿qué entender exactamente por humanidad? Decía el filósofo español Gustavo Bueno en su obra *España frente a Europa* que la palabra «humanidad» es una categoría abstracta intratable, un ideal metafísico, posterior a las diferentes etnias, culturas o civilizaciones originarias que la constituyen [Bueno, 1999: 415; Bueno, 2005]. Una idea similar afirmó Nikolái Danilevski (Николай Яковлевич Данилевский, 1822–1885) casi un siglo antes en su obra *Rusia y Europa* (1869). No hay una humanidad entendida como sujeto único de la historia universal. La humanidad es el género, una abstracción a partir de las especies que lo constituyen, mucho más concretas y ricas. No hay tampoco una cultura universal con unos valores universales. Por este motivo, el pensador ruso creo su teoría de los tipos histórico culturales, que también guarda conexión con la idea de *superethnos* desarrollada algo más tarde por otro investigador ruso, Lev Gumiliov (Лев Николаевич Гумилёв, 1912–1992).

Al margen de emplear una u otra terminología, si contemplamos la historia de la humanidad en su conjunto, podemos ver como los diferentes grupos humanos han tendido a agruparse bajo el techo de macro civilizaciones o supersistemas socioculturales. Estos supersistemas determinan el movimiento en el océano sociocultural de todos los pueblos que caen bajo su dominio, de tal manera que un cambio en las ideas, o principios generales que sustentan este supersistema acaban produciendo cambios en la vida, la organización, funciones, mentalidad y comportamiento de sujetos históricos (pueden ser países o pueblos) que engloban. Así, un cambio en las ideas o valores generales de este supersistema acaba produciendo cambios en cadena en todos los demás naciones que acoge².

² Algo que podría verse por ejemplo con los cambios de estilos artísticos en los países europeos, el paso del arte renacentista al barroco de ahí neoclásico y de ahí al romanticismo, no es sólo cuestión de moda, van acompañados de cambios en la cosmovisión que se sustenta en cada caso y ocurren casi con simultaneidad en todo el espacio geográfico por el que se extiende, en este caso el europeo. — *Прим. авт.*

No podemos hablar, por tanto, de una civilización universal única. Sin embargo, establecer una comunidad cosmopolita que englobe a toda la humanidad bajo un único código moral compartido, bajo una cosmovisión, fue uno de los sueños de la Ilustración europea, sueño cosmopolita que expresó de la manera más clara Immanuel Kant. Algo que parece imposible o utópico, aunque quizá fuera deseable. Occidente nunca ha abandonado ese sueño. El problema, como señala el filósofo argentino Alberto Buela³, es que ese viejo sueño ilustrado se ha fundido y confundido con la globalización, un proyecto básicamente económico que tiende a ver el mundo como un inmenso supermercado, una aldea global mercantil en la que han de vivir todos los pueblos, previa aniquilación de sus identidades nacionales [Buela, 2012: 71].

No es ninguna novedad afirmar que este proyecto de crear un mundo unipolar, un nuevo orden mundial que pretende imponer una única forma de estar en el mundo es un producto de ese supersistema o macro civilización que llamamos Occidente. Un Occidente que ha conseguido desplegar todo su potencial de un modo brillante y exitoso. Sin embargo, el desarrollo insuficiente o el bloqueo de cosmovisiones alternativas ha llevado a este Occidente a entrar en una fase de hiperactividad que ha degenerado en un estado agresivo patológico.

Desde una perspectiva histórica, el Occidente actual es el resultado de una serie de cambios y movimientos que han llevado a imponer como occidental lo que sólo es una parte de ese todo, a saber, la cosmovisión anglosajona-protestante, una hegemonía hoy indiscutible en Occidente, que no siempre fue así, ya que se instaura progresivamente a partir del s. XVIII, tras desplazar el eje católico-mediterráneo hasta que definitivamente se impuso un norte protestante, frente a un sur católico.

Así, si hablamos de Europa y vemos uno de sus elementos definitorios en la religión cristiana, no tanto en sentido confesional sino como elemento fundamental de una cosmovisión, como manera de estar en el mundo, puede decirse que en Europa se han producido dos grandes cismas que han roto este espacio geográfico común europeo. El primero fue el Cisma de Oriente en 1054 que separó el Este del Oeste, el oriente ortodoxo del oeste romano católico. El segundo, la Reforma protestante, que se inicia en 1517 y que produjo un proceso de ruptura entre el norte y el sur de la parte occidental de Europa.

Así, cuanto se crea el sueño ilustrado, en el diseño de Europa ya se había incorporado y asimilado la superioridad del norte protestante frente al sur católico. Una superioridad que con el paso del tiempo y al llegar a América alcanzará con la doctrina del *Destino Manifiesto* de EEUU su máxima expresión. Pero hay versiones anteriores de Occidente y puede ser interesante reflexionar sobre aquello que dejaron o trataron de hacer. Puede que no sólo sea necesario buscar

³ Альберто Буэла — аргентинский философ, род. в 1946 г. — Прим. ред.

una alternativa a este orden mundial único que trata de imponer este Occidente actual. Puede que también sea necesario reformular y repensar qué es Occidente y qué hay en su interior.

Una de esas versiones anteriores es la hispano-católica. Es un hecho indudable que los imperios caen y no sólo sería inútil, también pernicioso, cualquier intento de resucitarlos. El imperio español, que se mantuvo durante aproximadamente tres siglos, explotó en el s. XIX. Nadie pide ni desea que vuelva, al menos eso piensa quien esto escribe. Pero algo quedó flotando en el océano sociocultural tras esa explosión. Al menos, quedó una comunidad de más de 500 millones de personas repartidas en una veintena de países que comparten una lengua, el español, y una cultura de base católica, en el sentido antes mencionado, uno de los elementos constitutivos, no el único, de todos aquellos pueblos que un día estuvieron unidos bajo la misma entidad, llamada Monarquía hispánica o Imperio español.

Ese algo que quedó flotando es lo que podemos llamar hispanidad. Un concepto que merece una revisión y actualización puesto que es algo que implica a los 500 millones de personas que compartimos una misma lengua materna, y que puede tener algo que aportar en la búsqueda de maneras alternativas de estar en el mundo que el momento histórico actual parece exigir.

¿Qué es la hispanidad? Algunas formulaciones iniciales

Estamos ante un concepto difuso, que sin embargo apela y quizá entiende sin poder definirlo todo hispanohablante. Rastrear exhaustivamente el origen del término no es el objetivo de este estudio, que excedería además los límites de este artículo, sino reflexionar sobre su sentido y su reelaboración en la actualidad, partiendo del análisis de algunos autores concretos.

Tratar de precisar lo contenido en este término es importante porque la tesis que se quiere plantear aquí es que la hispanidad es el resultado de un proyecto occidental, pero de otro Occidente, un Occidente que debe, de entrada, superar el eurocentrismo, sobre todo si hablamos de la hispanidad. El impulso inicial de la hispanidad partió de España, pero surge de la fusión de lo que se encontró en América, que también es Occidente, o que es, como ha dicho en múltiples ocasiones el politólogo argentino Marcelo Gullo⁴ el extremo Occidente [Gullo Omodeo, 2021].

El descubrimiento de América por Cristóbal Colón de S. Dalí (1958), Museo Dalí, St. Petersburg, Florida

⁴ Марсело Гульо — аргентинский ученый, политолог, профессор международных отношений, род. в 1963 г. — Прим. ред.

La hispanidad hace pensar en el día de la Hispanidad, el 12 de octubre, una fiesta aprobada por el Gobierno español con motivo del IV centenario del descubrimiento de América en 1892, tras consultar con los Gobiernos de otros países como Estados Unidos y las repúblicas hispano-americanas. Unos años más tarde, en 1913, esa fiesta se convertirá en la «Fiesta de la Raza», siguiendo la propuesta de la Unión Ibero-Americana, cuyo director, Manuel de Saralegui (1851–1926), justificaba así:

«No es efeméride de sangre y destrucción, de atropellos y rencores; es, por el contrario, fiesta de paz y que debiera ser — si por acaso no lo es — de fraternal cariño... Unámonos en tal día los españoles todos de ambos lados del Atlántico en santa fiesta familiar; estrechemos, si aún es hora, los lazos que la sangre común hace siglos anudó...»⁵.

Este concepto de «raza» había comenzado a circular, antes, a mediados del s. XIX en ambientes españoles, eliminado el matiz biológico y étnico, como un término para referirse a la comunidad lingüística, religiosa o nacional hispánica que se opone al estilo cultural y de vida de los Estados Unidos. En definitiva, es un término que se empleaba como símbolo de los lazos tradicionales que unían a España con Hispanoamérica [Zuleta, 2000: 73].

De todos modos, muchos españoles que han escrito y defendido la hispanidad han rechazado la idea de raza como un concepto adecuado. Uno de ellos, Ramiro de Maeztu (1874–1936) afirmó en 1931 que «sólo podría aceptarse en el sentido de evidenciar que los españoles no damos importancia a la sangre, ni al color de la piel, porque lo que llamamos raza no está constituido por aquellas características que pueden transmitirse a través de las oscuridades protoplasmáticas, sino por aquellas otras que son luz del espíritu, como el habla y el credo. La Hispanidad está compuesta de hombres de las razas blanca, negra, india y malaya, y sus combinaciones, y sería absurdo buscar sus características por los métodos de la etnografía» [Maeztu, 1931].

No obstante, Maeztu, junto a otros españoles como Manuel García Morente (1886–1942) o Zacarías de Vizcarra (1879–1963), defienden una idea nacionalista de hispanidad que tiene de dar una interpretación

*M. Unamuno por J. Sorolla (1920).
Museo de Bellas Artes, Bilbao*

⁵ Saralegui y Medina M. La fiesta de la raza (Día 12 de Octubre). *Unión Iberoamericana*, no. 10. URL: <https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=e274f510-42cc-42ed-93c6-c8c5f6e0ef92&page=3> (accessed: 25.11.2023).

católico-tradicionalista de España como reserva espiritual de Occidente. Como señala Ronald Campos, este idealismo espiritual católico terminó por propiciar una sobrevaloración de lo hispánico (de España) cuyas características quedarían encarnadas en la figura de un caballero cristiano, tal y como aparece sobre todo en la obra de García Morente [Campos, 2014: 73].

Una idea diferente de hispanidad es la que propone el escritor y filósofo Miguel de Unamuno (1864–1936), que fue quien recuperó y volvió a poner en circulación el término en un artículo publicado en Argentina en el año 1909. Fue, además, uno de los primeros promotores de esta idea, junto a otros como Ruben Darío (1867–1916), Menéndez Pelayo (1856–1911), Juan Valera (1824–1905) o Rafael Altamira (1866–1951). Unos años más tarde, también en una publicación argentina de 1927, Unamuno definía así la hispanidad:

«Digo Hispanidad y no Españolidad para atenerme al viejo concepto histórico-geográfico de Hispania, que abarca a toda la península ibérica <...> Digo Hispanidad y no españolidad para incluir a todos los linajes, a todas las razas espirituales, a las que ha hecho el alma terrena y a la vez celeste de Hispania, de Hesperia, de la península del Sol Poniente <...>.

Y quiero decir con Hispanidad una categoría histórica, por lo tanto espiritual, que ha hecho, en unidad, el alma de un territorio, con sus contrastes y contradicciones interiores. Porque no hay unidad viva si no encierra contraposiciones íntimas, luchas intestinas. <...>.

La hispanidad, ansiosa de justicia absoluta, se vertió allende el Océano, en busca de su destino, buscándose a sí misma, y dio con otra alma de tierra, con otro cuerpo que era alma, con la americanidad, que busca también su propio destino. Y lo busca con justicia» [Unamuno, 1927].

Para Unamuno existe una unidad profunda en todo el mundo hispánico, tanto en España como en América, cuya base reside sobre todo en la lengua, el español, una lengua — dice Unamuno — «de blancos, y de indios, y de negros, y de mestizos, y de mulatos; lenguaje de cristianos, y de ateos; lenguaje de hombres que viven bajo los más diversos regímenes políticos». La lengua incluye para Unamuno toda una forma de vida, es hasta una metafísica, es «la sangre del espíritu». Así en 1910 afirma: «pensamos con palabras, esto es evidente; no pensamos en álgebra, con fórmulas. Pero creo aún más, y es que con palabras también sentimos. Una lengua lleva consigo, no ya una manera de concebir la realidad, sino hasta una manera de sentirla» [Unamuno, 1966: 380].

Frente a otras formulaciones, Unamuno insiste en el valor de la lengua común para definir la hispanidad. Hispanidad es el conjunto de pueblos que hablan ese mismo idioma. En este sentido Unamuno rechaza la idea de «Madre Patria» dada a España para sostener la unidad de todos los países hispanohablantes en pie de igualdad, somos hermanos, con sus diferencias profundas y sus contradicciones. No puede hablarse de una fraternidad hispana si se ignora o esconde lo que es Hispanoamérica.

Unamuno, que mantuvo muchos vínculos con escritores y pensadores americanos, se quejaba del desconocimiento mutuo, no sólo entre españoles y americanos, también entre americanos entre sí. Compartió como otros autores de su generación, tras el desastre del 98⁶, el anhelo de una nueva España. Pero mientras otros pensadores españoles, como Ortega y Gasset (1883–1955), veían la solución en «europeizar» España, Unamuno ansiaba «españolizar Europa», una visión española y quijotesca de la vida que oponía como antídoto a la civilización europea moderna [Sánchez Meca, 2005]. También se quejaba del ensimismamiento de España y de su aislamiento cultural con respecto a Hispanoamérica [Álvarez de Miranda, 1950]. Por ello escribe: «el conocerse a sí mismo tiene que ser algo comparativo, pues nadie se conoce a sí mismo sino cuando conoce a los demás, todo pueblo que quiera conocerse debe estudiar a los demás pueblos» [Unamuno, 1996: 290].

Molinos de viento en Consuegra, Toledo

Don Quijote para Unamuno era un símbolo del alma nacional española, un luchar contra el mundo de los hechos que la razón nos da para ganar el sentido trascendente que da la fe, una escisión entre lo que la ciencia y la razón descarnada nos muestra que son las cosas y lo que queremos que sean. Y veía también profundas afinidades espirituales entre Don Quijote y Simón Bolívar, a quien Unamuno ve como prototipo de español: «su organismo era sobre todo español, los ímpetus de su alma también lo fueron a menudo... Y tengo que decir de Bolívar lo que de Sarmiento he dicho y repetido y es que nunca se me aparece más español que cuando habla o parece hablar mal de España, ¡en español! No. Don Quijote nunca puede hablar mal de España, aunque maldiga a los españoles» [Callero, 2018: 44].

En definitiva, Unamuno estableció una relación dialéctica entre la unidad y la diferencia cultural, «si queremos», dijo en 1908, «a nuestra patria, si sabemos algo de esos pueblos americanos, y hacemos votos porque defiendan y corroboren

⁶ Porajamiento Hispanii en ispano-amerikanskoi vojne 1898 g. i poteria poslednix zamorskich kolonii porodili v Hispanii serjezniy krizis, t.n. «Katastrofu 98-go goda», i posledujucie intellektualnye razmyshleniya o putjakh strany. — *Prim. red.*

y acentúen sus caracteres privativos y propios, porque se hagan una cultura indígena y peculiar a ellos mismos, es porque estamos convencidos de que es así como más han de acercarse a nosotros» [Unamuno, 1966: 936–937].

Todas las naciones hispánicas estarían así involucradas en un proceso de diferenciación e integración para crear un nuevo espíritu, se opondrá con su quijotismo a la Europa moderna [Roberts, 2004: 76].

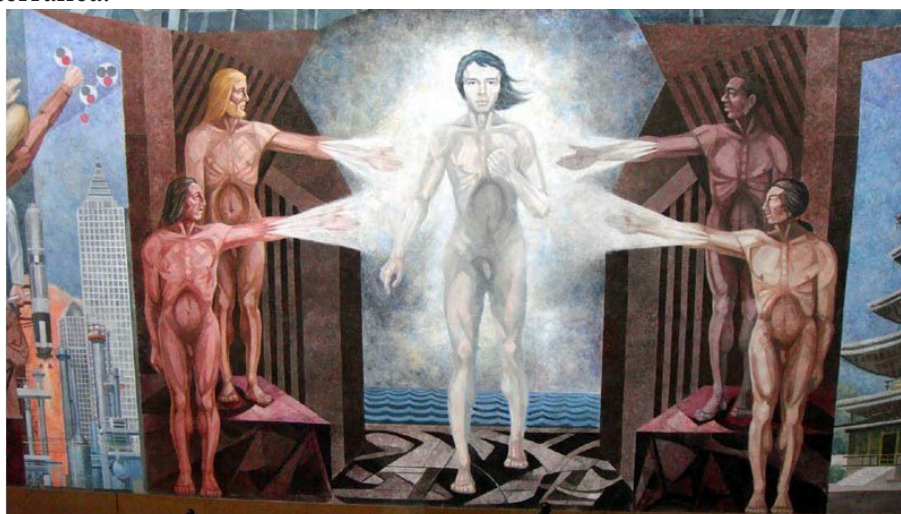
Algunas reflexiones americanas sobre la hispanidad

El desvelo por la identidad propia es un lugar común de los pensadores hispanoamericanos [Altamirano, 2021]. La identidad no es algo de piedra, se construye en la biografía, o en la historia, si se habla de pueblos, se funda en valores y vivencias de una tradición cultural que se expresa en la lengua que uno habla.

La crisis del 98 con la guerra cubana, fue también vista como una tragedia por Hispanoamérica, y para muchos fue una prueba de que la amenaza para Hispanoamérica no era España, sino EEUU. Un momento clave en este sentido es la publicación de *Ariel* del uruguayo José Enrique Rodó (1871–1917), que, no sólo denuncia la concepción utilitaria y protestante de la vida de EEUU, también trata de defender a la otra América, la que mantiene sus lazos con la Europa mediterránea.

Visiones del Quijote
por Octavio Ocampo, 1989

Fragmento del mural «La profecía de la raza cósmica» (1979) por A. Piña Mora, Hotel Tierra Blanca, Chihuahua, México. Está inspirado en la obra de J. Vasconcelos

Al no ser ya una amenaza, en América comienza a buscarse un destino común hispánico. El problema, decía el filósofo mexicano José Vasconcelos (1882–1959) es que el mundo hispano ha perdido la fe en sí mismo, intenta arrancarse una parte, la que es herencia española, lo que, en el fondo, le hace renegar de uno mismo. Por ello, «nada importa que dos minutos de trato demuestren la profunda afinidad del mexicano de Chihuahua con el gaucho de la Patagonia. Lo que nos preocupa es no contradecir el divisionismo sutil del extranjero, capaz de vernos muy franceses, con tal de no reconocer el nexo común español». Pero aquello que el político empeña en mantener distante, lo iguala el trato [Vasconcelos, 1959: 74].

Como expone en algunas de sus obras como *La raza cósmica* (1925) o *Bolivarismo y Monroismo* (1934), España ensayó un método de fusión y asimilación diferente del imperialismo anglosajón, afirma Vasconcelos, llamando a recuperar el ideal ecuménico del catolicismo que España llevó a América. Para este autor ha existido una pugna entre la latinidad y el sajonismo en América desde el comienzo, pugna de instituciones, propósitos e ideales [Vasconcelos, 1948: 17] y si existe desunión y discordia entre los pueblos hispanoamericanos frente a la unidad anglosajona es por un exceso de pensamiento crítico.

La tradición iberoamericana para Vasconcelos prepara el plasma de una humanidad futura, que surge de la unión de los españoles, indios y negros, de un mestizaje que señala su carácter, fija su responsabilidad y define su porvenir. El inglés siguió cruzándose sólo con el blanco, y exterminó al indígena. Pero el destino de América es crear una fusión de todas las razas que será la superación de todas las estirpes. Los anglosajones son meros continuadores de Europa, elevaron sus valores al máximo. La tarea de Hispanoamérica espera en el futuro estando sus valores aún en potencia de ser realizados.

Una interesante reflexión en torno a estos temas es la que ofrece el también mexicano Leopoldo Zea (1912–2004). Así, en su *Discurso desde la marginación y la barbarie* sostiene que el hombre europeo occidental, que se ha considerado el único civilizado, ha expulsado al resto como bárbaro, incluidos iberos y rusos, tratando de mantener en la periferia todo aquello que podría suponer un centro de poder diferente [Zea, 1988: 95].

En lo que hace a España, señala el mestizaje como una de sus características y recuerda en este sentido, las palabras de Bolívar:

«Tengamos presente que nuestro pueblo no es el europeo, ni el americano del norte, que es más bien un compuesto de África y de América que una emanación de la Europa; pues que hasta España misma deja de ser europea, por su sangre africana, por sus instituciones, y por su carácter... la mayor

Busto de Leopoldo Zea de S. Peraza. En la inscripción: «Todos los hombres son iguales por ser diferentes»

parte del indígena se ha aniquilado, el europeo se ha mezclado con el americano y con el africano, y éste se ha mezclado con el indio y con el europeo. Nacidos todos en el seno de una misma madre, nuestros padres, diferentes en origen y en sangre son extranjeros todos y todos diferentes»⁷.

Una misma idea que también defendía el cubano, José Martí (1853–1895), quien sostenía que en América no hay odio de razas porque no hay razas. Es la naturaleza frente a la razón abstracta que nos dice que todos somos iguales en teoría. España pudo crear una gran nación que no creó, ser expresión de una nueva humanidad. También recuerda Zea a Rusia en esta obra, a quien ve en posición de generar otras alternativas para la humanidad. Rusia también es puente entre pueblos y razas de Oriente y Occidente y es encarnación de un cristianismo que no excluye, sino que incorpora a todos en una fraternidad que ha de ser universal como nos enseñó Dostoyevski [Zea, 1988: 174].

Occidente, concluye Zea en este ensayo, se ha convertido en un aparato regresor. Hay que buscar otra forma de civilización que cumpla el que debe ser el cometido de una civilización: hacer que los hombres convivan entre sí sin renunciar a la propia identidad. Afirmar la igualdad desde la peculiaridad. Negativa a ser un remedio de algo que no lo es, enriquecer la experiencia propia con la de los otros sin por ello dejar de ser uno mismo. No aceptar, en fin, más yuxtaposiciones ni imposiciones y buscar la propia identidad.

Más recientemente, el filósofo argentino, ya mencionado, Alberto Buela habla de recuperar los grandes espacios socioculturales a los que se refiere con el término de «ecúmene» para que sea posible un verdadero pluralismo, un gran espacio común que concediera una autonomía relativa a regiones más pequeñas.

Buela parte de una visión renovada de la idea de Hispanidad. Tal y como se expone en la recopilación de ensayos titulada *Hispanoamérica contra Occidente*, entiende que Hispanoamérica está contra Occidente, el Occidente que se gestó según los principios ilustrados y que desplazó al Occidente anterior, al anglosajón cuyos valores permanecen larvados en Hispanoamérica [Buela, 1996].

Una idea similar que también ha expresado más recientemente, en múltiples ocasiones, en sus obras y entrevistas, el politólogo Marcelo Gullo, quien afirma que tras la Reforma protestante, que parte Europa occidental en dos, surge un Occidente falso, que renuncia a sus valores originarios. La Europa protestante se quedó con el adjetivo «occidental», pero perdió su esencia. Es un Occidente que busca la libertad, pero se desentiende de la justicia. El verdadero Occidente fue lo que España trató de llevar a América, allí quedo. Hispanoamérica sería el extremo Occidente, una cultura que es mixtura, que supera lo anterior porque une elementos de todo aquello que la integra [Gullo Omodeo, 2022].

⁷ Extracto del discurso de Simón Bolívar al Congreso de Venezuela reunido en Angostura en 1819.

Hispanoamérica para Buela es el más occidental de los continentes y la América hispana una unidad «geográfica, política, cultural, lingüística y religiosa», una «nación colosal» única en el mundo, que él considera que se define no tanto por sus objetivos comunes como por aquello a lo que tiene que resistir y enfrentarse, que es el imperialismo anglosajón [Buela, 1996: 12].

Buela se pregunta qué es Occidente y lo define como un conjunto de valores comunes a las vivencias de ciertos pueblos que quedan representadas en sus modos de vida, en sus cosmovisiones. Sintetizando, contendría los siguientes elementos: el indoeuropeo como sustrato lingüístico, la idea del ser de la filosofía griega, una visión del ser humano como sujeto moral y libre, con derechos, derivada y heredada del derecho romano, la idea de un Dios uno y trino, personal y redentor del cristianismo y la instrumentalización de la razón como poder científico y tecnológico.

Actualmente, Occidente ha entrado en decadencia y se ha vuelto extraño a sí mismo por su propio lenguaje, por la colonización de la lengua inglesa, y sobre todo porque a nivel de significado, ya nada es verdadero o falso, todo es relativo. Se ha perdido el sentido de la existencia, la persona se ha disuelto en una humanidad amorfa, sin identidad individual. Vivimos en una época de nivelación, pero por abajo, desde un igualitarismo que trata de convertirnos en masa neutra moldeable [Buela, 1996: 13–15].

Constitución española de 1812: «la nación española es la reunión de los espanoles de ambos hemisferios»

La salida a esta decadencia está en que cada pueblo que constituye Occidente recupere su identidad, no tanto como realidad nacional aislada sino como unidades con sentido histórico-político en sí mismo. Europa debe ser Europa, e Hispanoamérica ha de ser tal. Esta idea de una Hispanoamérica unida está ya en el Congreso Panamericano de 1826 fracasado. Este pensamiento nacional recorre toda la historia de Hispanoamérica. Pero restaurar o unificar esta América hispana requiere explicitar los rasgos que constituyen su identidad.

La identidad de Hispanoamérica está en la hispanidad, que es «mixtura de lo católico e indígena», católico no en sentido confesional, sino como «rasgo distintivo que caracteriza la visión del mundo del europeo llegado a América del Sur» y que representa unos valores y fuerza vital de una Europa anterior a la revolución industrial, que se transformó al llegar a América [Buela, 1996: 20].

España quiso crear un reino, no una colonia y aunque corregidores y encomenderos burlasen esa intención, la decisión humanista de los Reyes Católicos de considerar a todo indio súbdito de la Corona y no esclavo o infrahumano, es la base del mestizaje iberoamericano, que se opone al trasplante cruento, por eliminación de lo autóctono, que supuso la conquista anglosajona protestante del s. XVII. Para Buela, la colonización española y las diferentes olas migratorias que se produjeron se caracterizan por una fusión con lo autóctono que no excluye los casos de eliminación y explotación, que ciertamente existieron, pero que no ocurrieron como consecuencia de un Destino manifiesto, como finalidad específica. Fue fusión y mezcla que dio lugar a algo diferente y autónomo.

Los valores hispanoamericanos surgen de la simbiosis de dos cosmovisiones y dos mundos cuyo resultado es diferente a las cosmovisiones que se unen. Una identidad que surge por fusión no por mezcla. Lo español aportó lo católico, como rasgo distintivo del hombre occidental que llega a América y que trae una jerarquía de valores que rechaza la nivelación que neutraliza. Aporta un sentido teleológico, la idea de aspirar a un bien común y no exclusivamente al bienestar material y la búsqueda de confort. Rechaza también la disolución subjetiva y arbitraria de todo valor.

Lo indio americano aporta una concepción del tiempo que se opone al «time is money», a la necesidad de tener todo al instante, al apuro cosmopolita, que el occidental interpreta como indolencia y holgazanería. El tiempo, dice Buela, se vive de diferente forma por cada civilización. El americano autóctono no fuerza a la naturaleza, la acompaña, le da tiempo para madurar, una actitud vital que quedaría comprendida en refranes y expresiones populares como «no por mucho madrugar amanece más temprano», «cada cosa a su tiempo», «a cada día su afán», «voy despacio porque tengo prisa», etc. [Buela, 1996: 47–48].

América es también un espacio geográfico que se define por su capacidad de hospedar. América es lo «hospito». Es condición de posibilidad de crear un mundo nuevo, distinto y diferente. Se ha visto como un proyecto y ahora, dice Buela, ese proyecto debe realizarse, pero desde sí mismo, desde sus propios valores y vivencias.

El ser de América tiene que ver con la hispanidad, pero, de la hispanidad ya sólo se puede hablar con autenticidad desde América. Porque, de acuerdo con este filósofo argentino, España y Portugal son «tristes naciones sin rumbo, que quieren ser una Europa anti-hispana, a fuerza de renunciar a su ser íntimo». Eligieron ser derrotadas y se suicidaron como naciones [Buela, 1996: 61]. Duro veredicto, que quizá tenga parte de razón, aunque gustaría conservar un poco de optimismo y pensar que ese suicidio aún no se ha consumado. A pesar de ello, para definir la hispanidad que une a América es preciso partir de lo que ha sido históricamente y entender, al mismo tiempo, que todo desprecio hacia lo hispánico es ir contra uno mismo, aunque ahora es tiempo de afirmar la «americanidad de la hispanidad».

Hay dos definiciones de hispanidad en las que se detiene Buela en su análisis: la de los españoles Ramiro Maeztu y Manuel García Morente. Para ambos, lo definitorio de la hispanidad es la religión católica y la monarquía española, hasta el punto que García Morente resume la esencia de la hispanidad, como se indicaba antes, en la imagen del caballero cristiano. Desde la visión americana, argumenta este filósofo, se pueden plantear dos críticas: lo católico no es sinónimo de hispano, porque también define a otros pueblos, como polacos o irlandeses. Luego la diferencia específica no puede residir en su catolicidad.

Tampoco la monarquía española, porque aunque las leyes españolas y el proyecto español veía a América una parte más de la monarquía española, en la práctica, América sí fue proveedora de materias primas, de oro y especias, sí hizo el papel de colonia y aunque participó, no lo hizo en condición de igualdad plena en el proyecto político unitario de la monarquía hispánica. Por tanto, este aspecto, tampoco involucra plenamente a los hispanoamericanos.

¿Cuál es, entonces, el ser de lo hispano? Según Buela consiste en la preferencia de sí, que él entiende como la falta de temor a perder la identidad por mestizarse con el otro diferente. Es un ver que si uno es diferente, hay otros que son diferentes, porque la verdadera integración surge del reconocimiento de la diferencia. Es creerse diferente pero no superior. Es el diálogo con el diferente el que establece la igualdad verdadera y no el tratar de rasurar e imponer una igualdad a todos que lo que produce es un extrañarse de uno mismo. Es lo opuesto a un falso igualitarismo que nivela por lo bajo, que homogeneiza ideales existenciales y políticos para construir un mundo todo uno, como un bloque monolítico.

Rescatar la hispanidad desde América es un volverse contra el mundo moderno y su orden, es afirmar que es una alternativa a la homogeneización del mundo propuesta por los centros mundiales de poder. La idea de homogeneizar a todos los hombres y pueblos bajo un único modelo de hombre y sociedad es falsa. El viejo sueño ilustrado que Kant expresó mejor que nadie, establecer un gobierno mundial cosmopolita va contra la naturaleza de los seres humanos y los pueblos. Como los seres humanos, los pueblos son también seres colectivos que buscan plasmar su propia e irrepetible idiosincrasia. El modelo de un gobierno

único mundial puede suponer el fin de muchos pueblos o el reemplazo de su ser, la alienación cultural. Por ello, Buela propone, comenzar por una filosofía alternativa que se oponga al pensamiento mundialista homogeneizador.

Hacia un concepto renovado de hispanidad

Estemos o no ante un concepto difuso que escapa ser apresado en una definición precisa, puede decirse que la hispanidad es una comunidad universal que comprende a una veintena de países repartidos en dos continentes, que comparten un aire de familia por la presencia del catolicismo como religión más extendida, que ha moldeado hábitos y costumbres bajo la creencia de la igualdad y dignidad de todos los seres humanos.

A pesar de las diferencias notables entre los diferentes países hispanohablantes hay un fondo común compartido [Insúa, 2023]. También es cierto que el auge del indigenismo en América tiende a negar la aportación positiva de lo hispano para centrarse sólo en el momento de la conquista, en la destrucción, la violencia, el supuesto genocidio, el robo y expolio continuado. Algo similar sucede con el independentismo en España que se sustenta sobre la misma leyenda negra y que tiende a negar toda referencia a la hispanidad como concepto propuesto y financiado por el franquismo, cuando como hemos visto se trata de un concepto anterior que ya había sido objeto de reflexión por filósofos y escritores a ambos lados del Atlántico. Nacionalismos e indigenismos sobreviven negando o demonizando el elemento común que nos une a todos, que es la hispanidad.

Como señala la historiadora Roca Barea, hay un trastorno bipolar en los hispanos que los lleva a tratar de arrancarse y negar la parte hispana, a negar el pasado virreinal que tenemos en común, y que impide en el fondo que se erija una unidad cultural, una identidad hispanoamericana, que ya existe, pero soterrada. La lengua se mantiene y nos permite comunicarnos y mantiene una cohesión cultural fuerte a pesar de todo, porque leemos los mismos libros, tenemos los mismos marcos de referencia, fiestas y tradiciones comunes, etc. [Roca Barea, 2022].

Lo cierto es que esta división entre los países hispanohablantes refuerza al imperialismo anglosajón porque una unión real y efectiva de la hispanidad podría hacerles frente. El mundo hispano a uno y otro lado del Atlántico necesita repensar la manera en que se cuenta su historia, sin negar nada, pero sin obviar o no mencionar otros aspectos. Es preciso repensar el modo en el que nos relacionamos con nuestras raíces y nuestro pasado. Somos una cultura mestiza y si nos empeñamos en negar aquello que nos sirve de vínculo posible, acabaremos balcanizándonos aún más.

Es posible que el s. XXI sea el siglo de las grandes ecúmenes, o de las koinés⁸, como dice Roca Barea. La hispanidad es potencialmente uno de esos

⁸ Койне — общий язык, который в эллинистическую эпоху распространялся по всему греческому миру, одерживая верх над локальными диалектами. В широком смысле «койне» может использоваться для обозначения цивилизаций или макрорегионов, объединяющих несколько локальных и региональных культур. — Прим. ред.

supersistemas, a nivel lingüístico y cultural, pero potenciar esa unión requeriría no dar preferencia política a los sembradores de la división, cuyo origen es el mismo y que es aquello que llamamos leyenda negra, un relato basado en una interpretación interesada de la historia que exagera o acentúa ciertos hechos, pero oculta o ignora deliberadamente otros. Y que, a pesar de haber surgido en el s. XVI y que muchos de los hechos a los que dio lugar ya se han ido dilucidando, continúa como una actitud mental de crítica severa que otorga un veredicto negativo que compromete toda la trayectoria histórica no sólo del pueblo español, sino de todos los pueblos hispanos.

Tampoco tendría sentido contraponer una leyenda blanca o rosa a la leyenda negra. Contraponer leyendas no ayudará a conocer la verdad histórica, porque no es posible conocer la historia de una manera absolutamente objetiva, que prescinda de todo tipo de valoración del que la escribe y de toda interpretación de los hechos. Lo que enseñan ambos extremos legendarios es su incapacidad quizá para ofrecer una visión global de la cuestión.

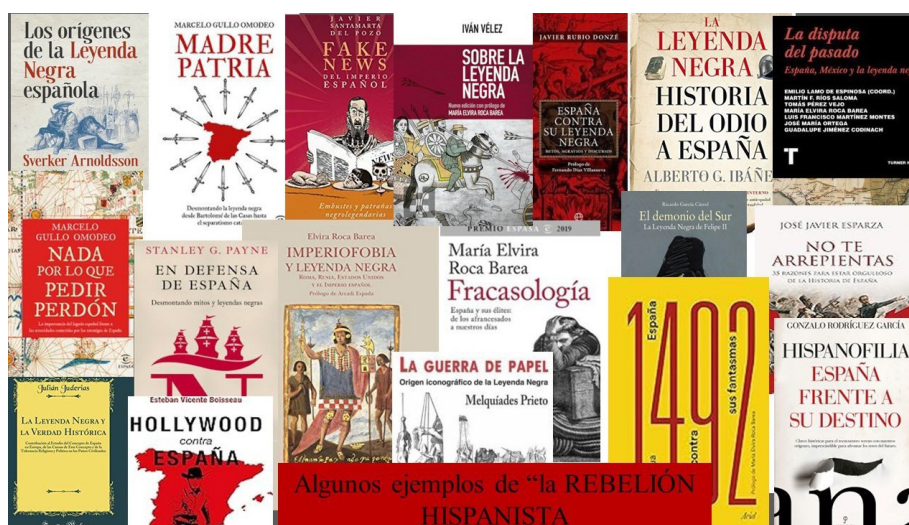
Hoy se sabe por las investigaciones históricas que, efectivamente, la población indígena fue sometida a duras condiciones de trabajo. Pero también podemos apreciar los esfuerzos titánicos que se hicieron por unificar todo un continente, dotándole de una infraestructura, de una lengua, una cultura y una religión común que a la vez trató de ser, en la medida de lo posible y teniendo en cuenta el momento histórico en el que se produjo, respetuosa con el otro y convertir el proyecto en una empresa interracial. El propio proceso de conquista levantó un tropel de objeciones a teólogos, juristas y filósofos. Debates que se produjeron bajo la idea de que todos somos seres humanos y como gestionar esta idea de base con la empresa española. Fruto de esos debates fueron los códigos conocidos como Leyes de Indias que trataron de conceder protección y estatuto jurídico a las poblaciones autóctonas, a las que no sólo excluía sino que trató de asimilarla potenciando el mestizaje cultural y racial.

Como dice Elvira Roca Barea, se mantiene una visión castradora y culpabilizadora de los 300 años de pasado común dentro del Imperio español que avergüenza no sólo a los españoles, sino también a toda la comunidad hispana, porque mina su autoestima [Roca Barea, 2019]. Los romanos conquistaron España y media Europa, pero de eso no se habla, se habla de su labor en la creación de infraestructuras que vertebraron Europa, de sus leyes, de sus instituciones, de su cultura. Que es precisamente lo que se niega o se omite de España, como si sólo hubiese conquista, destrucción y saqueo. Un mundo hispano unido y fuerte no interesa principalmente al mundo anglosajón, por el empuje que el mundo hispano tiene en los EEUU, y por el potencial poder que podría alcanzar.

Dice el profesor venezolano Carlos Leañez, que la España actual es el trozo de un naufragio de algo que se hundió en el s. XIX, aunque conserve el nombre del todo. El resto de países hispanoamericanos son también restos de ese naufragio. Es preciso un cambio de marco mental. Hay que tratar de recuperar esa unidad, pero

no como una vuelta al pasado, sino en el sentido de continuar una civilización hispánica que hoy ve posible por una serie de dinámicas centrípetas que están actuando desde abajo arriba [Leañez Aristimuño, 2023b].

Una de esas dinámicas es lo que él llama la «rebelión hispanista» a ambos lados del océano despertada por la sensación de hartazgo hacia una versión unilateral de la historia común. Esta rebelión que recibe un impulso muy importante con la publicación del libro *Imperiofobia y Leyenda negra* de la española Elvira Roca Barea [Roca Barea, 2021], del que se han hecho ya 39 ediciones en *España*, el exitoso *documental España*, la primera globalización, así como la escuela de filosofía de Gustavo Bueno en Oviedo. Esta tendencia que han seguido otros muchos de otros autores tanto españoles como hispanoamericanos, también a través de canales divulgativos en YouTube, grupos en diferentes plataformas on-line que comienzan a cuestionar el relato oficial de los últimos doscientos años.

Otro de esos elementos, éste fundamental, que está propiciando la unión renovada de los hispanohablantes es el ciberespacio, que permite a la comunidad hispanohablante interactuar en tiempo real. El español es la segunda lengua del mundo en lo que a lengua materna se refiere, la tercera más usada en Internet, y la segunda en las plataformas virtuales sociales más importantes. La lengua española es un poderoso factor de unificación. Si estos intercambios aumentan y se diversifican pueden terminar por llevar a convocatorias panhispánicas que aceleren la tendencia a una nueva cohesión a favor del mundo hispanohablante. El ciberespacio estaría produciendo una reversión del mito de Babel, por el que Dios confunde la lengua de los hombres para dispersarlos. El mundo hispánico se rompió geográficamente, pero la lengua se mantuvo y el vínculo que supone puede verse reforzado gracias precisamente al ciberespacio cuya potencia debería fomentarse para cohesionar y consolidar los cimientos de un mundo hispánico unido.

* * *

Recobrar la autoestima, un espacio común como es el ciberespacio y una comunidad de más de 500 millones de personas, son factores de poder que pueden convertirse en una oportunidad de generar un factor de unificación. Como señala Carlos Leañez, para ello sería necesario crear una cibiplaza con causas panhispánicas capaces de implicarnos a todos y que nos unan y nos permitan ir más allá de esa desunión que resta al mundo hispano el peso en el mundo que podría tener [Leañez Aristimuño, 2023a].

Puede que sea el momento de otro Occidente, diferente de éste que expulsa y rechaza al que no se ajusta y somete a sus parámetros, al que quiere ser diferente porque es diferente. De ese Occidente que, como decía Zea, expulsó a rusos y españoles como bárbaros.

References

Altamirano C. (2021) *La invención de nuestra América. Obsesiones, narrativas y debates sobre la identidad de América Latina* [The invention of our America. Obsessions, narratives and debates on Latin American identity], Buenos Aires, Siglo XXI, 246 p. (In Spanish)

Álvarez de Miranda A. (1950) El pensamiento de Unamuno sobre Hispanoamérica [Unamuno's thoughts on Latin America], *Cuadernos Hispanoamericanos*, 13 enero-febrero 1950, pp. 51–78. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/el-pensamiento-de-unamuno-sobre-hispanoamerica-780747/> (accessed: 22.11.2023). (In Spanish)

Buela A. (1996) *Hispanoamérica contra Occidente. Ensayos iberoamericanos* [Hispanic America against the West. Ibero-American Essays], Madrid, Barbarroja, 113 p. (In Spanish)

Buela A. (2012) *Disyuntivas de nuestro tiempo. Ensayos de metapolítica* [Disjunctions of our time. Essays on metapolitics], Madrid, Barbarroja, 216 p. (In Spanish)

Bueno G. (1999) *España frente a Europa* [Spain vs. Europe], Barcelona, Alba, 475 p. (In Spanish)

Bueno G. (2005) *España no es un mito. Claves para una defensa razonada* [Spain is not a myth. Keys to a reasoned defense], Madrid, Temas de hoy, 302 p. (In Spanish)

Callero F. (2018) América en el pensamiento de don Miguel de Unamuno: el binomio Bolívar–Unamuno [América en el pensamiento de don Miguel de Unamuno: el binomio Bolívar–Unamuno], *Revista de Filosofía (Universidad Iberoamericana)*, no. 144, pp. 29–57. DOI: <https://doi.org/10.48102/rdf.v50i144.63> (In Spanish)

Campos R. (2014) Orígenes y evolución de la idea de Hispanidad [Origins and evolution of the idea of Hispanicity] in M.P. Celma Valero, S. Heikel, C. Morán Rodríguez (eds.) *España y Portugal, tierras de encuentro y de proyección cultural: actas del Coloquio Internacional de la Asociación Europea de Profesores de Español (AEPE)* [Spain and Portugal, lands of encounter and cultural projection: proceedings of the International Colloquium of the European Association of Spanish Teachers (AEPE)], Lisboa, Publicaciones de la AEPE, pp. 71–80. (In Spanish)

Gullo Omodeo M. (2021) *Madre Patria. Desmontando la leyenda negra desde Bartolomé de las Casas hasta el separatismo catalán* [Motherland. Dismantling the black legend from Bartolomé de las Casas to Catalan separatism], Barcelona, Espasa, 560 p. (In Spanish)

Gullo Omodeo M. (2022) *Nada por lo que pedir perdón. La importancia del legado español frente a las atrocidades cometidas por los enemigos de España* [Nothing to apologize for. The importance of the Spanish legacy in the face of the atrocities committed by Spain's enemies], Barcelona, Espasa, 464 p. (In Spanish)

Insúa P. (2023) *1492: España contra sus fantasmas* [1492: Spain against its ghosts], Barcelona, Planeta, 336 p. (In Spanish)

Leañez Aristimuño C. (2023a) La lengua española, factor de poder mundial [The Spanish language, a factor of world power], *Conferencia organizada conjuntamente entre las asociaciones Venezuela Hispanista y Héroes de Cavite* [Conference organized jointly by the associations Venezuela Hispanista and Héroes de Cavite], 09.04.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ozAeeUBcs8> (accessed: 22.11.2023). (In Spanish)

Leañez Aristimuño C. (2023b) La oportunidad de los hispanos [The Hispanic Opportunity], *Pax Hispanica*, 14.04.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rCSdfvL-cw> (accessed: 22.11.2023). (In Spanish)

Maeztu R (1931) La Hispanidad [Hispanicity], *Acción Española*, no. 1, 15.12.1931. URL: <https://www.filosofia.org/hem/193/acc/e01008.htm> (accessed: 25.11.2023). (In Spanish)

Roberts S.G.H. (2004) «Hispanidad»: El desarrollo de una polémica noción en la obra de Miguel de Unamuno [«Hispanicity»: The development of a controversial notion in the work of Miguel de Unamuno], *Cuadernos Cátedra Miguel de Unamuno*, no. 39, pp. 61–80. (In Spanish)

Roca Barea M.E. (2019) *Fracasología. España y sus élites: de los afrancesados hasta nuestros días* [Fracasology. Spain and its elites: from the Frenchified to the present day], Barcelona, Espasa, 528 p. (In Spanish)

Roca Barea M.E. (2021) *Imperiofobia y leyenda negra. Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español* [Imperiophobia and black legend. Rome, Russia, the United States and the Spanish Empire], Madrid, Siruela, 460 p. (In Spanish)

Roca Barea M.E. (2022) La koiné hispana [The Spanish koiné], *Conferencia magistral de María Elvira Roca para el curso de Estudios Iberoamericanos de Escuela Complutense Latinoamericana en Santa Cruz de la Sierra* [Keynote lecture by María Elvira Roca for the Iberoamerican Studies course of the Latin American Complutense School in Santa Cruz], 17.11.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2KpfWEuUXFo&t=611s> (accessed: 23.11.2023). (In Spanish)

Sánchez Meca D. (2005) El quijotismo de Unamuno, el cervantismo de Ortega y la España de 1898 [Unamuno's Quixotism, Ortega's Cervantism and the Spain of 1898], *Praxis Filosófica*, no. 20, enero–junio 2005, pp. 69–86. (In Spanish)

Unamuno M. (1927) *Hispanidad (versión mecanografiada del artículo conservada en Casa Museo de Unamuno en Salamanca)* [Hispanidad], *Filosofía en español*, URL: <https://www.filosofia.org/hem/192/92711sin.htm> (accessed 25.11.2023). (In Spanish)

Unamuno M. (1966) *Obras completas, vol. V, (Ed. de Manuel García Blanco)*, Madrid, Escelicer. 1226 p. (In Spanish)

Unamuno M. (1996) *Epistolario americano (1890–1936)* [American Epistolary (1890–1936)], Salamanca, Ediciones Universidad de Salamanca, 84 p. (In Spanish)

Vasconcelos J. (1948) *La raza cósmica* [The cosmic race], México, Espasa-Calpe mexicana, 210 p. (In Spanish)

Vasconcelos J. (1959): *Bolivarismo y monroísmo. Temas Iberoamericanos* [Bolivarism and Monroism. Iberoamerican Topics], Santiago de Chile, Ercilla, 208 p. (In Spanish)

Zea L. (1988) *Discurso desde la marginación y la barbarie* [Discourse from marginalization and barbarism], México, Fondo de Cultura Económica, 258 p. (In Spanish)

Zuleta E. (2000) *España en América: estudios sobre la historia de las ideas en Hispanoamérica* [Spain in America: studies on the history of ideas in Latin America], Buenos Aires, Confluencia, 390 p. (In Spanish)

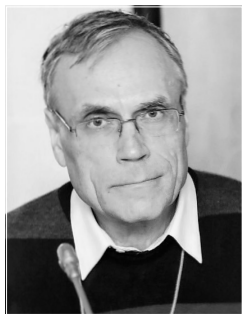
О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения

© Шемякин Я.Г., 2023

Яков Георгиевич Шемякин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

115035, Москва, улица Большая Ордынка, 21/16

ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Аннотация. Согласно концепции автора статьи, формы организации языкового космоса Латинской Америки, Пиренейской Европы и России обусловлены сущностными характеристиками «пограничного» цивилизационного типа: способом построения диалогической ткани социальности, основанным на «включающем» дискурсе и обусловленной им доминанте многообразия (при парадоксальном сохранении единства *sui generis*, соответствующего этой доминанте). Автор выделяет две формы организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: языковое варьирование и языковой союз. Констатируя, что обе они являются (каждая из них по-своему) выражением общецивилизационной доминанты многообразия (и, соответственно, «включающего» дискурса), автор пришёл к выводу, что эти формы не только не исключают, но, напротив, взаимно обуславливают друг друга.

Опираясь на изначальное понимание этого термина Н.С. Трубецким, автор выделяет ряд признаков, характеризующих языковой союз как особый социокультурный феномен, и доказывает, основываясь на многочисленных примерах и результатах исследований коллег, что все эти признаки (как и взаимообусловленность языкового варьирования и процесса формирования языкового союза) обнаруживаются и в Латинской Америке, и в России, и в Пиренейской Европе.

Ключевые слова: «пограничная» цивилизация, «классическая» цивилизация, «включающий» дискурс, «исключающий» дискурс, доминанта многообразия, языковое варьирование, языковой союз

Для цитирования: Шемякин Я.Г. (2023) О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 36–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Sobre las formas de organización de la realidad lingüística de la «zona fronteriza» civilizatoria: América Latina, Europa Ibérica y Rusia en el contexto de la comparación

© Shemyakin Ya.G., 2023

Yakov G. Shemyakin, Doctor en Ciencias Históricas, Investigador Jefe del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Resumen. Según el concepto del autor del artículo, las formas de organización del cosmos lingüístico de América Latina, la Europa Ibérica y Rusia están determinadas por las características esenciales del tipo civilizacional «límitrofe»: la forma de construir el tejido dialógico de la sociedad, basado en el discurso «inclusivo» y la diversidad dominante determinada por él (con la paradójica preservación de la unidad sui generis de este dominante correspondiente). El autor identifica dos formas de organización de la realidad lingüística de las «zonas fronterizas» civilizatorias: la variación lingüística y la unión lingüística. Al afirmar que ambos son (cada uno a su manera) una expresión del dominio civilizacional general de la diversidad (y, en consecuencia, del discurso «inclusivo»), Ya.G. Shemyakin llega a la conclusión de que estas formas no se excluyen, sino que, por el contrario, se determinan mutuamente.

Basado en la comprensión original de este término por N.S. Trubetskói, el autor identifica una serie de características que son típicas para una unión lingüística como fenómeno sociocultural especial y demuestra, basándose en numerosos ejemplos y resultados de investigaciones de colegas, que todos estos signos (así como la interdependencia de la variación lingüística y el proceso de formación de una unión lingüística) se encuentran tanto en América Latina como en Rusia y en la Europa Ibérica.

Palabras clave: civilización «fronteriza», civilización «clásica», discurso «inclusivo», discurso «exclusivo», diversidad dominante, variación lingüística, unión lingüística

Para citar: Shemyakin Ya.G. (2023) Sobre las formas de organización de la realidad lingüística de la «zona fronteriza» civilizatoria: América Latina, Europa Ibérica y Rusia en el contexto de la comparación, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 36–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared

© Shemyakin Ya.G., 2023

Yakov G. Shemyakin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences.

115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16

ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakin3@gmail.com

Abstract. According to the concept of the author of the article, the forms of organization of the linguistic cosmos of Latin America, Iberian Europe and Russia are determined by the essential characteristics of the «borderline» civilizational type: the way of constructing the dialogic fabric of sociality, based on «inclusive» discourse and the dominant diversity determined by it (with the paradoxical preservation of the unity sui generis that corresponds to this dominant). The author identifies two forms of organization of the linguistic reality of the civilizational «borderlands»: linguistic variation and linguistic union. Stating that both of them are (each of them in its own way) an expression of the general civilizational dominant of diversity (and, accordingly, «inclusive» discourse), Ya.G. Shemyakin came to the conclusion that these forms not only do not exclude, but, on the contrary, mutually determine each other.

Based on the original understanding of this term by N.S. Trubetzkoy, the author identifies a number of features that characterize a language union as a special sociocultural phenomenon, and proves, based on numerous examples and the results of the colleagues' research, that all these signs (as well as the interdependence of language variation and the process of forming a language union) are found in Latin America, in Russia, and in Iberian Europe.

Keywords: «border» civilization, «classical» civilization, «inclusive» discourse, «exclusive» discourse, dominant diversity, linguistic variation, linguistic union

For citation: Shemyakin Ya.G. (2023) On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 36–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Лингвистическая реальность Латинской Америки, Иберийской Европы и России определяется спецификой «пограничного» цивилизационного типа, к которому все они принадлежат [Шемякин, 2017: 295–302; Шемякин, 2001]. Его определяющие характеристики: способ формирования диалогической основы социальности, который детерминирован особенностями решения проблемы «Другого», то есть иного участника диалогического общения. Это решение основывается на логике включения «Другого» в собственное жизненное пространство (причём вне зависимости от характера отношения к нему) на «включающем» дискурсе, принципиально отличном от «исключающего» дискурса субэкумен [О критерии различения цивилизационных типов на основе противопоставления «включающего» и «исключающего» дискурсов см.: Шемякин, 2021: 167–179; Шемякин, 2023: 41–67].

В данной работе я счёл возможным использовать результаты своих прежних исследований [См. прежде всего: Шемякин, 2019: 114–128] и непосредственно на них опирался, рассмотрев их, однако, в новом ракурсе через призму «диалогии» М.М. Бахтина.

В ходе и в результате сравнительного цивилизационного исследования языковых реалий Латинской Америки, Иберийской Европы и России автор этих строк пришёл к выводу, что в социокультурном «пограничье» наличествуют две формы организации лингвистической сферы, обусловленные включающим дискурсом и, соответственно, доминантой многообразия в цивилизационной системе: языковое варьирование и языковой союз.

М.М. Бахтин.
1895–1975

Языковое варьирование в мире испанского языка

Концепция языкового варьирования была сформулирована Г.В. Степановым на основе обобщения латиноамериканских материалов. Анализируя характер трансформации, которая произошла с испанским языком в Новом Свете в результате столкновения испанцев с совершенно новой, непривычной для жителей Европы природной и человеческой реальностью, выдающийся отечественный учёный отмечал: «Квалификация американской разновидности как “диалекта” испанского языка неточно отражает соотношение двух вариантов единого испанского языка» [Степанов, 1963: 9]. По словам Степанова, «национальная (общенародная) языковая норма собственно Испании не является в настоящее время единственной нормой для всех стран, говорящих на испанском языке. У американской разновидности испанского языка за четыре с лишним столетия сложилась своя история: в странах Латинской Америки возникла своя языковая традиция, своя языковая политика, своё эстетическое понимание норм общенародной речи... Испаноамериканская разновидность испанского языка, в силу целого ряда

Ф. де Соссюр. 1857–1913

обстоятельств культурного, исторического, политического, геоэтнографического порядка, сама превратилась в особую норму (исторически — в норму второго порядка), которая находит своё отражение в устной речи образованных латиноамериканцев и в литературе латиноамериканских стран» [Степанов, 1963: 8]. При этом основы структуры испанского языка оставались одинаковыми по обе стороны Атлантики, обеспечивая его системное единство.

Однако бытие языкового космоса не сводится к его системной ипостаси. Ф. де Соссюр¹ различал две качественно различные формы бытования языковой реальности. Одну (в которой язык предстаёт именно как система) он обозначил термином *langue*, другую (в ней язык выступает как процесс человеческой деятельности) он определил как *parole* (речь). «Язык, по Соссюру, — воплощение единства культурной системы, он однороден и целостен, речь же как нечто разнородное и сугубо индивидуальное есть воплощение многообразия» [Шемякин, 2019: 115]. Мысль о том, что язык и речь следует рассматривать как принципиально различные объекты, получила широкое признание в научной среде. Однако их жёсткое противопоставление, непосредственно обусловленное свойственным Соссюру противопоставлением социального и индивидуального, и абсолютизация такого противопоставления вызвали резкую критическую реакцию и стремление его преодолеть. По-видимому, неслучайно, что, пожалуй, наиболее чётко сформулировал свою позицию по данному вопросу представитель российского цивилизационного «пограничья», один из ведущих лингвистов мира Н.С. Трубецкой, согласно которому «...речь и язык предполагают друг друга. Они неразрывно связаны друг с другом и могут рассматриваться как взаимосвязанные стороны одного и того же явления — речевой деятельности. По своему существу, однако, это совершенно различные вещи, поэтому они должны рассматриваться независимо друг от друга» [Трубецкой, 1960: 7].

Непосредственным исходным пунктом и первичной теоретической основой, на которой базировалась разработанная на ибероамериканском материале концепция языкового варьирования Г.В. Степанова, была теория Э. Косериу, согласно которой наряду с дуальной оппозицией «язык — речь» важнейшей составляющей языкового космоса является норма, понимаемая

¹ Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure, 1857–1913) — выдающийся швейцарский лингвист. Заложил основы семиологии и структурной лингвистики. Фундаментальный труд «Курс общей лингвистики» («Cours de linguistique générale», 1916), написанный по материалам университетских лекций Соссюра, лёг в основу структурализма. — Прим. ред.

как конкретная интерпретация общих принципов системы того или иного языка представителями той или иной общности, принадлежащей к ареалу данного языка [Косериу, 1963: 172].

Введение понятия нормы позволило отразить многообразие лингвистической реальности. Одно из самых ярких подтверждений этой мысли — фундаментальные труды Г.В. Степанова. Приведённый в его книгах [Степанов, 1963; Степанов, 1979] огромный материал позволяет сделать вывод о том, что языковое варьирование нужно рассматривать как главный способ реализации принципа доминанты многообразия в испаноговорящем мире. Следует уточнить, что уровни варьирования отличаются по своей глубине: на наиболее глубоком формируются собственные языковые нормы, появление которых означает возникновение относительно автономных подсистем в рамках единой системы языка. На менее глубоких уровнях появляются региональные диалекты и местные говоры [Степанов, 1963: 13–14].

Ключевая роль языка-процесса (речи) в цивилизационном «пограничье»

Если абсолютизация противопоставления языка и речи у Соссюра неправомерна, то их различие как принципиально отличных проявлений одной и той же лингвистической реальности имеет важнейшее значение и подводит к проблеме специфики их соотношения в различных цивилизационных типах. В результате своих исследований мы пришли к выводу, что именно речь, т.е. язык-процесс, играет ключевую роль в цивилизационном «пограничье», в том числе ибероамериканском.

«Именно речь выступает здесь в качестве движущего фактора процесса языкового варьирования и одновременно той среды, в которой данный процесс осуществляется» [Шемякин, 2019: 116]. Одним из самых убедительных подтверждений этой мысли является тот доказанный в трудах как Г.В. Степанова, так и других коллег-лингвистов факт, что наиболее значимые различия между «пиренейским» и «латиноамериканским» вариантами испанского языка проявляются именно в сфере речи, где идёт постоянный интенсивный процесс «иначения» классических образцов, которые определяются испанским академическим стандартом.

Для Латинской Америки особенно важно то, что именно речь является полем интенсивного непосредственного взаимодействия качественно различных традиций, в ходе которого в процессе речевого общения создаются наиболее благоприятные условия для преодоления барьеров непонимания. Именно в сфере речи возможна та гибкость в способе выражения мысли, которая обеспечивает повышенный уровень оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и тем самым повышенный уровень проницаемости внутренних границ в культуре, которые в Латинской Америке проходят не только между индивидами — носителями тех или иных традиций, но и в душах людей. Наличие этих качеств означает, в свою очередь, ключевую роль личностного уровня развёртывания

цивилизационного процесса, на котором язык проявляет себя в первую очередь не в своей системной ипостаси, а именно как речевая деятельность. Наиболее благоприятные условия для осуществления процесса языкового варьирования создаются в том «пространстве свободы» в рамках индивидуального измерения цивилизационного процесса, которое, как нам неоднократно приходилось отмечать [Шемякин, 2001: 168–173; Шемякин, 2014: 28–30; Шемякин, Шемякина, 2009b: 94–95], есть в любом человеке наряду с наличествующим (также в каждом индивиде) надличностным пластом общепринятых ценностей и норм поведения, которые определяются на официальном уровне. Свобода, которая проявляется в собственной, свойственной данной конкретной личности интерпретации этих норм и ценностей или в их отрицании (в эпохи кризисов). В результате проведения масштабного сравнительного цивилизационного исследования мы пришли к выводу о том, что охарактеризованное «пространство свободы» является исходным (и в этом смысле ключевым) фактором обеспечения целостности «пограничной» цивилизационной системы [Шемякин, Шемякина, 2009a; Шемякин, Шемякина, 2009b; Шемякин, 2018b: 388–395].

Проблематика «языкового союза» в странах испанского языка

Понятие «языковой союз» было впервые сформулировано Н.С. Трубецким² в его работе «Вавилонская башня и смешение языков» (1923). Лингвист выдвинул идею о том, что наряду с классификацией языков по генетическим признакам «географически соседящие друг с другом языки часто группируются независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием... Такие “языковые союзы” существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семействами, т.е. случается, что несколько семейств, генетически друг с другом не родственных, но распространённых в одной географической и культурно-исторической зоне, целым рядом общих черт объединяются в “союз языковых семейств”» [Трубецкой, 1995a: 333]. Международный съезд языковедов

Н.С. Трубецкой. 1890–1938

² Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — русский лингвист, философ, публицист, этнограф и историк. Один из крупнейших теоретиков структурализма. Заложил основы морфонологии. — *Прим. ред.*

в Гааге в 1928 г. принял предложение Трубецкого о необходимости четко различать понятия «языковые союзы» и «языковые семейства». Тема «языковых союзов» рассматривалась в работах ряда исследователей. Наиболее подробно изучен Балканский языковой союз [Цивьян, 1979; Цивьян, 1990; Нерознак, 2007]. Разные ученые вкладывали различное содержание в понятие языкового союза [Нерознак, 1985: 617–618]. Не останавливаясь на анализе этих различий, здесь необходимо определить собственную позицию.

Моё понимание «языкового союза» наиболее близко изначальному пониманию самого Трубецкого, который, как совершенно справедливо отметила Т.В. Цивьян [Цивьян, 1990: 104], рассматривал данный концепт в общетеоретическом плане и включал его в комплекс смежных дисциплин, выходящих за пределы лингвистики [Цивьян, 1990: 104–105], ставил задачу его анализа в контексте сравнительного изучения различных «этнологических личностей» (т.е. народов), «национального самопознания», исследование которого должно вестись «сразу несколькими науками: географией, антропологией, археологией, этнографией, статистикой, историей, историей искусства и т.д.» [Трубецкой, 1995b: 198]. Если рассматривать проблематику языковых союзов именно в таком, максимально широком историко-культурологическом контексте, то, обобщая наблюдения и выводы коллег, можно выделить следующие отличительные признаки этого типа оформления «пограничного» языкового космоса.

1. Общий для представителей данной культурно-исторической общности характер отношения к языку, которое является, как правило, пристрастным, «горячим». Подобная «особая напряженность слова» (К. Кавафис) прямо обусловлена тем, что тема языка неизменно оказывается в центре (и в основе) всей проблематики самоидентификации носителей тех или иных традиций. Вопрос «кто мы?» всегда стоял и продолжает стоять в повестке дня всего цивилизационного «пограничья», неизменно приобретая особую остроту в условиях постоянного столкновения и взаимодействия качественно разнородных начал.

2. Общее понимание характера соотношения языка с другими сферами реальности, утверждение его ключевой роли в культурной системе в целом.

3. Общая оценка особой значимости межъязыкового взаимодействия, неизменно высокая интенсивность такого взаимодействия, чрезвычайно большая «сила общения» взаимодействующих в рамках союза языков (Ф. де Соссюр).

4. Отражение в языке таких общих цивилизационных характеристик «пограничья», как амбивалентность, «взаимоупор» сторон острейших противоречий, формирование такого соотношения общего и индивидуального, при котором «общее <...> не только не подавляет индивидуальное, но и существует благодаря ему, им поддерживается и подчёркивается» [Цивьян, 1990: 58], преобладание пространства над временем в рамках простран-

ственно-временного континуума культуры, сочетание качественно различных типов межкультурного контакта [Шемякин, 2001: 218–221; Кофман, 1997: 25–107; Цивьян, 1990: 67–68, 93–95, 99, 150].

В связи с последним из перечисленных пунктов хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Очевидно, сам термин «языковый союз» достаточно условен: он отражает реальность сложного комплекса взаимоотношений сосуществующих на протяжении длительного срока языков, неотъемлемыми чертами которой являются тесная, устойчивая взаимосвязь, высокая степень интенсивности взаимодействия и, как следствие, отчётливые следы взаимного влияния и появление ряда сущностных общих черт. Говоря словами Р.О. Якобсона³, «там, где есть общность оценки слова, единство культуры языка, естественно предположить и наличие совпадений в языковой структуре непосредственно» [Якобсон, 1931: 8]. Так, «согласно Трубецкому, языковый союз — это группа языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, иногда — внешнее сходство в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных системой звуковых соответствий и изначальной элементарной лексикой»⁴ [Нерознак, 2002: 617]. Сохранение в рамках этих «условно союзнических» отношений неповторимой индивидуальности каждого из языков не означает, однако, отсутствия конфликтов между ними. Лучше всего характер их взаимоотношений изучен на балканском материале. Так, по словам Т.В. Цивьян, «в жизни балканца периодически возникали угрозы подавления и потери родного языка, которые шли с разных сторон и реализовывались в разных планах, это могли быть языки, пришедшие извне, т.е. дальние, но и языки ближайших соседей, т.е. ближние» [Цивьян, 1990: 95]. Здесь можно было бы привести немало примеров из жизни и других «пограничных» ареалов: Латинской Америки, Пиренейской Европы, да и России, в том числе современной. По-видимому, общий характер взаимоотношений контактирующих языков определяется триадой основных типов межкультурного взаимодействия: противостояния, симбиоза и синтеза [Шемякин, 2001: 85–97, 125, 176–178, 182–184, 315–326]. Хотя как противостояние (о чём только что было сказано), так и синтез (главным

Р.О. Якобсон. 1896–1982

³ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — российский лингвист, педагог и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX в. Родоначальник структурализма в языкознании и литературоведении. — *Прим. ред.*

⁴ Нерознак В.П. Языковой союз. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва. Большая российская энциклопедия. 2002. С. 617.

проявлением которого являются, по-видимому, те общие всем участникам «союза» черты, которые выработались в ходе контакта) вполне реальны; определяющую роль здесь необходимым образом должны играть симбиотические формы связи в силу самого их характера: в рамках культурного симбиоза участники контакта объединены уже нерасторжимой системной связью, но при этом каждый остаётся собой, сохраняя собственную идентичность, а нового культурного качества не возникает [Шемякин, 2001: 87–91, 127–130, 176–178, 315–326].

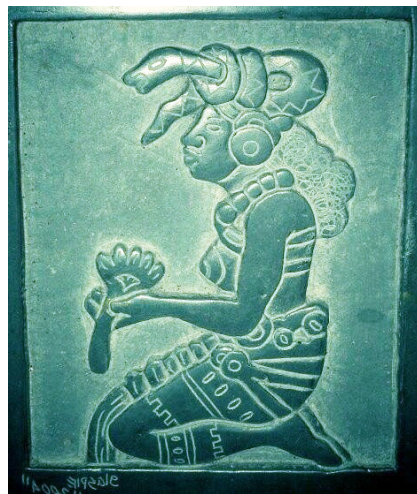
Языковое варьирование как свидетельство формирования языкового союза

Сравнительное цивилизационное исследование привело нас к выводу, что перечисленные выше характеристики «языкового союза» как социокультурного феномена вполне подходят для описания лингвистической реальности как Латинской Америки, так и Пиренейской Европы. В этой связи следует подчеркнуть, что «языковой союз» и «языковое варьирование» не только не противоречат друг другу, но и необходимым образом предполагают друг друга. Одним из главных результатов (и вместе с тем проявлений) процесса языкового варьирования стала дифференциация вступивших во взаимодействие языков. Так, как убедительно показал Г.В. Степанов, языки автохтонных народов стали в ряде значимых в масштабе региона случаев решающими факторами дифференциации испанской речи и способствовали тем самым формированию особых вариантов испанского языка, выработавших собственную норму («норму второго порядка» [Степанов, 1963: 8]). Так, по словам Степанова, «особый характер испанского языка мексиканской зоны в значительной степени можно объяснить влиянием индейского языка “науатль”» [Степанов, 1963: 35]. О том, сколь значительным было это влияние уже в эпоху конкисты, свидетельствует тот факт, что Э. Кортес (Hernán Cortés, 1485–1547) признавал науатль в качестве второго «официального» языка Новой Испании (Мексики) [Кофман, 2017: 209]. Еще один яркий пример — гуарани, наложивший серьёзный отпечаток на ту разновидность испанской речи, которая сложилась в Парагвае, и ставший одним из главных факторов формирования так называемого «общего языка» (língua geral), превратившегося в главное средство межъязыковой коммуникации на юге Южной Америки, причём как в том, что касается взаимодействия индейцев с испанцами и португальцами, так и в том, что касается общения представителей разных индейских общин между собой [Степанов, 1963: 32–33; Сапрыкина, 2016: 37]. Взаимное влияние испанского и индейских языков было наиболее сильным в тех странах, где дальше всего зашёл процесс метисации, как этнорасовой, так и культурной. Самые очевидные примеры — Мексика и Парагвай. Впрочем, языки крупных индейских народов, кечуа и аймара, сыграли определённую роль в дифференциации испанской речи и формировании соответствующих латиноамериканских вариантов испанского язы-

ка даже в странах, которые отличались (в силу знаменитого дуализма Косты и Сьерры) относительной слабостью контактов испанского и автохтонного начал — в Перу и Боливии. Конечно, так было не во всех государствах региона. Например, в Чили, как отмечает Степанов, языки автохтонного населения не стали фактором дифференциации испанской речи.

Разумеется, эту ситуацию необходимо рассмотреть и в ином ракурсе: испанский язык, язык завоевателей, доминировал в языковой реальности Ибероамерики в эпоху иберийского колониального господства. Он, несомненно, оказывал мощное воздействие на взаимодействующие с ним индейские языки: «Следует подчеркнуть, что условия культурного, социального характера, сложившиеся в Америке, больше благоприятствовали влиянию испанского языка на туземные, чем наоборот» [Степанов, 1963: 39]. В подобной ситуации он неизбежно должен был превратиться и действительно превратился в существенный фактор дифференциации речи различных автохтонных народов, который проявлялся, по-видимому, по-разному в зависимости от того или иного типа контакта индейского и иберийского миров. Пожалуй, самым ярким примером здесь могут служить результаты многовекового интенсивного контакта испанского языка с языковым семейством майя. Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки разрушить культурную идентичность этого индейского народа, языковое семейство майя не только сохранилось, но и укрепилось и увеличилось. Как подчёркивал М. Галич, «в течение столетий древний майяский лингвистический ствол пышно разветвился, и в настоящее время многочисленные ветви этого дерева являются живыми языками, на которых говорят миллионы индейцев» [Галич, 1990: 131].

Тот факт, что в результате взаимодействия испанского и индейских языков в ряде значимых случаев имела место дифференциация этих языков, свидетельствует о том, что в ходе подобного взаимодействия возникла исторически устойчивая система их взаимосвязи, отличительными характеристиками которой были глубина и интенсивность взаимных контактов. Появление такого рода системы означало, что в тех зонах языкового космоса, где произошла дифференциация, сложилась та форма организации языковой реальности, которая была охарактеризована выше как языковой союз. Пожалуй, самым ярким примером здесь может служить опять же лингвистическая зона майя, где, несмотря на всю сложность их взаимоотношений, включавших в себя в том числе и элементы длившегося на протяжении веков противостояния, сло-

Ицамна — божество майя

жился языковой союз испанского как с целым языковым семейством майя, так и с отдельными языками, входящими в это семейство [Шемякин, 2019: 124–125]. Особо следует отметить в этой связи существенную роль, которую сыграли католические монахи, отстаивавшие мысль о том, что индейцы вполне могут воспринимать истины христианской религии на собственных языках. Так, известный гватемальский исследователь М.У. Рус подчёркивал: «Несомненно, они намеревались этим облегчить свою работу по введению новой религии... Но, как бы то ни было, благодаря деятельности монашеских орденов, в особенности францисканцев и доминиканцев, у нас сейчас имеются великолепные лингвистические работы. Монахи в определённой мере помогли сохранить около трех десятков языков семьи майя; право индейцев использовать свои родные языки защищали многие священники, даже вопреки королевским распоряжениям, пытавшимся сделать испанский язык единственным средством общения.

Чилам-Балам. Рукописи майя

Монахи научили покоренные народы пользоваться латинским шрифтом, вложив в их руки тем самым, вопреки своему желанию, ещё одно оружие сопротивления. Благодаря письменности обрели плоть те традиции, которые прежде принадлежали к сфере устного народного творчества, и те знания, которые, будучи записанными иероглифами, непонятными для непосвященных, находились в исключительном ведении правящих классов. Так, перейдя из звуков в чернила, возникли книги “Чилам-Балам”, “Песнопения из Цитбальче”, “Ритуал Бакабов”, “Пополь-Вух”, “Мемориал из Сололы или Анналы какчикелей”, “Родословная владык Тотоникапана”, “Титулы Дома Ишкин Нехаиб”, “Рабиналь Ачи” и другие памятники доиспанской и колониальной литературы и истории» [Рус, 1996: 84–85].

«Включающий» дискурс как решающий фактор возникновения языкового варьирования и языкового союза

Возникновение языкового варьирования и языкового союза как форм организации лингвистической реальности, соответствующих общецивилизационной доминанте многообразия, в самом конечном счёте было обусловлено преобладанием в испаноговорящем мире «включающего» дискурса. Именно формирование диалогической основы социальности на базе этого дискурса, предполагающего, как подчёркивалось выше, рассмотрение «Другого» в качестве неотъемлемой составляющей собственного жизненного пространства, не только стало решающим фактором сохранения многих индейских языков (прежде всего наиболее значимых: наuatль, майя, гуарани, кечуа, аймара и др.), но и предопределило возможность возрождения языков автохтонных народов в процессе «индейского ренессанса» рубежа XX–XXI вв., что привело к существенному усилению индейских нот в латиноамериканском «концерте барокко» [Ракуц, 2018].

Гипотеза пиренейского языкового союза: доводы «за»

В том, что касается пиренейского варианта цивилизационного «пограничья», — помимо того, что, как уже говорилось, к языковой реальности Иберийской Европы, несомненно, относятся все те признаки языкового союза как социокультурного феномена, которые перечислялись выше, — можно констатировать факт интенсивного многовекового взаимодействия романских языков Иберийской Европы, которое не могло не оставить достаточно значимые следы в этих языках [Зененко, 1982a: 13–17; Зененко, 1982b: 18–25; Косарик, 2009: 72–75]. Разумеется, «испанский “кастильский”», став первым среди равных языков народов, населявших территорию Пиренейского полуострова в Средние века» [Оболенская, 2019], оказывал, по-видимому, более сильное воздействие на своих соседей, чем они на него. В какой мере это обратное воздействие сказалось на классическом *castellano* — вопрос открытый, здесь трудно сказать что-либо определённое на современном уровне знаний. В то же время следует иметь в виду, что «говорить о каких-то общих стилистических доминантах, отразившихся в испанском языке, бытующем в качестве диалектов или второго языка билингвов во всех областях Испании, можно только с известными допущениями. И обязательно учитывая то, что в каждой такой области стилистические параметры испанского (кастильского) языка будут различаться под влиянием интерференции и смешения с родным языком носителей и, главное, отражать черты присущего только им национального языкового сознания» [Оболенская, 2019]. Иными словами, в, так сказать, «некастильских» регионах Испании, по всей видимости, происходили процессы дифференциации испанской речи. Ещё один важный довод в пользу гипотезы пиренейского «языкового союза» — процессы интенсивной интерференции испанского и баскского языков в ряде регионов, прежде всего в Наварре [Зеликов, 2010: 43–45].

Российские параллели ибероамериканского опыта

Анализ лингвистической реальности российской цивилизации, изучение множества работ отечественных авторов [Живов, 2001; Зализняк и др. 2012; Кравецкий, Плетнева, 2001; Толстой, 2001; Лексин, 2014: 6–32; Лексин, 2012: 3–39; Колесов, 2021], посвящённых этой теме, привели меня к выводу о том, что характерные для цивилизационного «пограничья» формы организации языкового космоса, языковое варьирование и языковой союз присутствуют и в действительности России-Евразии.

Так, после принятия Русью восточного варианта христианства сформировались два варианта русского языка: тот, на котором подавляющее большинство населения общалось в повседневной жизни, и церковнославянский. То, что речь идёт именно о двух вариантах одного и того же языка, а не о разных языках, убедительно показали в своих работах В.М. Живов, Н.И. Толстой, А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, В.Н. Лексин [Живов, 2001; Толстой, 2001; Кравецкий, Плетнева, 2001; Лексин, 2014: 19–22]. Чётко различались сферы применения этих вариантов одного языка: «...по-церковнославянски не вели бытовых разговоров, а по-русски не молились» [Живов, 2001].

Здесь следует отметить, что как само появление церковнославянского языка, так и возможность его сосуществования в рамках одной системы с «бытовым» вариантом русского языка было обусловлено тем, что в цивилизационном пространстве сначала византийского, а затем российского социокультурного «пограничья» возобладал «включающий» дискурс. Здесь прежде всего нужно назвать утвердившуюся после напряжённой борьбы в византийской церкви (проявившуюся с наибольшей ясностью в кирилло-мефодиевской традиции) и воспринятую русским православием идею о принципиальной возможности усвоения основ христианской веры на языках любых народов. Идею, утвердившуюся вопреки отстаиваемой ортодоксами как в Риме, так и в Константинополе доктрине «триязычия», которая ограничивала возможность христианской проповеди тремя «священными» языками — древнееврейским, греческим и латынью. Видный швейцарский учёный Э. Холенштайн подчеркивал в этой связи, что «перевод “священных текстов” на “народные языки”, получившие вместе с переводами ещё и письменности, означал повышение статуса и самих этих языков, и тех, кто на них говорил. Родившийся в двуязычном (греческо-славянском) городе Салоники Константин Философ (Κωνσταντῖν ὁ Φιλόσοφος, 826–869), более известный как “апостол славян” под своим монашеским именем Кирилл, обосновывал это повышение статуса “народных языков” ссылками на Библию и философию. Для Константина (и в этом он был, вероятно, первым по времени среди философов) многообразие языков не было неким злом, нуждавшимся в объяснении и оправдании со ссылками на ветхозаветный

сюжет о Вавилонской башне. Напротив, это многообразие было благом: оно освящено новозаветным чудом Пятидесятницы, когда апостолам было дано изъясняться на бесчисленных языках.

С таким отношением ко множественности языков хорошо сочетался и осознанно культивируемый Восточной церковью вкус к интуитивно-познавательным и эстетическим возможностям языка, к мистике слова (Wort-Mystik) и к искусству слова (Wort-Kunst)» [Холенштайн, 1999: 321]. Будучи одним из наиболее значимых проявлений «включающего» дискурса, «вера в самозаконность и достоинство отдельных языков и их носителей, сохранявшаяся в традиции Восточной церкви, имела общественные и политические последствия» [Холенштайн, 1999: 321].

Холенштайн вслед за Р.О. Якобсоном приводит в этой связи пример Стефана Пермского (1340–1396), который, следуя идеалу христианского служения Константина-Кирилла, «миссионерствовал среди народа коми <...> и создал для языка коми <...> оригинальный алфавит на основе кириллицы, но с использованием знаков, которые были в ходу у самих коми» [Холенштайн, 1999: 321]. Подводя итог этой части своего исследования, Холенштайн делает вывод, имеющий, по нашему мнению, принципиальное значение: «Роман Якобсон имел основания утверждать, что начало национального самоопределения в Европе связано не только с распадом Священной Римской империи и с Реформацией, но и с “просветительской” (по его выражению) философией языка в Византии, а также с византийской церковной политикой, умевшей ценить и плюрализм, и культурную самобытность различных народов... Поэтому, в частности, в сфере межэтнических отношений России нет нужды обращаться к чужеземным образцам. Собственная история России даёт прекрасные образцы, которые можно считать одними из лучших во всей европейской истории» [Холенштайн, 1999: 322].

Святой Кирилл
(Константин Философ).
826–869

Языковое варьирование в «Санкт-Петербургской» России

Начиная с XVII в. в духовном космосе Московской Руси отчётливо проявляется, а в XVIII в. становится наиболее активной силой во взаимодействии трёх качественно различных пониманий универсального измерения человеческого бытия модернизационная парадигма [О трёх качественно различных парадигмах универсального, взаимодействие которых лежит в основе цивилизационного процесса, см.: Шемякин, 2018а: 18–27]. Именно

в контексте её взаимодействия с архаической и первой осевой (христианско-православной) парадигмами формируется русский литературный язык, который, однако, как показали результаты исторических исследований, отнюдь не стал в «Санкт-Петербургской» России главным средством общения большинства населения (прежде всего крестьян), речь которого очень сильно отличалась от способа вербального общения элиты, сохранив основные особенности повседневной речи допетровской Руси. Эта разновидность русской речи в течение ряда веков находилась в модусе активного взаимодействия с церковнославянским языком, испытывая заметное влияние последнего. Специалисты «пишут о малоизученном феномене реального двуязычия русского дореволюционного общества» [Лексин, 2014: 20].

Основываясь на обобщении очень значительного по объёму фактического материала, А.Г. Кравецкий и А.А. Плетнева делают вывод, что вплоть до 20-х гг. XX в. «сфера употребления возникшего в XVIII в. нового литературного языка была ограниченной. Владение русским литературным языком не выходило за пределы образованной части общества. <...> языком, которому учили крестьянских детей, был церковнославянский». По утверждению этих авторов, церковнославянский был письменным языком основной части населения России. Причём «крестьянин, который умел читать по-славянски, но не читал гражданских книг, мог восприниматься как неграмотный. <...> существенная часть населения страны, в первую очередь крестьяне, могли читать церковнославянские тексты, но не владели русским литературным языком. <...> Однако в господствующей культурной парадигме умение читать по-славянски рассматривалось не как элемент образованности, а как часть “нецивилизованной” “народной” культуры» [Кравецкий, Плетнева, 2001: 25–41].

Как справедливо отмечал В.Н. Лексин, «это сформировало ещё один барьер между массово-народной и узкоэлитарной частями культуры русского народа» [Лексин, 2014: 20]. Этот барьер был одним из главных проявлений того самого раскола русского общества на западную элиту и основную (главным образом крестьянскую) массу народа, которая продолжала жить в соответствии с традициями допетровской Руси. Раскола, о котором неоднократно писали многие русские мыслители XIX–XX вв. от А.С. Хомякова до Н.А. Бердяева и А.С. Ахиезера и который стал одной из главных предпосылок революционного катаклизма 1917 г.

Таковы были наиболее глубокие уровни языкового варьирования в российской цивилизации XVIII – начала XX в. Помимо этого, существовала масса местных диалектов и говоров в различных регионах Российской Империи. Пожалуй, наиболее выразительные примеры — Русский Север, Сибирь и Дальний Восток [Якобсон, 1931: 6–8].

Трансформация лингвистической реальности России-Евразии в советский период

Революция 1917 г. оказалась связана с очень существенной трансформацией лингвистической реальности России. Как убедительно показал В.Н. Лексин, «самая большая лингвистическая новация того времени — стирание граней между разговорной речью и литературным языком. Практически полная ликвидация неграмотности, обязательное школьное образование, огромные тиражи раскупаемых книг и получаемых газет, тотальная радиофикация <...> оставили дореволюционные народные говоры лишь в отдалённых местностях и, как правило, у людей старшего поколения. Послереволюционная Россия заговорила на книжном языке, — зачастую примитивном, непоправимо обеднённом, и предельно унифицированном. <...> В России практически закончился период двуязычия (разговорный и литературный язык), начавшийся с момента появления церковнославянской письменности» [Лексин, 2014: 9]. К настоящему времени языковой космос России-Евразии являет собой картину сосуществования русского литературного языка, который В.Н. Лексин, используя знаменитую метафору М. Хайдеггера, охарактеризовал как наш современный «дом бытия» [Лексин, 2014: 9], и церковнославянского, который ныне «не язык бытового общения (при том, что упрощенных вкраплений его в нашу речь очень много) и не язык нашей современной книжности. Сегодня это язык православного богослужения и древнерусской литературы: новые же тексты <...> опять входят в круг акафистов и житий (в основном новомучеников)» [Лексин, 2014: 19].

К проблеме Евразийского языкового союза

Вопрос о том, сложилась ли в России-Евразии такая форма организации лингвистической сферы, как языковой союз, стал предметом дискуссии.

Первым концепцию Евразийского языкового союза выдвинул Р.О. Якобсон [Якобсон, 1931], однако сформулированные им фонологические признаки, характеризующие этот союз, подверглись критике и не были приняты основной частью лингвистов. Тем не менее, как подчеркивал В.В. Иванов, сделанный Якобсоном «вывод о географической значимости распространения фонологических признаков в соседних языках разных языковых семей остаётся важным достижением» [Иванов, 1999: 411–412].

Первое, что необходимо сказать в этой связи: все те признаки языкового союза как особой социокультурной реальности, которые были нами выделены при работе с латиноамериканскими и испанскими материалами и охарактеризованы выше, налицо и в России-Евразии. На наш взгляд, главный довод в пользу вывода о существовании «союзнической» формы взаимоотношений сосуществующих в евразийском пространстве языков — сохранение огромного языкового многообразия на протяжении всей истории российской цивилизации. Как совершенно справедливо подчёркивал

В.Н. Лексин, «только в пространстве русской цивилизации не потерялся и, более того, оформил и укрепил этнонациональную и цивилизационную самобытность “всяк сущий в ней язык”, что именно русским было суждено стать представителями различных народов и этносов в мире наднациональной культуры, в том числе и через блестящие литературные переводы и обработки национального мелоса, и через систему государственной службы, и через систему образования. Пройдя коридорами русской цивилизации, национальные голоса, не теряя своей самобытности, становились слышимыми далеко за пределами ареалов их исконного прорезывания. Все, что происходило на длительно расширявшемся пространстве русского присутствия, стало не аналогом “плавильного котла” США, а жизнью уникальной “цивилизационной конфедерации”, не погубившей ни один подвергнувшийся её влиянию этнос и соединившей их мотивировочно-ценностным потенциалом, воплощенным в политике государственной власти и в менталитете русского народа» [Лексин, 2012: 4]. Эти суждения подтверждаются огромным фактическим материалом фундаментальных исследований [см. в особенности: Алексеев и др., 2004; Ананьич, Барзилов, 2001; Мухамеджанова, 2015: 68–100]. Сохранение практически всех языков нерусских этносов в России-Евразии — самое яркое свидетельство того, что между ними и русским языком сложились «союзнические» отношения, несмотря на все сложности и определённые потери, связанные прежде всего с логикой модернизации (как в «социалистическом», так и в «капиталистическом» вариантах).

Кроме того, русский язык оказался чрезвычайно восприимчив к иноязычным воздействиям, причём не только со стороны европейских языков. «Русский язык, объединяя и распространяя русскую цивилизацию, сам наполнялся уместно заимствованной речью народов, обитавших в пространстве этой цивилизации» [Лексин, 2012: 19]. Причём «круг таких языковых ассимиляций был необычно широк» [Лексин, 2012: 19]. Особенно много заимствований из тюркских языков [Топоров, 1998: 234–235]. «При этом языковое движение было взаимным. В быт нерусских народов вместе со словами русского языка входили его смыслы и понятия, пословицы с их моралитетом и т.п. Русский народ получил не меньше» [Лексин, 2012: 20]. Всё это свидетельствует как о значительных масштабах взаимного влияния (и, по-видимому, о процессах дифференциации, не достигавших, однако, уровня формирования отдельных языковых норм), так и о том, что взаимоотношения языков складывались в соответствии с логикой «языкового союза». Нельзя не вспомнить в этой связи деятельность православных миссионеров-энтузиастов, способствовавших сохранению и развитию языков нерусских этносов, создававших для них словари, учебники родной речи [Лексин, 2012: 19] — всё это вызывает прямые ассоциации с охарактеризованной выше деятельностью католических монахов по сохранению и развитию индейских языков.

Почти три века насчитывает традиция школьного обучения на нерусских (национальных, этнических) языках. По данным на 2010 г., в России насчитывалось 239 языков и диалектов, «из которых в школах изучали около 90, а на 40 велось полное обучение...» [Лексин, 2012: 20].

Согласно Конституции Российской Федерации (п. 3, ст. 68), «Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития», а Федеральный закон от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации» рассматривает эти языки «как национальное достояние нашего государства», «способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия» [Цит. по: Лексин, 2014: 26–27]. И наконец, самое существенное относительно современной ситуации: хотя, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, русский язык является государственным на всей её территории и обязательным для использования в ключевых сферах, в первую очередь в деятельности федеральных и региональных органов власти, он не единственный имеет статус государственного: «такowymi в современной России являются и языки, принимаемые в качестве государственных во всех субъектах Российской Федерации, являющихся государствами, т.е. республиками» [Лексин, 2014: 25]. По данным, полученным на основании анализа регионального законодательства, к началу 2012 г. государственных и официальных языков в России насчитывалось более сорока [Лексин, 2014: 28–29].

Не могу не отметить, что здесь возникают прямые ассоциации с идеологией и практикой проекта «Сума каманья» в Боливии в эпоху правления Эво Моралеса (Evo Morales, 2006–2019), в рамках которого наряду с испанским получили статус официальных языки 36 населяющих страну индейских народов, которые были признаны «нациями» [Костогрызов, 2019: 30–40].

Не имея возможности в рамках статьи проиллюстрировать данный тезис, отмечу лишь, что в этом плане современная Россия продолжает придерживаться основной линии советского периода, когда право на сохранение и развитие собственных языков нерусских народов безусловно признавалось и законодательно закреплялось.

Как мы подчёркивали ранее, термин «языковой союз» условен, наличие такой формы организации языкового космоса отнюдь не отменяет возможности противоречий, которые могут обостриться, доходя до уровня открытого столкновения и попыток поглощения одних языков другими. Таких противоречий было более чем достаточно и в Российской Империи, и в СССР, их более чем достаточно и в постсоветский период. Можно вспомнить в связи с этим и проблему «своеобразной конкуренции государственных языков России, субъектов Российской Федерации и родных языков как таковых» [Лексин, 2014: 26], и фактическое вытеснение русского языка из системы образования и официального обращения в постсоветских государствах, возникших на обломках СССР. Пожалуй, самый печальный и трагический пример — попытка покончить с русским языком на Украине в последние

годы. Следует, однако, подчеркнуть, что этот факт не отменяет ни многовековую историю взаимодействия и взаимовлияния русского и украинского языков, ни их глубинного родства. Несомненно, союзнический характер (несмотря на все имевшие место противоречия, связанные как с попытками русификации в Российской Империи, так и с националистическими «изломами» на различных этапах истории) носили и носят взаимоотношения языков трёх главных восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского. Точно так же, как все перечисленные выше отрицательные явления не отменяют факта накопления ценнейшего опыта взаимодействия множества народов, этносов и языков в духовном пространстве российской цивилизации на протяжении всей её истории. Как и в Латинской Америке, и в Иберийской Европе «включающий» дискурс утвердился, развивался и развивается здесь через преодоление контртенденции, воплощённой в его антагонисте, «исключающем» дискурсе. Глубокий кризис, который испытала российская цивилизация в связи с распадом СССР, привёл, бесспорно, к усилению разрушительной логики «исключения». Но при всей сложности нынешней исторической ситуации, по-моему, нет никаких серьёзных оснований говорить о том, что логика эта возобладала, хотя этого очень хотелось бы тем, кто не приемлет самого факта существования России-Евразии как цивилизации планетарного масштаба.

Список литературы / References

Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Zubkov K.I., Побережников И.В. (2004) *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века*, Москва, Наука, 600 с.

Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. (2004) *Aziatskaja Rossija v geopoliticheskoj i civilizacionnoj dinamike XVI–XX veka* [Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the 16th–20th centuries], Moscow, Nauka, 600 p. (In Russian)

Ананьич Б.В., Барзилов С.И. (ред.) (2001) *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*, Москва, Московский общественный научный фонд, 512 с.

Ananyich B.V., Barzilov S.I. (ed.) (2001) *Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti* [Space of power: Russia's historical experience and challenges of our time], Moscow, Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 512 p. (In Russian)

Галич М. (1990) *История доколумбовых цивилизаций*, Москва, Мысль, 408 с.

Galich M. (1990) *Istorija dokolumbovyh civilizacij* [History of pre-Columbian civilizations], Moscow, Mysl', 408 p. (In Russian)

Живов В.М. (2001) Исторический очерк о церковнославянском языке, *Церковнославянский язык*, под ред. А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой, Москва, Древо добра, с. 9–20.

Zhivov V.M. (2001) *Istoricheskij ocherk o cerkovnoslavjanskom jazyke* [Historical essay on the Church Slavonic language] in A.G. Kravetskij, A.A. Pletneva (eds.) *Cerkovnoslavjanskij jazyk* [Church Slavonic language], Moscow, Drevo dobra, pp. 9–20. (In Russian)

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (2012) *Константы и переменные русской языковой картины мира*, Москва, Языки славянских культур, 692 с.

Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language worldview], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 692 p. (In Russian)

Зеликов М.В. (2010) Баскские истоки иберо-романской редупликации, *Вопросы иберо-романского языкознания*, Москва, Изд-во Моск. ун-та, Вып. 8, с. 43–45.

Zelikov M.V. (2010) Baskskie istoki ibero-romanskoj reduplikacii [Basque origins of Ibero-Roman reduplication], *Voprosy ibero-romanskogo jazykoznanija*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, Вып. 8, pp. 43–45. (In Russian)

Зененко Г.П. (1982а) Галисийский и португальский языки сегодня, *Вопросы иберо-романской филологии*, Москва, Изд-во Моск. ун-та, с. 13–17.

Zenenko G.P. (1982a) Galisijskij i portugal'skij jazyki segodnja [Galician and Portuguese languages today], *Voprosy ibero-romanskoi filologii*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 13–17. (In Russian)

Зененко Г.П. (1982b) К вопросу о выражении прямого и косвенного объектов одушевленных существительных в романских языках Пиренейского полуострова, *Вопросы иберо-романской филологии*, Москва, Изд-во Моск. ун-та, с. 18–25.

Zenenko G.P. (1982b) K voprosu o vyrazhenii prjamoj i kosvennoho ob#ektov odushevlennyh sushhestvitel'nyh v romanskih jazykah Pirenejskogo poluostrova [On the issue of expressing direct and indirect objects of animate nouns in the Romance languages of the Iberian Peninsula], *Voprosy iberoromanskoi filologii*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 18–25. (In Russian)

Иванов В.В. (1999) Звук и значение в концепции Якобсона, *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*, Москва, РГГУ, с. 405–423.

Ivanov V.V. (1999) Zvuk i znachenie v koncepcii Jakobsona [Sound and meaning in the concept of Jacobson], *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya* [Roman Jakobson: Texts, documents, research], Moscow, RGGU, pp. 405–423. (In Russian)

Колесов В.В. (2021) *Концептуальное поле русского сознания*, Санкт-Петербург, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 612 с.

Kolesov V.V. (2021) *Konceptual'noe pole russkogo soznaniya* [Conceptual field of Russian consciousness], Saint Petersburg, RGGU, 612 p. (In Russian)

Косарик М.А. (2009) Специфика португальского языка — консервативный характер или взаимосвязь архаических и инновационных процессов? *Вопросы иберо-романского языкознания*, Москва, Изд-во Моск. ун-та, Вып. 9, с. 74–80.

Kosarik M.A. (2009) Specifika portugal'skogo jazyka — konservativnyj harakter ili vzaimosvjaz' arhaicheskikh i innovacionnyh processov? [Specificity of the Portuguese language: conservative character or interrelation of archaic and innovative processes?], *Voprosy ibero-romanskogo jazykoznanija*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, Вып. 9, pp. 74–80. (In Russian)

Косериу Э. (1963) Синхрония, диахрония и история, *Новое в лингвистике*, Москва, Вып. III, с. 123–343.

Coşeriu E. (1963) Sinhronija, diahronija i istorija [Synchrony, diachrony and history], *Novoe v lingvistike*, Moscow, Вып. III, pp. 123–343. (In Russian)

Костогрызов П.И. (2019) Идеология Сума каманья в политике ценностей левоиндихенистского режима Э. Моралеса, *Вестник Пермского университета, История*, Выпуск 4 (47), с. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40

Kostogryzov P.I. (2019) Ideologija Suma kaman'ja v politike cennostej levoindihenistsko-go rezhima Je. Moralesa [Ideology of Suma Kamanya in the politics of values of the left-wing Indian regime of E. Morales], *Vestnik Permskogo universiteta, Istorija*, Vypusk 4 (47), pp. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40 (In Russian)

Кофман А.Ф. (1997) *Латиноамериканский художественный образ мира*, Москва, Наследие, 320 с.

Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira* [Latin American artistic image of the world], Moscow, Nasledie, 320 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*, Санкт-Петербург Издательство «Крига», 1032 с.

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'jago. Ispanское zavoevanie Ameriki i sud'by znamenityh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of famous conquistadors], Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 1032 p. (In Russian)

Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. (2001) *История церковнославянского языка в России. Конец XIX–XX в.* Москва, Языки славянских культур, 398 с.

Kravetsky A.G., Pletneva A.A. (2001) *Istorija cerkovnoslavjanskogo jazyka v Rossii. Konec XIX–XX v.* [History of the Church Slavonic language in Russia. Late 19th — 20th centuries], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 398 p. (In Russian)

Лексин В.Н. (2012) Русская цивилизация: опыт системной диагностики, *Мир России*, № 21(4), с. 3–39.

Leksin V.N. (2012) Russkaja civilizacija: opyt sistemnoj diagnostiki [Russian civilization: experience of system diagnostics], *Mir Rossii*, no. 21(4), pp. 3–39. (In Russian)

Лексин В.Н. (2014) Языковая репрезентация русской цивилизации, *Мир России*, № 23(2), с. 6–37.

Leksin V.N. (2014) Jazykovaja reprezentacija ruskoj civilizacii [Linguistic representation of Russian civilization], *Mir Rossii*, no. 23(2), pp. 6–37 (In Russian)

Мухамеджанова Н.М. (2015) *Современные цивилизационные процессы*, Оренбург, ФГБОУ ВПО «ОГУ», 276 с.

Mukhamedjanova N.M. (2015) *Sovremennye civilizacionnye process* [Modern civilizational processes], Orenburg, FGBOU VPO «OGU», 276 p. (In Russian)

Нерознак В.П. (1985) Языковые союзы, *Лингвистическая типология*, под ред. В.М. Солнцева, И.Ф. Вардуть, Москва, Наука, с. 194–200.

Neroznak V.P. (1985) Jazykovye sojuzy [Language Unions], in V.M. Solntsev, I.F. Vardul (eds.) *Lingvisticheskaja tipologija* [Linguistic typology], Moscow, Nauka, pp. 194–200. (In Russian)

Нерознак В.П. (2007) Балканская лингвокультурная общность: генезис и структура, *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова*, под ред. Т.Н. Свешниковой, И.А. Седаковой, Т.В. Цивьян, Москва, Индрик, с. 123–131.

Neroznak V.P. (2007) Balkanskaja lingvokul'turnaja obshhnost': genezis i struktura [Balkan linguistic and cultural community: genesis and structure], in T.N. Sveshnikova, I.A. Sedakova, T.V. Tsivyan (eds.) *Vostok i Zapad v balkanskoj kartine mira. Pamjati Vladimira Nikolaevicha Toporova* [East and West in the Balkan picture of the world. In memory of Vladimir Nikolaevich Toporov], Moscow, Indrik, pp. 123–131. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2019) Испанское языковое сознание как лингво-культурный феномен, *Вопросы иберо-романистики*, Выпуск 17, Москва, МАКС Пресс, с. 8–14.

Obolenskaja Yu.L. (2019) Ispanskoe jazykovoe soznanie kak lingvo-kul'turnyj fenomen [Spanish linguistic consciousness as a linguistic-cultural phenomenon], *Voprosy ibero-romanistiki*, Vypusk 17, Moscow, MAKS Press, pp. 8–14. (In Russian)

Ракуц Н.В. (2018) *Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии)*, Москва, ИЛА РАН, 264 с.

Rakuts N.V. (2018) *Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva (yuzhnoamerikanskije realii)* [Native American Culture and State Politics (South American Realities)], Moscow, ILA RAN, 264 p. (In Russian)

Рус М.У. (1996) Народы майя: пятьсот лет сопротивления, *Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики*, под ред. В.А. Тишкова, Москва, Наука, с. 69–92.

Rus M.U. (1996) Narody majja: pjat'sot let soprotivlenija [Mayan Peoples: Five Hundred Years of Resistance] in V.A. Tishkov (ed.) *Amerikanskije indejcy: novye fakty i interpretacii. Problemy indeanistiki* [American Indians: new facts and interpretations. Problems of Indian Studies], Moscow, Nauka, pp. 69–92. (In Russian)

Сапрыкина О.А. (2016) На пути к современной Бразилии: языковая ситуация в Бразилии в XVI в. в документах и свидетельствах, *Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен* под ред. Е.А. Казак, Москва, ИНИОН РАН, 116 с.

Saprykina O.A. (2016) Na puti k sovremennoi Brazilii: yazykovaya situatsiya v Brazilii v XVI v. v dokumentakh i svidetel'stvakh [On the way to Modern Brazil: the linguistic situation in Brazil in the XVI century. in documents and testimonies] in Kazak E.A. (ed.) *Yazyk v global'nom kontekste: Latinskaya Amerika segodnya kak kul'turno-yazykovoi fenomen* [Language in a global context: Latin America today as a cultural and linguistic phenomenon], Moscow, INION RAN, 116 p. (In Russian)

Степанов Г.В. (1963) *Испанский язык в странах Латинской Америки*, Москва, Изд-во литературы на иностранных языках, 204 с.

Stepanov G.V. (1963) *Ispanskij jazyk v stranah Latinskoj Ameriki* [Spanish in Latin America], Moscow, Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 204 p. (In Russian)

Степанов Г.В. (1979) *К проблеме языкового варьирования*, Москва, Наука, 328 с.

Stepanov G.V. (1979) *K probleme jazykovogo var'irovanija* [On the problem of language variation], Moscow, Nauka, 328 p. (In Russian)

Толстой Н.И. (2001) Предисловие к первому изданию, *Церковнославянский язык*, под ред. А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой, Москва, Древо добра, с. 3–6.

Tolstoy N.I. (2001) Predislovie k pervomu izdaniju [Preface to the first edition] in A.G. Kraveckij, A.A. Pletneva (eds.) *Cerkovnoslavjanskij jazyk* [Church Slavonic language], Moscow, Drevo dobra, pp. 3–6. (In Russian)

Топоров В.Н. (1998) Святость и святые в русской духовной культуре, *Т. 2. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.)*, Москва, Школа «Языки русской культуры», 864 с.

Toporov V.N. (1998) Svjatost' i svjatyje v russkoj duhovnoj kul'ture [Holiness and saints in Russian spiritual culture], *T. 2. Tri veka hristianstva na Rusi (XII–XIV vv.)* [Three centuries of Christianity in Rus' (12th — 14th centuries)], Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 865 p. (In Russian)

Трубецкой Н.С. (1960) *Основы фонологии*, Москва, Издательство иностранной литературы, 372 с.

Trubetzkoy N.S. (1960) *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 372 p. (In Russian)

Трубецкой Н.С. (1995а) Вавилонская башня и смешение языков, Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык*, Москва, Издательская группа «Прогресс-Универс», с. 327–338.

Trubetzkoy N.S. (1995a) Vavilonskaja bashnja i smeshenie jazykov [The Tower of Babel and the confusion of languages], Trubetzkoy N.S. *Istorija. Kul'tura. Jazyk* [Story. Culture. Language], Moscow, Izdatel'skaja gruppa «Progress-Univers», pp. 327–338. (In Russian)

Трубецкой Н.С. (1995b) К проблеме русского самопознания, Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык*, Москва, Издательская группа «Прогресс-Универс», с. 105–113.

Trubetzkoy N.S. (1995b) K probleme russkogo samopoznanija [On the problem of Russian self-knowledge], Trubetzkoy N.S. *Istorija. Kul'tura. Jazyk* [Story. Culture. Language], Moscow, Izdatel'skaja gruppa «Progress-Univers», pp. 105–113. (In Russian)

Холенштайн Э. (1999) Россия — страна, преодолевающая пределы Европы, *Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования*, Москва, РГГУ, с. 319–333.

Holenstein E. (1999) Rossija — strana, preodolevajushhaja predely Evropy [Russia is a country transcending the limits of Europe], *Jakobson R. Teksty, dokumenty, issledovanija* [Jacobson R. Texts, documents, research], Moscow, RGGU, pp. 319–333. (In Russian)

Цивьян Т.В. (1979) *Синтаксическая структура балканского языкового союза*, Москва, Наука, 301 с.

Tsivyan T.V. (1979) *Sintaksicheskaja struktura balkanskogo jazykovogo sojuza* [Syntactic structure of the Balkan language union], Moscow, Nauka, 301 p. (In Russian)

Цивьян Т.В. (1990) *Лингвистические основы балканской модели мира*, Москва, Наука, 210 с.

Tsivyan T.V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira* [Linguistic foundations of the Balkan model of the world], Moscow, Nauka, 210 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2001) Европа и Латинская Америка: *Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*, Москва, Наука, 391 с.

Shemyakin Ya.G. (2001) Evropa i Latinskaja Amerika: *Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vsemirnoj istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History], Moscow, Nauka, 391 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2014) К вопросу о методологии цивилизационных исследований, *Цивилизации*, Вып. 9, Цивилизация как идея и исследовательская практика, Москва, Наука, с. 27–57.

Shemyakin Ya.G. (2014) K voprosu o metodologii civilizacionnyh issledovanij [On the issue of the methodology of civilizational studies], *Civilizacii*, Vyp. 9, Civilizacija kak ideja i issledovatel'skaja praktika [Civilization as an idea and research practice], Moscow, Nauka, pp. 27–57. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2017) Идентичность цивилизационного «пограничья», *Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха* под ред. О.В. Волосюк, К. Камареро Буйон, Т.Б. Коваль, Е.Э. Юрчик, Москва, Международные отношения, с. 295–302.

Shemyakin Ya.G. (2017) Identichnost' civilizacionnogo «pogranich'ja» [Identity of the civilizational «borderland»], in O.V. Volosyuk, C. Camarero Bullon, T.B. Koval, E.E. Yurchik (eds.) *Ispanija i Rossija: istoricheskie sud'by i sovremennaja jepoha* [Spain and Russia: historical destinies and the modern era], Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, pp. 295–302. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2018a) Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей, *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*, Москва, Аквилон, с. 12–48.

Shemyakin Ya.G. (2018a) Global'noe, universal'noe, lokal'noe: sootnoshenie ponjatij i sootnoshenie real'nostej [Global, universal, local: the relationship of concepts and the relationship of realities], *Civilizacionnyye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoy perspective* [Civilization challenges in a world-historical perspective], Moscow, Akvilon, pp. 12–48. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2018b) Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности, *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*, Москва, Аквилон, с. 348–402.

Shemyakin Ya.G. (2018b) Konflikt interesov i konflikt cennostej. Migracionnaja problematika v kontekste problemy civilizacionnoj identichnosti [Conflict of interests and conflict of values. Migration issues in the context of the problem of civilizational identity], *Civilizacionnyye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoy perspective* [Civilization challenges in a world-historical perspective], Moscow, Akvilon, pp. 348–402. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2019) Язык как фактор обеспечения целостности цивилизационной системы. Опыт ибероамериканского социокультурного «пограничья» в сравнительно-историческом контексте, *Вопросы Иберо-романистики*, Вып. 17, Москва, МАКС Пресс, с. 114–128.

Shemyakin Ya.G. (2019) Jazyk kak faktor obespechenija celostnosti civilizacionnoj sistemy. Opyt iberoamerikanskogo sociokul'turnogo «pogranich'ja» v sravnitel'no-istoricheskom kontekste [Language as a factor in ensuring the integrity of the civilizational system. The experience of the Ibero-American sociocultural «borderland» in a comparative historical context], *Voprosy Ibero-romanistiki*, Vyp. 17, Moscow, MAKS Press, pp. 114–128. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2021) Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте, *Цивилизации*, Вып. 12, Трансферы в истории и теории цивилизаций, Москва, Наука, с. 137–184.

Shemyakin Ya.G. (2021) Kul'turnyj transfer kak vzaimodejstvie identichnostej: opyt razlichnyh civilizacionnyh tipov v universal'nom kontekste [Cultural transfer as an interaction of identities: the experience of various civilizational types in a universal context], *Civilizacii*, Vyp. 12, Transfery v istorii i teorii civilizacij [Transfers in the history and theory of civilizations], Moscow, Nauka, pp. 137–184. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Ибероамериканские тетради*, № 1, с. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67>

Shemyakin Ya.G. (2023) «Velikie geograficheskie otkrytija»: smysl i istoricheskoe sodержание termina v svete opyta vzaimodejstvija civilizacij v Novom Svete [“Great geographical discoveries”: the meaning and historical content of the term in the light of the experience of interaction of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67> (In Russian)

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2009а) Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки, Часть 1, *Латинская Америка*, № 9, с. 4–20.

Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2009a) Puti i uslovija dostizhenija celostnosti civilizacionnoj sistemy. Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoj Ameriki [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational system. Comparison of the historical experience of Russia and Latin America], Chast' 1, *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 4–20. (In Russian)

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2009b) Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки, Часть 2, *Латинская Америка*, № 10, с. 82–101.

Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2009b) Puti i uslovija dostizhenija celostnosti civilizacionnoj sistemy. Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoj Ameriki [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational system. Comparison of the historical experience of Russia and Latin America], Chast' 2, *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 82–101. (In Russian)

Якобсон Р.О. (1931) *К характеристике евразийского языкового союза*, Париж, Издание евразийцев, 60 с.

Jakobson R.O. (1931) *K harakteristike evrazijskogo jazykovogo sojuza* [On the characteristics of the Eurasian linguistic union], Paris, Izdanie evrazijcev, 60 p. (In Russian)

Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков, этнографов и археологов

© Калюта А.В., 2023

Анастасия Валерьевна Калюта, канд. ист. наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская улица, д. 7

ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Аннотация. Научные подходы российских ученых к изучению общественно-политического строя и государственности науа претерпели значительную эволюцию, начиная с анализа первых сведений, проникших в Россию в середине XVIII в., до теоретических положений начала XXI в. Общественный строй науа, крупнейшей этнической общности Мезоамерики накануне прихода испанских конкистадоров во главе с Эрнаном Кортесом, и характер созданных ими государственных образований, в первую очередь так называемой «ацтекской империи», союза Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана — трех городов-государств долины Мехико — были и остаются предметом дискуссий российских историков, специализирующихся на исследовании доколумбовых цивилизаций Америки с начала XVIII в. Именно в этот период отрывочные и противоречивые сведения о доиспанском прошлом Мексики и Центральной

Америки стали распространяться в отечественной исторической науке. На протяжении трех прошедших веков «ацтекскую империю» рассматривали то как феодальную монархию, аналогичную Священной Римской империи, то как деспотию, сходную с державами Древнего Востока, то как конфедерацию первобытных племен, не достигших уровня государства. Автор поставил задачу выявления тех факторов, которые в каждом конкретном случае влияли на позицию исследователя. Эти факторы включали в себя общий уровень знания исследователем иностранных языков, в первую очередь классического науатля (ацтекского языка XVI–XVII вв.) и испанского, на которых написаны почти все необходимые первоисточники, теоретические взгляды исследователя на процесс социальной эволюции и формирование государственности, а также качество материалов, используемых в качестве источников. Рассмотренные в статье отечественные публикации середины XVIII – начала XXI в., посвященные общественному строю науа накануне испанского завоевания, свидетельствуют об отсутствии у большинства российских авторов достаточного знания языков первоисточников, а использование неточных публикаций на французском, английском и немецком языках приводило к многочисленным фактическими ошибкам. По мнению автора, негативное влияние на изучение общества науа оказал догматический подход в рамках марксистской идеологии, применявшийся в советский период, что породило ложные выводы об уровне общественного развития науа к моменту испанского завоевания.

Ключевые слова: Общественный строй науа, ацтекская «империя», мезоамериканские исследования в России, политогенез в доколумбовой Америке

Для цитирования: Калюта А.В. (2023) Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков, этнографов и археологов. *Иberoамериканские тетради*. № 4. С. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 62–87
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

UDC 94:327+930

Recibido 17.10.2023.
Revisado 15.11.2023.
Aceptado 03.12.2023.

«El imperio azteca» y organización socio-política de los nahuas prehispánicos en las obras de historiadores, etnólogos y antropólogos rusos

© Kalyuta A.V., 2023

Anastasia V. Kalyuta, PhD (Historia), Investigadora del Instituto de Historia de Academia de Ciencias de Rusia de San Petersburgo.

197110, Rusia, San Petersburgo, calle Petrozavodskaya, 7

ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Resumen. El artículo se enfoca en los planteamientos de investigadores rusos hacia los estados nahuas del Altiplano Central en perspectiva cronológica desde los mediados del siglo XVIII hasta los principios del siglo XXI. A partir del siglo XVIII, cuando la información fragmentaria y contradictoria sobre el pasado prehispánico de México comenzó a circular en Rusia, la organización social de los nahuas, quienes constituían la etnia más grande de Mesoamérica en vísperas de la Conquista, así como la estructura del «imperio azteca», es decir, la Triple Alianza, confederación de tres ciudades-estados de la Cuenca de México (Tenochtitlan, Texcoco y Tlacopan) han sido objeto de debates de los historiadores rusos que se especializan en estudios de civilizaciones prehispánicas de Américas. A lo largo de tres siglos el Imperio azteca se retrató bien como una monarquía feudal análogo del Sacro Imperio Romano Germánico, bien como un estado despótico semejante a los reinos antiguos del Oriente, bien como una confederación de tribus primitivas que no alcanzaron el nivel de poder formar un estado. El objetivo principal de la autora es detectar los factores que en cada caso influyeron sobre la visión del investigador. Estos factores incluyen el nivel de dominio de náhuatl clásico de los siglos XVI–XVII y de castellano, ya que la mayoría de fuentes de suma importancia para estudios de la estructura social de la sociedad náhuatl prehispánica existía en estos dos idiomas, conocimientos teóricos sobre los procesos de la evolución social y la formación del estado, así como la calidad de fuentes utilizadas. Las publicaciones de los investigadores rusos desde los mediados del siglo XVIII

han demostrado la ausencia de conocimientos lingüísticos necesarios para leer e interpretar adecuadamente las fuentes primarias. El uso abusivo de traducciones abreviadas e incorrectas en francés, inglés y alemán también causó numerosos errores. Además, según la autora, la ideología marxista influyó negativamente en los estudios de la sociedad náhuatl prehispánica en el período soviético y dio origen a ciertas conclusiones falsas sobre el nivel de desarrollo de la sociedad nahuatl prehispánica.

Palabras clave: organización social de los nahuas, «el imperio azteca», estudios mesoamericanos en Rusia, origen de estado en América prehispánica

Para citar: Kalyuta A.V. (2023) «El imperio azteca» y organización socio-política de los nahuas prehispánicos en las obras de historiadores, etnólogos y antropólogos rusos, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 62–87
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

UDC 94:327+930

Received 17.10.2023.
Revised 15.11.2023.
Accepted 03.12.2023.

The «Aztec Empire» and Nahua (Aztec) Socio-Political Organization Through the Eyes of Russian Historians, Ethnologists and Archeologists

© Kalyuta A.V., 2023

Anastasia V. Kalyuta, PhD (History), Research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
197110, Russia, Saint Petersburg, Petrozavodskaya street, 7
ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Abstract. The article examines scientific approaches of Russian scholars to studies of Aztec state in the middle 18th – early 21st centuries. Since the 18th century when fragmentary and contradictory information about Prehispanic past of Mexico and Central America started to circulate in Russian historical science, social organization of Nahuas, i.e. the largest ethnic group of Mesoamerica on the eve of the Spanish conquest, and the character of their political entities, particularly the Aztec «empire» union of three city-states in the Basin of Mexico (Tenochtitlan, Tetzcoaco and Tlacopan) have been subjects of debate among Russian historians that specialize in studies of Pre-Columbian civilizations of the Americas. Over the last three centuries the «Aztec empire» was portrayed either as a feudal monarchy analogous to the Holy Roman Empire, or as a despotic state similar to the kingdoms of the Middle East, or as a confederation of primitive tribes that failed to establish their own state. The main objective of the author was to elucidate

the factors that influenced scholar's vision in each specific case. These factors included general knowledge of foreign languages, particularly Classical Nahuatl and Spanish, for most of primary sources for the study of the Prehispanic Nahua social organization were written in these languages, scholars' theoretical approaches to social evolution and state-building, as well as the quality of materials used as sources of information. The works of Russian historians about Prehispanic Nahua social organization published in the middle 18th – early 21st centuries reveal that most authors lacked the necessary knowledge of primary sources' languages, with excessive use of imprecise publications in French, English and German also bringing about numerous mistakes. According to the author, the Marxist ideology dominant in the Soviet period had negative influence on studies of the Prehispanic Nahuatl society, which led to false conclusions about the level of social development of the Prehispanic Nahuas on the eve of the Spanish Conquest.

Keywords: Nahua social organization, the «Aztec empire», Mesoamerican studies in Russia, politogenesis in Pre-Colombian America

For citation: Kalyuta A.V. (2023) The «Aztec Empire» and Nahua (Aztec) Socio-Political Organization Through the Eyes of Russian Historians, Ethnologists and Archeologists, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Предыстория исследований «ацтекской империи» и общества науа в России

О существовании науа, в первую очередь ацтеков, в Московской Руси узнали удивительно рано и буквально по горячим следам. В 1523 г. появился русский перевод послания «О Молуккских островах» («De Moluccis Insulis», 1523) Максимилиана Трансильвана (Maximilianus Transylvanus, ок. 1490–1538), секретаря императора Священной Римской империи и короля Испании Карла V (Carlos I de España y V del Sacro Imperio Romano Germánico, 1516–1556, 1520–1558), в котором весьма кратко сообщалось и о завоевании Эрнандо Кортесом (Hernán Cortés, 1485–1547) «ацтекской империи», как называли объединение трех городов-государств долины Мехико: Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. Их населяли три этнические группы науа: ацтеки (мешика), аколукте и тепанека. В исторических источниках на языке науатль (ацтекском) это объединение также известно как Эшкан Тлатоуян — «власть в трех частях», что в сложившейся исторической традиции принято переводить как Тройственный союз. К 1519 г. гегемония в Тройственном союзе принадлежала ацтекам — жителям островного города Теночтитлан. В русском переводе сообщение М. Трансильвана выглядит следующим образом: «И сице соглашено бысть, яко испанским убо присно на запад плавати идее же землю бесконечну и пространнейшу и острова превелии и неудоб исчисляемы златом и бисеры иными имении богатящихся, а ныне паки напоследок величайшии град, Те-

ноктик нарицанием, по подобию Венеции в некоем озере создан, обретося. О сем граде велика и многа и истинна Петр Мученик списана оставил есть...» [Казакова, Катушкина, 1968: 241].

Петр Мученик, упомянутый в данном сообщении, — это дословный перевод имени Пьетро Мартире д'Ангьера (Pietro Martire d'Anghiera, 1457–1526), уроженца Ломбардии и первого хрониста (историографа) Америки при дворе «католических королей» Изабеллы Кастильской (Isabel I de Castilla, 1474–1504) и Фердинанда Арагонского (Fernando II de Aragón, 1479–1516) и их внука Карла I. В работе д'Ангьера «Декады о Новом Свете» («De Orbe Novo Decades», 1511–1530) подробно излагается история завоевания «ацтекской империи» Эрнандо Кортесом [Martir de Angleria, 1989: 270–277, 292–299, 302–349]. Однако интерес к владениям испанцев в Америке в России пробудился в России лишь при Петре I и диктовался прагматическими соображениями

Портрет Монтесумы II (Мотекусома Шокойоцина), частная коллекция. Последний «император» ацтеков (1502–1520)

Карта Тройственного союза (Теночтитлана, Тескоко, Тлакопана) в 1519 г.

поиска новых торговых партнеров и источников обогащения для России, сильно истощенной Северной войной. Петр и его наследники также заботились о просвещении народа. В 1728 г. вышел в свет первый научно-просветительский журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», издававшийся Академией наук и художеств, который рассказывал читателям о знаменательных событиях прошлого и дальних странах. В 1729 г. в журнале был опубликован пространный очерк «История мореплавания к западным странам», где излагалась история завоевания «ацтекской империи» и приводились некоторые подробности ее общественной организации и повседневной жизни. В очерке особо отмечалась многолюдность этой «империи» ко времени прихода испанских конкистадоров в 1519 г.: «Мексико¹ было в те времена зело велики город, в котором 60000 домов имелось, а в каждом доме жили 2, 4, и до 6 фамилий, из чего рассуждать можно, что сей город

¹ Имеется в виду столица «империи», островной город Теночтитлан. — Прим. авт.

неисчислимым числом жителей наполнен был... Таких великих городов во владении одного Монтезума² 100...» [История мореплавания..., 1729: 123].

«Примечания к ведомостям» рисовали картину могущественного и густонаселенного государства с многочисленными «великими городами», правда, при этом отмечалась его технологическая отсталость. Кортес так легко покорил его, потому что, как говорилось в очерке, местные жители «ни пороха, ни свинца не вида-ли» [История мореплавания..., 1729:

Воссозданный художником Х. Томом Холлом образ столицы ацтеков

121]. Тем не менее тема истории и общественного строя науа по-прежнему не была в числе приоритетов зарождающейся российской исторической науки, ориентировавшейся прежде всего на изучение собственного прошлого. Знание испанского языка среди российских ученых тогда было большой редкостью. Кроме того, отечественные исследователи не владели классическим науатлем, т.е. языком науа долины Мехико первой четверти XVI – середины XVII в., на котором написано большое количество важнейших первоисточников. Поэтому приходилось ориентироваться на их переводы на немецкий и французский языки, которые тогда были для ученых основными языками науки наряду с латынью. Так, в 1789 г. переводчик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге Василий Лебедев перевел на русский язык с немецкого работу испанского поэта, драматурга и официального хрониста Индий Антонио де Солиса-и-Риваденейры (Antonio de Solís y Rivadeneyra, 1610–1686) «История завоевания Мексики, населения и развития Северной Америки, известной под названием Новая Испания» («Historia de la conquista de México, población y progresos de la América Septentrional, conocida por el nombre de Nueva España», 1684) [Фанштейн, 2005: 90]. В переводе Лебедева произведение Солиса получило название «История о покорении Мексики». К сожалению, хроника Антонио де Солиса — это очень поздний, компилятивный и тенденциозный по своему характеру труд, впервые опубликованный в 1684 г. и, на наш взгляд, вполне заслуживающий негативной характеристики, которую дал ему в статье «Мексика» французский философ-просветитель Луи де Жокур в знаменитой Энциклопедии 1751–1772 гг.: «Я не советую никому судить о завоевании [Мексики] испанцами

² Правитель ацтеков в момент испанского завоевания Мотекусома Шокойоцин. — Прим. авт.

на основе записок Антонио де Солиса»³. Тем не менее работа А. Солиса в конце XVIII в. была единственной хроникой о завоевании «ацтекской империи», переведенной на русский язык и доступной даже читателю, не владевшему иностранными языками. В хронике А. Солиса «ацтекская империя» была представлена как феодальная монархия. Мотекусома Шоквойоцин был изображен как деспот, наделенный неограниченной властью и безжалостно угнетавший своих подданных [Solís y Rivadeneyra, 1885: 122]. В глазах А. Солиса конкистадоры во главе с Эрнаном Кортесом были орудием Божественного Провидения, покаравшего тирана за его многочисленные грехи [Solís y Rivadeneyra, 1885: 122].

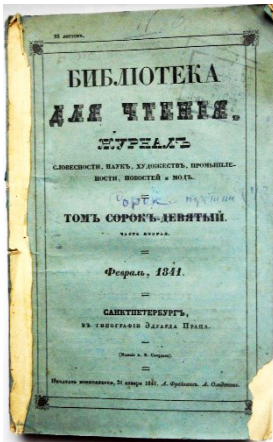
Испанские конкистадоры во главе с Эрнаном Кортесом, осаждающие Теночтитлан в 1521 г.

Неизвестный художник XVII в.

«Ацтекская империя» и общество науа в российской историографии первой половины XIX – начала XX в.

В первой половине XIX в. в России возрос интерес к Латинской Америке, в том числе и к Мексике, в силу охватившего большинство испанских колоний движения за независимость от метрополии и последовавшего за ним стремительного образования новых государств. Однако в том, что касается характера публикаций, посвященных истории «ацтекской империи», никаких принципиальных изменений не произошло. Все они носили не исследовательский, а научно-просветительский характер и по-прежнему были основаны на переводах иностранных сочинений, в том числе исторических хроник XVII–XVIII в., написанных в вице-королевстве Новая Испания, созданном завоевателями в 1535 г. на территории Мексики, причем по-прежнему не с языка оригинала, а с французского, немецкого и английского. В 1841 г. в журнале «Библиотека для чтения» был опубликован анонимный исторический очерк «Ихтлильхочитль». Он представлял собой вольный и сокращенный пересказ 13-го Сообщения хрониста, метиса XVII в.

³ Jaucourt L. de. Mexico. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. 10, Paris. André Le Breton. 1765. P. 482.

Библиотека для
чтения, 1841 г.

Эрнандо Альвы Иштлилшочитля (Fernando de Alva Ixtlilxóchitl, ок. 1568–1648) в редакции влиятельного мексиканского историка начала XIX в. Карлоса Марии Бустаманте с обличительным названием, данным ему редактором: «Чудовищные жестокости завоевателей Мексики и индейцев, которые помогали подчинить эту империю испанской короне» («Horribles crueldades de los conquistadores de México y los indios que los auxiliaron, para subyugarlo a la corona de Castilla, ó sea, Memoria escrita por D. Fernando de Ixtlilxochitl», 1829). К сожалению, опубликованный в «Библиотеке для чтения» текст был основан не на первоначальной испанской публикации Бустаманте, а на ее французском переводе [Ихтлильхочитль, 1841: 55]. Тем не менее это был первый подробный очерк о государствах науа и их завоевании испанцами, основанный на рабо-

те крупнейшего мексиканского хрониста колониального периода, который описывал события 1519–1521 гг. с позиции побежденных. При этом «ацтекская империя» по-прежнему рисовалась как феодальное государство во главе с наделенным почти абсолютной властью монархом.

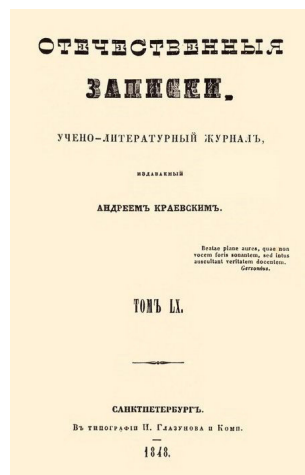
В 1846 г. в 9-м и 10-м номерах журнала «Москвитянин» в разделе «Науки» появилась статья «Древняя образованность мексиканцев», в которой достаточно подробно излагалась история возникновения и экспансии «ацтекской империи», а также описывались общественный строй, судебная система, религия и культура науа накануне испанского завоевания [Лихонин, 1846: 81–144]. В статье говорилось о создании Тройственного союза Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана и о его активной завоевательной политике [Лихонин, 1846: 88–91]. «Ацтекская империя» вновь описывалась как выборная монархия, подобная Священной Римской империи германской нации, и в общественном строе науа отмечались черты, сходные с феодальной системой средневековой Западной Европы [Лихонин, 1846: 92–95]. Они заключались в пожаловании земель представителям знати в обмен на обязанность нести военную службу и являться с «вооруженными вассалами» (так и сказано в тексте) на войну либо в награду за наблюдение за именными правителей и придворную службу [Лихонин, 1846: 95]. Также в статье утверждалось, что «правительства Анагуака⁴, по свойству своему деспотические, были перемешаны со многими ограничениями, вовсе неизвестными восточным» [Лихонин, 1846: 95]. Как и предыдущие примеры, этот очерк является не самостоятельным исследованием отечественного автора,

⁴ Древнее название Центральной Мексики. — Прим. авт.

а вольным переводом первой части фундаментальной работы американского историка Вильяма Хиклинга Прескотта «История завоевания Мексики с предварительным обзором ацтекской цивилизации и жизнью завоевателя Эрнандо Кортеса» [Prescott, 1843: 1]. Прескотт был первым историком, который стал ошибочно употреблять этноним «ацтеки» по отношению ко всем группам науа, и его книга, впервые вышедшая в свет в 1843 г., была почти сразу же переведена на несколько европейских языков. Очерк, опубликованный в «Москвитянине», был, по сути, выжимкой из вступительной части работы В.Х. Прескотта, переведенной не с языка оригинала (в данном случае английского), а с французского сотрудником журнала Михаилом Николаевичем Лихониным.

В 1848 г. в № 1–9 журнала «Отечественные записки» был опубликован первый русский перевод книги В.Х. Прескотта, более близкий к оригиналу, с указанием названия работы, впрочем, сильно искаженного, и имени автора [Прескотт, 1848]. В нем также выражался взгляд автора на ацтекскую «империю» как выборную монархию с элементами общественного строя, напоминающими средневековую феодальную Европу, прежде всего земельными пожалованиями за военную службу [Прескотт, 1848: 9–10]. Книга В.Х. Прескотта имела в России большой успех и в 1886 г. была опубликована на русском языке под названием «Завоевание Мексики Фердинандом Кортесом», хотя вновь со значительными сокращениями [Прескотт, 1886].

Специальных самостоятельных отечественных работ, посвященных общественно-политическому строю науа, в отечественной историографии по-прежнему не появлялось. Возможно, в XX в. российские историки продолжали бы считать Тройственный союз выборной монархией с элементами феодализма. Однако в 1877 г. американский юрист и фактический основатель социальной антропологии Льюис Генри Морган опубликовал работу «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации», в которой изложил свой взгляд на социальную эволюцию человечества, прошедшего через стадии дикости, варварства и цивилизации. В каждой из этих стадий Л.Г. Морган выделил три основных фазы: 1) низшая; 2) средняя; 3) высшая. Надо сказать, что Л.Г. Морган не знал испанского языка и классического науатля, поэтому все источники, касающиеся общественно-политического строя науа, для него переводил на английский язык его ученик и последователь американский антрополог и археолог швейцарского происхождения Адольф Бандельер. К тому же Морган использовал крайне узкий круг источников, большая часть которых относилась уже к XVII–XVIII вв., и интерпретировал их весь-

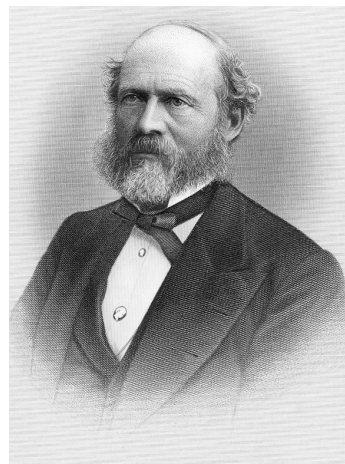

*Отечественные записки,
1848 г.*

ма тенденциозно. В полемическом запале он не оставил от государственности науа камня на камне. Одним из его аргументов был низкий уровень технологического развития общества науа накануне испанского завоевания. Приведем несколько цитат из «Древнего общества...» в русском издании 1934 г.: «Ацтеки и конфедерированные с ними племена не знали железа и, следовательно, не имели железных орудий; у них не было денег, и они вели меновой торг товарами; но они обрабатывали самородные металлы, занимались земледелием при помощи орошения, изготовляли грубые хлопчатобумажные ткани, строили общинные дома из необожженного кирпича и камня и выделывали глиняные изделия превосходного качества. Они достигли таким образом средней ступени варварства. Их земли были еще в коллективном владении, они жили большими домохозяйствами, состоявшими из нескольких родственных семейств; имеются положительные основания считать, что в этих домохозяйствах господствовал коммунизм» [Морган, 1934: 109–110].

Далее Морган поясняет: «Вместе с оседлыми индейцами других частей Мексики и Центральной Америки, а равно и Перу, ацтеки представляют наилучшую иллюстрацию данного состояния древнего общества. <...> «Королевство Мексико», как его называют ранние исторические описания, и «империя Мексико» позднейших описаний представляет собой продукт воображения. В свое время, за отсутствием правильных сведений об учреждениях ацтеков, еще было некое кажущееся основание для того, чтоб представлять их общественный строй в виде монархии, но поддерживать дальше это заблуждение не приходится. То, что нашли испанцы, было простой конфедерацией трех индейских племен, аналогии которой существовали во всех частях континента, и в своих описаниях у них не было никакого основания перейти хотя бы на шаг за пределы этого единственного факта. Управление находилось в руках совета вождей совместно с высшим начальником военных отрядов. Это было правление двух властей; гражданскую представлял совет, военную — высший военный вождь. Поскольку учреждения конфедерированных племен были в основе демократическими, этот общественный строй, если необходимо более специальное определение, чем конфедерация, можно назвать военной демократией» [Морган, 1934: 110–111].

Так с уровня империи Тройственный союз был низведен на уровень конфедерации племен, находившихся на средней ступени варварства. В довершение всего в 1884 г. Фридрих Энгельс опубликовал работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями

*Льюис Генри Морган
(1818–1881),
американский этнолог,
основатель социальной
антропологии*

Льюиса Г. Моргана», в ней он дал всем высоким цивилизациям Мезоамерики и Андского региона, а также индейцам пуэбло следующую характеристику: «Напротив, индейцы, относящиеся к так называемым пуэбло в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы находились ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из адобов или камня, выращивали в искусственно орошаемых огородах маис и другие — различные, в зависимости от местоположения и климата, — съедобные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы — индюка и других птиц, перуанцы — ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, но за исключением железа, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие» [Энгельс, 1937: 33–34].

В дореволюционной России в конце XIX – начале XX в. противоречия во взглядах зарубежных исследователей на общественный строй науа отразились в первую очередь в статьях, помещенных в энциклопедических словарях. Статья «Астеки», опубликованная в 1890 г. в первом томе «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», исторический раздел которого редактировался видным российским историком-эллинистом Н.И. Кареевым, также представляла собой краткий пересказ работы Прескотта с дополнительными ссылками на крупнейших авторов XVI–XVIII вв.: Бернардино де Саагуна, Франсиско Хавьера Клавихеро и Мариано Фернандеса де Эчеверриа-и-Вейтия, а также более поздние труды европейских и американских авторов середины и второй половины XIX века⁵. В статье вновь утверждалось, что общество науа накануне испанского завоевания достигло уровня феодальной монархии с выборным королем во главе и сословным делением на дворянство, купечество, свободных крестьян и рабов.

В другом не менее известном справочнике начала XX в. «Энциклопедическом словаре Гранат» статья «Ацтеки», написанная польским социологом и пропагандистом марксизма Людвигом Крживицким, полностью соответствовала позиции Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса. Крживицкий без всяких сомнений заявлял, что уровень социального, культурного и политического развития ацтеков соответствовал уровню индейцев пуэбло, не имевших частной собственности и не знавших ни социального неравенства, ни государства⁶. Тем не менее в том же издании в статье «Америка» (антропология

⁵ Астеки. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Под редакцией И.Е. Андреевского. Т. 2. Санкт-Петербург, Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона. 1890. С. 335–337.

⁶ Крживицкий Л. Ацтеки. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 4. Санкт-Петербург. Главная контора товарищества Братья А. и И. Гранат и К. 1912. С. 356–357.

и этнография) выдающегося русского этнографа, археолога и антрополога Дмитрия Николаевича Анучина говорится об «империи ацтеков, представлявшей союз нескольких государств»⁷.

Исследования общества науа в советский и постсоветский периоды

После 1917 г. труды Л.Г. Моргана, К. Маркса и Ф. Энгельса были возведены в ранг книг, в которых ни одно слово не подлежало сомнению. Однако противоположная ранее господствовавшей трактовке интерпретация Моргана и Энгельса дала советским ученым толчок к развитию самостоятельных исследований ацтекского общества на основе размышления над текстами классиков марксизма. Одной из любопытных работ стал неопубликованный очерк «Центральная и Южная Америка» (1939) молодого ученого-археолога Алексея Владимировича Мачинского (1910–1942). Этот очерк предназначался для серии «Очерки по этнографии народов зарубежных стран», задуманной еще до начала Великой Отечественной войны, и более 60 страниц в нем уделено именно науа. Исследователь попытался осмыслить данные письменных источников XVI–XVII вв. и пришел к выводу о явно более высоком уровне развития общества науа накануне испанского завоевания, чем средняя стадия варварства. Следует отметить, что общий уровень его филологической подготовки явно не соответствовал поставленной задаче дать подробный и хорошо фундированный очерк развития общества науа от основания Теночтитлана до испанского завоевания. О крайне слабом знании, точнее, незнании Мачинским двух основных языков, необходимых для анализа весьма обширного корпуса текстов — испанского и классического науатля, свидетельствует тот факт, что в списке литературы из 10 наименований приводятся только два испанских источника на языке оригинала: хроника конкистадора Берналя Диаса дель Кастильо (Bernal Díaz del Castillo, 1496–1584) «Правдивая история завоевания Новой Испании» («Historia verdadera de la conquista de la Nueva España», 1632) и «Всеобщая история вещей Новой Испании» («Historia general de las cosas de Nueva España») францисканского миссионера Бернардино де Саагуна (Bernardino de Sahagún, ок. 1499–1590) [Мачинский, 1939: 116]. Более того, Мачинский так и не смог отличить наименования языка науатль (нахуатль) от наименования этнической общности. «Среди индейских народностей и племен современной Мексики самыми многочисленными являются ацтеки или нахуатль», — заявляет он на первых же страницах своего очерка [Мачинский, 1939: 87]. К тому же даже эти два первоисточника даны в сокращенных изданиях. Хронику Берналя Диаса А.В. Мачинский цитирует по неполному мадридскому изданию в серии «Би-

⁷ Анучин Д.Н. Америка (антропология и этнография). Энциклопедический словарь Гранат. Т. 2. Москва. Главная контора товарищества Братья А. и И. Гранат и К. 1910. С. 448.

блиотека испанских авторов» 1862 г., а «Всеобщую историю вещей Новой Испании» Б. де Саагуна — по упомянутому выше изданию этого памятника мексиканским историком Карлосом Марией Бустаманте 1829 г. [Мачинский, 1939: 116–177]. Стоит отметить, что Бустаманте не включил в это издание параллельную версию текста на языке науатль, которая весьма существенно расходится с испанской версией. Еще один из основных источников сведений об общественном строе науа до Конкисты «Сообщение о сеньорах Новой Испании» («Breve y sumaria relación de los señores de la Nueva España», 1553) испанского судьи Алонсо де Сориты (Alonso de Zorita, ок. 1512–1585) А.В. Мачинский дает в весьма неточном переводе французского историка середины XIX в. Анри Терно-Компа, изданном в серии «Путешествия, сообщения и подлинные воспоминания для изучения истории Америки» в 1840 г. Правда, говоря о различных интерпретациях общественного строя ацтеков до испанского завоевания, Мачинский упоминает работы В.Х. Прескотта, Ш.Э. Брассёра де Бурбура, а также выдающегося немецкого путешественника и ученого энциклопедиста Александра фон Гумбольдта, но даже не приводит их в своем весьма кратком списке литературы.

Тем не менее очерк Мачинского представляет несомненный историографический интерес как попытка примирить позицию Л.Г. Моргана, К. Маркса и Ф. Энгельса об эгалитарном строе общества науа к моменту испанского завоевания со свидетельствами письменных источников, явно противоречащими этому категоричному утверждению. Более того, очерк Мачинского стал основой для третьей главы «Коренное население Мексики до испанского завоевания», написанной Юрием Валентиновичем Кнорозовым, Ростиславом Васильевичем Кинжаловым и Ириной Федоровной Хорошаевой для второго тома издания «Народы Америки», вышедшего в 1959 г. В своем довоенном очерке А.В. Мачинский определяет науа как этническую общность, достигшую наивысшего культурного развития ко времени испанского завоевания наряду с майя, кечуа и аймара. Чтобы примирить это утверждение с категоричными выводами Л.Г. Моргана и классиков марксизма, А.В. Мачинский нашел весьма оригинальный выход. Он уточняет, что в первой четверти XVI в. науа были еще не единым этносом, а группой племен, находившихся на разных стадиях общественного развития. Он пишет: «Ко времени завоевания Мексики испанцами общественный строй у отдельных племен ацтеков был очень различен. Если у некоторых, как, например, у тласкаланцев, в значительной мере еще сохранялся родовой

А.В. Мачинский (1910–1942),
советский археолог и этнограф

строй, то у других, как, например, в Теночтитлане, у ацтеков в узком смысле слова, разложение родового строя зашло к этому времени очень далеко» [Мачинский, 1939: 100].

Этим же различиями исследователь объясняет и противоречия в описании общественного строя науа, имеющиеся в исторических источниках XVI–XVII вв. Следуя эволюционистскому подходу, Мачинский старается представить картину постепенного разложения родового строя науа, в первую очередь ацтеков, хотя он упорно избегает употребления термина «государство» по отношению к описываемым им реалиям. Однако это заявление о поступательном развитии вступает в явное противоречие с излагаемыми им же фактами. В начале своего очерка Мачинский говорит о родовом строе у ацтеков в XIII в. Затем он указывает 1364 г., со ссылкой на предания ацтеков, как на дату основания Теночтитлана [Мачинский, 1939: 90]. Если учесть, что, по его словам, процесс эволюции ацтекского общества был прерван в результате испанского завоевания 1519–1521 гг., то перед нами уникальный случай необычайно быстрого развития изолированного от Старого Света социума, который всего за 155 лет прошел путь от родового строя к обществу с выраженным имущественным и социальным неравенством, объединившему к тому же под своей властью почти всю Центральную Мексику и часть территорий на берегах Тихого океана и Мексиканского залива. А.В. Мачинский заявляет, что к началу XVI в. у жителей Теночтитлана уже сложились сельские общины, т.е. коллективы, члены которых не являются кровными родственниками и связаны между собой исключительно общим проживанием, коллективной собственностью на землю и общими обязательствами взаимопомощи. Более того, он поясняет в своем очерке: «Развитие меновой торговли, возникновение рабства и вслед за тем имущественного неравенства вело к разложению родового строя, к усилению власти вождя с тенденцией к превращению ее в деспотическую, к возникновению частной собственности на землю, к выделению с одной стороны зажиточной части населения, а с другой стороны, правда, еще незначительного слоя людей, лишенных собственных земельных участков. Одновременно с этим, в уже сложившемся государстве, подавляющее большинство покоренных племен сохранило еще родовой строй» [Мачинский, 1939: 107].

Рассматривая обычное право науа, Мачинский прямо говорит о тюрьме для преступников, которой, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, не существует в доклассовых обществах [Мачинский, 1939: 110]. Он также указывает на наследственный характер власти «верховного вождя», условность его выборов, превратившихся в формальность, и наличие административного аппарата для управления покоренными «племенами» [Мачинский, 1939: 106–107]. Мачинский пишет и о системе эксплуатации покоренных общин, обязанных не только платить дань Теночтитлану, но и обрабатывать земли для его «вождя» [Мачинский, 1939: 107]. В целом картина, нарисованная им,

соответствует ранним государствам Древнего Востока, и, похоже, только самоцензура не позволила Мачинскому поставить ацтекское общество в один ряд с раннединастическим Шумером и Египтом эпохи Древнего Царства.

Таблица 21.—Толтекские памятники.

Вверху: фреска из храма земледелия (Теотиуакан), изображающая людей, принимающих участие в жертвоприношении. *Второй ряд:* реконструкция комплекса религиозных зданий, окружающих Пирамиду солнца. *Третий ряд:* культовые вазы, Теотиуакан II, одна — с эмалевой «малью»; другая — с росписью, изображающей бабочку; лощеная красная ваза Теотиуакан V с упрощенным узором. *Нижний ряд:* статуэтки, отражающие пять стадий развития толтекского искусства. Две последние фигурки формованы.

Тольтекские памятники. Дж. Вайян. «История ацтеков» (1949)

В 1949 г. в Советском Союзе вышла книга выдающегося американского археолога Джорджа Клаппа Вайяна (1901–1945) «Ацтеки Мексики», которая в русском переводе получила название «История ацтеков». Пространное предисловие к ней было написано известным советским египтологом Василием Васильевичем Струве (1889–1965), проявлявшим определенный интерес к доколумбовым цивилизациям Америки и оказывавшим покровительство А.В. Мачинскому до его призыва в армию в 1939 г. В.В. Струве

начинает вполне ортодоксально с критики Вайяна как типичного буржуазного ученого и с повторения идей Моргана. Он заявляет: «Вайян не понимает подлинного значения производительных сил и того основного положения единственно научной, марксистской методологии, что “в соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории изменялись и развивались и производственные отношения людей, их экономические отношения”. <...> Между тем, следует сказать, что земледелие, основа хозяйства ацтеков и союзных с ними оседлых племен, велось у них с помощью самых примитивных орудий труда. <...> Все сельскохозяйственные работы производились вручну. Поэтому у ацтеков и не было подлинного полеводства <...>. Маис, источник обильной мучной пищи, постепенно освободил ацтекское общество от людоедства, которое сохранилось, правда, “как религиозный акт или, что здесь почти равносильно, как колдовство”» [Струве, 1949: 9–10].

Далее Струве утверждает: «Испанские авторы не видели родов у ацтеков, так же как американские авторы до Моргана не видели ирокезских родов. <...> Каждый ацтек входил в состав рода, а через род — в состав племени, которое обычно состояло из 20 родов. <...> Дела, касающиеся всего племени, решались советом, в который входили руководители родов. Морган указывает и на наличие фратрий в родовой организации ацтеков. Здесь они назывались калпулли. <...> Фратрии эти выбирали четырех вождей, державших в своих руках исполнительную власть и руководивших военными силами. <...> Каждой из упомянутых фратрий соответствовал особый квартал в пуэбло Мехико...» [Струве, 1949: 12]

Все же несколькими параграфами ниже Струве отходит от своих категоричных заявлений, используя цитаты из архива К. Маркса и «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Подобно Мачинскому, он указывает на то, что должность верховного военного вождя, занимаемая Мотекусомой Шокойоцином, его предшественниками и преемниками, была наследственной в одном определенном роду, одним из представителей которого она замещалась. Ацтекский военачальник, по мнению В.В. Струве, «уже управлял союзом трех племен, а не только руководил во время войны его боевыми силами. Подобное расширение обязанностей и прав военачальника характерно уже для высшей ступени варварства <...>. Непрестанные войны создали благоприятные условия для превращения верховного военного вождя в постоянное должностное лицо. Эти же войны

В.В. Струве (1889–1965), советский востоковед-египтолог, проявлявший интерес к доколумбовым цивилизациям Америки

содействовали разложению родового строя ацтеков. Ацтеки вели их теперь уже ради грабежа...» [Струве, 1949: 15].

Далее утверждения Струве становятся еще более решительными: «В результате успешных походов в селения ацтеков и их союзников в громадном количестве пригонялись военнопленные. <...> Наряду с военнопленными рабами ацтеки уже владели рабами из числа своих соплеменников. <...> Если порабощение как наказание за совершенное преступление может иметь место и при родовой организации, то самопродажа бедняка в рабство уже несовместима с подлинным родовым строем...» [Струве, 1949: 15–16].

В своей последней статье «Некоторые аспекты социального развития Древнего Востока», опубликованной в пятом номере журнала «Вопросы истории» за 1965 г., Струве уже прямо говорит о рабовладельческом характере всех древних цивилизаций доколумбовой Америки, включая науа [Струве, 1965: 102].

Послевоенное время стало в целом весьма благоприятным периодом для изучения истории и этнографии коренных народов Америки, не только в силу стремительно увеличившегося количества работ зарубежных коллег, в том числе переведенных на русский язык, но и активизации научных и культурных связей со странами Латинской Америки, в том числе Мексики. Кроме того, отечественная этнография стремилась охватить как можно большее количество народов мира. Характерный пример этому — задуманная еще до войны серия «Народы мира. Этнографические очерки», которая в 1950–1960-х гг. стала выпускаться коллективом ведущих специалистов Института этнографии АН СССР. Не были забыты и науа. В 1959 г. вышел в свет второй том «Народы Америки» под ред. А.В. Ефимова и С.А. Токарева. Как уже говорилось, авторы третьей главы «Коренное население Мексики до испанского завоевания» Ю.В. Кнорозов, Р.В. Кинжалов и И.Ф. Хорошаева многое почерпнули из процитированного выше неопубликованного очерка А.В. Мачинского 1939 г. Однако они были смелее в своих утверждениях, заявляя о формировании государственных образований у ацтеков и других групп науа. Подобно А.В. Мачинскому, эти авторы старались избегать явного противоречия с классиками марксизма и Л.Г. Морганом, вследствие чего полностью скопировали его утверждение о различии общественного строя у «племен» науа, проводя резкую границу между обитателями Теночтитлана и родственными им по языку этническими общностями Центральной Мексики: «Ко времени завоевания Мексики испанцами общественный строй у племен нахуа был очень различен. Если у некоторых, как например у тласкальцев, в значительной мере еще сохранялся родовый строй, то у других, как например у ацтеков Теночтитлана, уже формировалось государство» [Кнорозов и др., 1959: 82].

В качестве аргументов, которые приводятся в пользу стремительного формирования государства у ацтеков накануне испанского завоевания, также следуя почти дословно очерку Мачинского, авторы называют наследование власти верховного вождя в рамках одного рода, наличие сельской общины, большое количество рабов. Общественное развитие науа, по мнению учёных, шло в сторону формирования рабовладельческого государства, причем типологически близкого древневосточным деспотиям. Глава заканчивается уже традиционной к тому времени фразой о том, что процесс формирования государства у ацтеков и родственных им народов был прерван испанским завоеванием.

Еще более конкретно о формировании рабовладельческой деспотии у ацтеков заявил в 1969 г. археолог и этнограф Юрий Александрович Зубрицкий в статье «Индейцы Мексики (исторические и этнографические заметки)». Он отмечает: «Ацтекское же общество олицетворяло собой широкий процесс, направленный к созданию обширной и централизованной рабовладельческой деспотии. Война⁸ как бы завершила эпоху первобытно-общинного строя у ацтеков и ознаменовала переход от последнего этапа этого строя — военной демократии — к классовому рабовладельческому обществу. Этот процесс происходил довольно быстрыми темпами. Однако он, естественно, не мог полностью завершиться в рамках одного столетия. Поэтому ацтекское общество, которое застали испанцы, также носило переходный характер, а не представляло собой окончательно сложившуюся рабовладельческую деспотию. Незавершенность процесса классовообразования и создания государства сказывалась буквально во всем. Во-первых, в формальном избрании правителя, во-вторых, в том, что институт рабства не выкристаллизовался окончательно и дети рабов считались свободными. В-третьих, в том, что кальпулли — родовая организация ацтеков — также претерпевает изменения, указывающие на то, что общество находится в переходном состоянии. Это уже не просто родовая община, это скорее территориально-административная единица [Зубрицкий, 1968: 167–168].

Впоследствии, в 1974 г., Изабелла Константиновна Самаркина в книге «Община в Перу. Очерк социально-экономического развития» без колебаний определила кальпулли как соседскую общину, а следовательно, о родовом строе у ацтеков и других групп науа ко времени испанского завоевания и речи быть не могло [Самаркина, 1974: 14].

Наиболее последовательным и конкретным в определении характера государственных образований науа оказался археолог Валерий Иванович Гуляев, который в 1982 г. опубликовал статью «Город и общество в Центральной Америке накануне Конкисты» в сборнике «Археология Старого и Нового Света». При этом Гуляев в своих оценках общественного строя науа во мно-

⁸ Имеется в виду война ацтеков и их союзников против Аскапоцалько — гегемона в долине Мехико в 1422–1437 гг. — *Прим. авт.*

гом ориентировался на работы видного американского археолога Уильяма Сандерса [Гуляев, 1982: 211]. Как и все советские исследователи, он также широко использовал сравнительный исторический метод. По мнению Гуляева, наименьшей социальной ячейкой в обществе науа была малая семья [Гуляев, 1982: 191]. Однако он тут же добавляет, что, по данным всех имеющихся источников, в селениях и городах науа наиболее распространенным типом социального организма было большесемейное домовладение, причем, скорее всего, — большая патрилокальная семья, поскольку земледелие являлось мужским занятием, да и земельными наделами владели только мужчины [Гуляев, 1982: 191]. Большая патриархальная семья входила в состав соседской общины кальпулли. Кальпулли Гуляев определял как территориальную соседскую общину с некоторыми пережитками, а её аналогами считал перуанскую айлью и нигерийскую агболе [Гуляев, 1982: 192]. Именно кальпулли, с точки зрения Гуляева, являлась основной ячейкой ацтекского общества, по плану которой строились все более крупные социально-политические структуры, и прежде всего — город-государство. Город-государство периода испанского завоевания являлся стабильной единицей территориально-политической организации древней Мезоамерики. Он состоял из центрального городского поселения или столицы (*villa, cabecera*) и ряда более мелких сельских общин, со своими селениями (*aldeas*) и деревушками (*estancias*) [Гуляев, 1982: 192–193]. Большинство из них находилось в пределах 10-километровой зоны от столицы, и все это в целом составляло довольно компактный район.

В этом отношении Гуляев точно следует статье 1971 г. американского автора У.Т. Сандерса «Характер расселения в Центральной Мексике» («*Settlement patterns in Central Mexico*») [Sanders, 1971: 13]. Советский исследователь пишет: «В долине Мехико в 1519 г. существовало свыше 40 городов-государств подобного типа. Каждый из них был полуавтономным, находясь в политическом отношении в полной зависимости от могущественной Тройственной Лиги (Теночтитлана, Тескоко, Тлакопана), а точнее от правителя ацтеков. Полного включения всех зависимых от Теночтитлана территорий в рамки единой централизованной империи не произошло. Ацтеки делали лишь первые шаги в этом направлении, прерванные испанским завоеванием» [Гуляев, 1982: 191]. Самым близким аналогом «ацтекской империи» в Старом Свете была, по мнению Гуляева, «держава» Саргона Аккадского в

*В.И. Гуляев (1938–2022),
советский и российский
археолог, историк,
специалист по цивилизациям
Мезоамерики*

Месопотамии, насильственно объединившая в XXIV в. до н.э. на короткий срок многие полуавтономные города-государства, но вскоре опять распавшаяся [Гуляев, 1982: 210].

В 1990-е гг. изучением социально-политического строя науа активно занималась Валентина Ефимовна Баглай. В 1995 г. она опубликовала работу «Древнеацтекское государство: структура власти и управления». В 1998 г. вышла её монография «Ацтеки. История. Экономика. Социально-политический строй». Подобно своим предшественникам, В.Е. Баглай проводила параллели между «ацтекской империей» и государствами Древнего Востока. «Материалы, которыми располагают исследователи, наводят на мысль, что у ацтеков складывался тип государства, сопоставимый с древневосточными деспотиями Старого Света», — пишет она в своей книге [Баглай, 1998: 325]. Но при этом Баглай, по сравнению с другими авторами, демонстрирует значительно большие колебания в определении характера общины науа. С одной стороны, она цитирует слова Алонсо Сориты, что кальпулли — это «древний род, который издревле владеет землей», и добавляет, что «совершенно очевидно, что в начальный период господство родовых отношений было определяющим. <...> в дальнейшем, когда происходил активный процесс образования государства, кальпулли сохранили некоторые патриархальные элементы, в частности, и к эпохе испанского завоевания носили родовые названия» [Баглай, 1998: 302]. Впрочем, в другом месте она заявляет: «Вероятно, чисто родовая община как ранняя форма общественного и хозяйственного общества уже не существовала в древнеацтекском обществе — хотя бы потому, что там сложилось государство» [Баглай, 1998: 171]. Баглай также говорит о возникновении и развитии у науа общины древневосточного типа, ставшей «важнейшей формой социальной организации на селе и частично в городе». Тем не менее в качестве факторов ее появления исследовательница называет не строительство масштабных ирригационных сооружений, как в Древнем Египте и Месопотамии, а систему мельпового (т.е. подсечно-огневого) земледелия, требовавшую поддержания производственных связей и коллективизма для расчистки земельных участков от леса и кустарников [Баглай, 1998: 172]. На этом уровне колебаний Баглай и осталась, в немалой степени в силу своей зависимости от зарубежных исследований, которая, как показано в данной статье, была традиционной для отечественных специалистов, изучающих ацтекское общество до начала и во время испанского завоевания.

Наиболее «легко» проблему типологии общественно-политического строя и государственности науа «решила» в 2000 г. сотрудница Центра мезоамериканских исследований имени Ю.В. Кнорозова Инесса Владимировна Бутенева, которая в статье «Астеки. Имперская идеология и религиозно-нравственные проблемы» заявила буквально следующее: «Изучением государства ацтеков занимались и занимаются многие ученые на протяжении нескольких веков. К настоящему времени, после подробного и основа-

тельного исследования истории, экономики, политической жизни, религии и мифологии ацтеков, сложились благоприятные условия для изучения имперской идеологии, являвшейся базой существования и развития их государства» [Бутенева, 2000: 80].

Таким образом, после двух столетий споров и колебаний, порожденных недостаточным знанием необходимых для изучения предмета языков и первоисточников, а также преобладающим в советский период догматическим подходом, в 2000 г. отечественная исследовательница вновь вернулась в ту точку, с которой начали русские ученые XIX в.

* * *

В отечественной историографии вплоть до 2000-х годов исследования общественного строя науа и «ацтекской империи» находились в зачаточном состоянии в силу неблагоприятного сочетания следующих факторов. Во-первых, отсутствие у отечественных исследователей достаточного знания классического науатля и староиспанского языка XVI–XVII вв., что делало их зависимыми от сокращенных и неточных переводов первоисточников на французский, немецкий и английский, распространенных в российском научном сообществе XVIII–XX вв. Во-вторых, сформировавшееся под влиянием трудов Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса восприятие общества науа как отсталого, не достигшего к моменту испанского завоевания уровня государственности и находившегося «на средней стадии варварства». Данный подход особенно усилился в советский период, когда работы Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса отвечали официальной идеологии.

Неудивительно, что в 2000–2020-х гг. и вплоть до сегодняшнего дня российские исследователи, занимающиеся изучением прошлого коренных народов Мексики и Центральной Америки, за исключением В.Е. Баглай и автора данной статьи, сосредоточили свое внимание на исследованиях истории, культуры и социально-политической организации народов майя, создателей одной из крупнейших цивилизаций доколумбовой Мезоамерики в зоне тропических лесов на юге Мексики и на территории современных государств Гватемала, Сальвадор, Белиз и Гондурас в 2000 г. до н.э. – 1521 г. н.э. Подобная ситуация связана с открытиями выдающегося отечественного исследователя Ю.В. Кнорозова, внесшего решающий вклад в дешифровку словесно-слоговой письменности майя, и созданием в 1998 г. при РГГУ Центра мезоамериканских исследований имени Ю.В. Кнорозова, в котором исследования истории и культуры майя придавалось и придается приоритетное значение.

Тем не менее всестороннее изучение автором данной статьи исторических хроник XVI–XVII вв., кодексов и архивных документов, связанных с различными аспектами социально-политической организации не только ацтеков, но и других групп науа накануне испанского завоевания, проводившееся с 1997 г. по настоящее время, позволило выявить ряд существен-

ных моментов, которые оказались вне поле зрения предшественников. Все они были изложены в монографии «Ацтеки: родство, гендер, возраст: опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков», опубликованной в 2006 г. в качестве 10-го выпуска альманаха «Алгебра родства» и серии статей на русском, испанском и английском языках.

В этой работе делаются следующие выводы.

1. К моменту испанского завоевания у науа не было единого государства, но имелись многочисленные города-государства (науат. *altereme*). В структурном отношении город-государство науа (науат. *alterpetl*) представлял собой объединение территориальных общин кальпулли под властью правителя (науат. *tlahtoani*) или коллективного органа из глав наиболее влиятельных общин. Он имел четко определенные территориальные границы, своего собственного бога-покровителя и выставлял свой отряд воинов в случае военных действий. Науа ко времени Конкисты определяли себя прежде всего как жители того или иного города-государства, причем гораздо чаще, чем как представители единой этнической общности. Тройственный союз, созданный городами-государствами долины Мехико, не имел эффективных механизмов для интеграции в единое государство, тем более империю. Каждый из этих городов-государств сохранял полную независимость во внутренних делах и располагал полной свободой выбора в вопросе об участии или неучастии в совместных военных действиях. Территория, контролируемая Тройственным союзом, отнюдь не была монолитной, не имела определенных границ и в её пределах существовали полностью независимые анклавов. «Интеграция в единое государство» в большинстве случаев ограничивалась присутствием в стратегически важном пункте сборщиков податей и отряда воинов, защищавшего их. При этом централизованной системы взимания податей тоже не существовало. Каждый из членов Тройственного союза самостоятельно собирал дань с той части, которая ему досталась при разделе захваченной территории [Калюта, 2006: 87, 90–91].

2. Социальные страты доколониального общества науа находились в стадии формирования: границы между отдельными стратами были еще весьма размыты, а наследственная принадлежность к страте еще не гарантировала полноправного членства в ней; полного разделения функций между социальными группами также не было достигнуто, за исключением выделения немногочисленной правящей верхушки из массы рядовых общинников [Калюта, 2006: 284].

3. В условиях незавершенности процессов политогенеза родство, социальный возраст и гендер продолжали оставаться главными принципами социального регулирования и социальной стратификации.

4. Как и в других архаических и раннегосударственных обществах, родство у науа играло роль универсальной категории для структурирования взаимосвязей между индивидом и обществом, а также между обществом

и Космосом, что находило отражение в расширенном употреблении терминов родства, в том числе и по отношению к целым социальным организмам (общинам, городам-государствам и т.п.) Социальная организация науа ко времени испанского завоевания характеризовалась доминирующей ролью десцентных групп рэмиджного типа (*tlacamecayotl*, *tecalli*) и их локализованных сегментов в виде больших семей (*cencalli*, *cemithualtin*), состоявших из родительской пары с их совершеннолетними и несовершеннолетними детьми, или из сиблингов, а также свойственников, в организации производства, регулировании имущественных прав, судебной ответственности, отправлении культа на уровне отдельных общин и определении социального статуса конкретного лица. При этом для доколониального периода была характерна амбилинейная филиация, обеспечивавшая передачу статуса и имущественных прав как по мужской, так и по женской линиям [Калюта, 2006: 284].

5. В обществе науа накануне испанского завоевания существовало деление на социовозрастные группы, имелись такие институированные формы половозрастной организации, как дома молодежи и мужские союзы. Важной особенностью общества науа до испанского завоевания было то, что существование страт и функционирование системы управления обеспечивались за счет половозрастной стратификации. Каждая страта делилась на социовозрастные группы, которые можно условно обозначить как группы «учеников», «исполнителей» и «лидеров». Функции, которые выполняли представители этих групп социальных сверстников, определялись не столько принадлежностью к определенной страте, сколько той стадией жизненного цикла, на которой они находились (возрастной степенью). Управление находилось в руках двух возрастных классов: старейшин (на уровне общины) и зрелых мужчин-воинов, которые объединялись в мужские союзы [Калюта, 2006: 285].

В целом подобная организация напоминает ранние государства Тропической Африки, и более углубленное сравнительное изучение социального устройства африканских «империй» южнее Сахары и государств науа могло бы пролить дополнительный свет на процессы политогенеза в географически изолированных обществах.

Список литературы / References

Баглай В.Е. (1998) *Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй* (ДокOLONиальный период), Москва, Наука, 432 с.

Baglai V.E. (1998) *Atteki: istoriya, ekonomika, sotsial'no-politicheskii stroi* [Aztecs: History, Economy, and Socio-Political Organization. Prehispanic Period], Moscow, Nauka, 432 p. (In Russian)

Бутенева И.В. (2000) Астеки. Имперская идеология и религиозно-нравственные проблемы, *Развитие цивилизации в Новом Свете: Сборник статей по материалам Кнорозовских чтений*, отв. ред. Логунов А.П., Москва, РГГУ, с. 80–99.

Buteneva I.V. (2000) Asteki. Imperskaya ideologiya i religiozno-nravstvennye problemy [Aztecs. Imperial ideology and Religious-Ethical Problems] in Logunov A.P. (ed.) *Razvitie tsivilizatsii v Novom Svete: Sbornik statei po materialam Knorozovskikh chtenii* [Development of Civilization in New World: Collection of Articles based on Knorozov Readings' Materials], Moscow, RGGU, pp. 80–99. (In Russian)

Гуляев В.И. (1982) Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты, *Археология Старого и Нового Света*, отв. ред. Гуляев В.И., Москва, Наука, с. 191–211.

Gulyaev V.I. (1982) Gorod i obshchestvo v Tsentral'noi Meksike nakanune konkisty [City and Society in Central Mexico on the Eve of the Conquest] in Gulyaev V.I. (ed.) *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta* [Archeology of Old and New Worlds], Moscow, Nauka, pp. 191–211. (In Russian)

Зубрицкий Ю.А. (1968) Индейцы Мексики (исторические и этнографические заметки), *Мексика. Политика. Экономика. Культура*, отв. ред. Шульговский А.Ф., Москва, Наука, с. 159–197.

Zubritskii Yu.A. (1968) Indeitsy Meksiki (istoricheskie i etnograficheskie zametki) [Indians of Mexico. Historical and Ethnographic Notes] in Shul'govskii A.F. (ed.) *Meksika. Politika. Ekonomika. Kul'tura* [Mexico, Politics, Economy, Culture], Moscow, Nauka, pp. 159–197. (In Russian)

Ихтлильхочитль (1841) *Библиотека для чтения*, Т. XLVI, Отд. III, Науки и художества, с. 63–88.

Ikhtliil'khochitl' [Ixtilxochitl] (1841) *Library for Reading*, Vol. XLVI, Part III, Sciences and Arts, pp. 63–88. (In Russian)

Казакова Н.А., Катускина Л.Г. (1968) Русский перевод первого известия XVI в. о путешествии Магеллана (Перевод письма Максимилиана Трансильвана), Т. XXIII, *Труды Отдела Древнерусской литературы*, Ленинград, с. 227–252.

Kazakova N.A., Katushkina L.G. (1968) Russkii perevod pervogo izvestiya XVI v. o puteshestvii Magellana (Perevod pis'ma Maksimiliana Transil'vana), T. 23 [Russian Translation of the First Account of Magellan's Voyage in the Sixteenth Century. Translation of Maximilianus Translyvanus's Letter, Vol. 23], *Works of Department of Ancient Russian Literature*, Leningrad, pp. 227–252. (In Russian)

Калюта А.В. (2006) Ацтеки: родство, гендер, возраст: Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), 320 с.

Kalyuta A.V. (2006) Atsteki: rodstvo, gender, vozrast: Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya mezoamerikanskogo obshchestva XV–XVII vekov [Aztecs. Kinship. Gender. Age. Socio-historical Study of Mesoamerican Society in 15th and 17th Centuries], Sankt-Petersburg, Muzei antropologii i etnografii (Kunstkamera), 320 p. (In Russian)

Кнорозов Ю.В., Кинжалов Р.В., Хорошаева И.Ф. (1959) Коренное население Мексики до испанского завоевания, *Народы мира. Этнографические очерки. Народы Америки, Т. 2.*, отв. ред. Ефимов А.В., Токарев С.А., Москва, Издательство Академии Наук, с. 55–101.

Knorozov Yu.V., Kinzhalov R.V., Khoroshaeva I.F. (1959) Korennoe naselenie Meksiki do ispanskogo zavoevaniya [Indigenous Population of Mexico before Spanish Conquest] in Efimov A.V., Tokarev S.A. (ed.) *Narody mira. Etnograficheskie ocherki. Narody Ameriki, Tom 2*, [Peoples of the World. Ethnographic Essays, Vol. 2], Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk, pp. 55–101. (In Russian)

Лихонин М.Н. (1846) Древняя образованность мексиканцев, *Москвитянин. Науки*, № 9–10, с. 81–144.

Likhonin M.N. (1846) Drevnyaya obrazovannost' meksikantsev [Ancient Enlightenment of Mexicans], *Muscovite. Sciences*, no. 9–10, pp. 81–144. (In Russian)

Мачинский А.В. (1939) *Центральная и Южная Америка*, Научный архив МАЭ, Оп. 1, Д. 83, 233 л.

Machinskii A.V. (1939) *Tsentral'naya i Yuzhnaya Amerika* [Central and South America], Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnology, Op. 1, D. 83, 233 l. (In Russian)

Морган Л.Г. (1934) *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*, Ленинград, Издательство института народов Севера, 350 с.

Morgan L.G. (1934) *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization], Leningrad, Izdatel'stvo instituta narodov Severa, 350 p. (In Russian)

История мореплавания к западным странам (1729), *Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям*, Ч. 31, с. 123–136.

Istoriya moreplavaniya k zapadnym stranam [History of Navigation to Western Countries] (1729), *Primechaniya k Sankt-Petersburgskim vedomostyam*, Ch. 31, pp. 123–136. (In Russian)

Прескотт В. (1848) Завоевание Мексики. Книга I, *Отечественные записки*, № 9–10, с. 1–61.

Prescott V. (1848) Zavoevanie Meksiki. Kniga I [Conquest of Mexico. Book 1], *Otechestvennye zapiski*, no. 9–10, pp. 1–61. (In Russian)

Прескотт В. (1886) Завоевание Мексики Фердинандом Кортесом, Москва, Издательство Ц.Н. Маракучева, 216 с.

Prescott V. (1886) *Zavoevanie Meksiki Ferdinandom Kortetsom* [Conquest of Mexico by Ferdinand Cortes], Moscow, Editorial of Ts.N.Marakuev, 216 p. (In Russian)

Самаркина И.К. (1974) *Община в Перу. Очерк социально-экономического развития*, Москва, Наука, 249 с.

Samarkina I.K. (1974) *Obshchina v Peru. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Community in Peru. Essay on Socio-Economical Development], Moscow, Nauka, 249 p. (In Russian)

Струве В.В. (1949) Предисловие, *История ацтеков*, под ред. Струве В.В., Москва, Издательство иностранной литературы, с. 5–18.

Struve V.V. (1949) Predislovie [Introduction] in *Istoriya atstekov* [Aztecs of Mexico: Origin, Rise and Fall of Aztec Nation], Moscow, Editorial of foreign literature, pp. 5–18. (In Russian)

Струве В.В. (1965) Некоторые аспекты социального развития Древнего Востока, *Вопросы истории*, № 5, с. 100–108.

Struve V.V. (1965) Nekotorye aspekty sotsial'nogo razvitiya Drevnego Vostoka [Some Aspects of Social Development of Ancient East], *Problems of history*, no. 5, pp. 100–108. (In Russian)

Фанштейн М.Ш. (2005) *Впереди — Новый Свет. История открытия Америки и ее восприятие в России*, Москва, Издательство «Индрик», 176 с.

Fanshtein M.Sh. (2005) Vpered! — Novyi Svet. Istoriya otkrytiya Ameriki i ee vospriyatie v Rossii [New World Ahead! History of Discovery of America and Its Perception in Russia], Moscow, Editorial «Indrik», 176 p. (In Russian)

Энгельс Ф. (1937) *Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л.Г. Моргана*, Москва, Партиздат, ЦК ВКП(б), 237 с.

Engels F. (1937) Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva v svyazi s issledovaniyami L.G. Morgana. [The Origin of the Family, Private Property and the State: in the Light of the Researches of Lewis H. Morgan], Moscow, Partizdat, TsK VKP(b), 237 p. (In Russian)

Martir de Angleria P. (1989) *Decadas del Nuevo Mundo* [Decades of the New World], Madrid, Ediciones Polifemo, 566 p. (In Spanish)

Prescott W.H. (1843) *History of the Conquest of Mexico: With a Preliminary View of the Ancient Mexican Civilization, and the Life of the Conqueror, Hernando Cortés*, 3 vol., New York, Harper and Brothers, 1124 p.

Sanders W.T. (1971) Settlement Patterns in Central Mexico in *Handbook of Middle American Indians*. Vol. 10, Austin, University of Texas Press, pp. 3–44.

Solís y Rivadeneyra A. (1885) *Historia de la Conquista de Mexico, población y progresos de América Septentrional conocida por el nombre de Nueva España*. [History of the Conquest of Mexico, Population and Progress of North America known as New Spain], Madrid, Edición Julio Robredo, 595 p. (In Spanish)

Особенности формирования и деятельности органов власти испанских колониальных владений в Америке в XVI–XVII вв.

© Дементьев А.В., 2023

Алексей Владимирович Дементьев, канд. филол. наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: alexdem_madrid@mail.ru

Аннотация. Проблематика пересмотра колониального прошлого стран и континентов вызывает повышенный интерес в связи с «полевевшей» повесткой дня международных отношений, усилением глобальной роли бывших зависимых территорий — Индии, ЮАР, Бразилии, Мексики и др. Антиколониальный нарратив возвращается в центр научных дискуссий. Особой остротой отличаются споры вокруг участвовавших требований к бывшим метрополиям, в т.ч. к Испании, о «покаянии», возврате культурных ценностей и выплате компенсаций за злоупотребления, допущенные колонизаторами в далеком прошлом.

В ходе освоения новых земель в XVI–XVII вв. испанцы столкнулись с задачей управления обширными территориями с разнородным коренным населением. Решение этой задачи виделось в создании эффективной системы органов власти, которая в XVI–XVII вв. непрерывно модифицировалась и усложнялась.

В стремлении создать бюрократический аппарат, аналогичный кастильскому, колонизаторы воспроизводили не только его преимущества, но и дефекты. Традиционные системы управления коренных народов или заменялись на европейские, или встраивались в новую пирамиду власти в качестве низшего звена. Управленческую ситуацию того периода допустимо классифицировать как юридический плюрализм.

Административное и торгово-хозяйственное руководство заокеанскими владениями осуществлялось специально созданными государственными учреждениями — Советом по делам Индий и Торговой палатой. Управление на местах было возложено на вице-королей, генерал-капитанов, губернаторов, аудиенсии. Базовой ячейкой проживающих в Новом Свете испанцев был городской муниципалитет, вокруг которого строилась повседневная жизнь. Креолы становились все более влиятельной и амбициозной политической силой в структуре общества. В XVI–XVII вв. закладывались предпосылки, в силу которых в результате распада колониальной системы Испании в Америке образовалось несколько десятков независимых государств.

Ключевые слова: колония, метрополия, управление, органы власти, эксплуатация, коренные народы, муниципалитет, вице-королевство

Для цитирования: Дементьев А.В. (2023) Особенности формирования и деятельности органов власти испанских колониальных владений в Америке в XVI–XVII вв. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 88–107. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-88-107

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 88–107
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-88-107

UDC 94:327

Recibido 28.09.2023.
Revisado 17.11.2023.
Aceptado 28.11.2023.

Particularidades de formación y actividades de los organismos de gobierno en las posesiones coloniales de España en América en los siglos XVI y XVII

© Dementiev A.V., 2023

Alexei V. Dementiev, Doctor en Filología, Profesor Titular del Departamento de Español de la Universidad MGIMO.

119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadskogo, 76

E-mail: alexdem_madrid@mail.ru

Resumen. La revisión del pasado colonial de países y continentes suscita gran interés debido a la agenda «izquierdizante» en el ámbito internacional y el fortalecimiento del protagonismo mundial de los antiguos territorios dependientes, que son India, Sudáfrica, Brasil, México, etc. La narrativa anticolonial vuelve al centro de las discusiones científicas. Es particularmente grave la controversia en torno a las crecientes demandas presentadas a las antiguas metrópolis, incluyendo España, sobre el «arrepentimiento», la devolución de los bienes culturales y el pago de indemnizaciones por los abusos cometidos por los colonizadores en el pasado lejano.

Durante la exploración del Nuevo Mundo en los siglos XVI y XVII los españoles se enfrentaron al reto de gestionar vastos territorios con poblaciones indígenas heterogéneas. La solución de este problema se les veía en la creación de un sistema eficaz de autoridades, que en los siglos XVI y XVII venía modificándose y complicándose. Al tratar de crear una burocracia similar a la de Castilla, los colonizadores trajeron no solo sus ventajas, sino defectos. Las estructuras tradicionales de gobierno de los pueblos indígenas fueron reemplazadas por sistemas europeos o incorporadas a la nueva pirámide de poder como el escalón más bajo. La situación administrativa de ese período puede calificarse de pluralismo jurídico.

La gestión administrativa en las posesiones territoriales de ultramar fue llevada a cabo por organismos gubernamentales especialmente establecidos, a saber, el Consejo de Indias y la Casa de Contratación. La administración local fue confiada a los virreyes, capitanes generales, gobernadores y audiencias. La unidad básica de los españoles que vivían en el Nuevo Mundo era el municipio urbano alrededor del cual se aglutinaba la vida cotidiana. Los criollos se convirtieron en una fuerza política cada vez más influyente y ambiciosa en la estructura de la sociedad. En los siglos XVI y XVII en las Américas iban creándose las premisas que — una vez colapsado el sistema colonial español — desembocaron en la formación de varias docenas de estados independientes.

Palabras clave: colonia, país metropolitano, gobierno, autoridades, explotación, pueblos indígenas, municipio, virreinato

Para citar: Dementiev A.V. (2023) Particularidades de formación y actividades de los organismos de gobierno en las posesiones coloniales de España en América en los siglos XVI y XVII, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 88–107. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-88-107

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 88–107
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-88-107

UDC 94:327

RESEARCH ARTICLE

Received 28.09.2023.
Revised 17.11.2023.
Accepted 28.11.2023.

Features of Formation and Functioning of the Spanish Colonial Administration in America During the 16th and 17th Centuries

© Dementiev A.V., 2023

Alexei V. Dementiev, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Spanish Language, MGIMO University.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

E-mail: alexdem_madrid@mail.ru

Abstract. The problem of revising the colonial past of countries and continents sparks great interest due to the «left-wing» agenda in international relations and the ever-increasing role of territories that were formerly dependent, such as India, South Africa, Brazil, Mexico, etc. Anticolonial narrative is again in the focus of scientific discussions. The controversy around the increasing demands on the former metropolises, including Spain, about «repentance», return of cultural property and compensation for abuses committed by the colonizers in the distant past is particularly acute.

During the exploration of new lands during the 16th and 17th centuries the Spanish faced the challenge of managing vast territories with heterogeneous indigenous populations. The solution to this problem lay in the creation of an effective system of authorities, which throughout the 16th and 17th centuries was continuously modified and became more complex. Seeking to create a bureaucracy similar to that of Castile, the colonizers brought to America not only its advantages, but also its faults. Indigenous peoples' traditional systems of government were either replaced by European systems or incorporated into the new pyramid of power as the lowest echelon. The administrative situation of that period can be classified as juridical pluralism. The administration and management of overseas territories was carried out by specially established government agencies, i.e. the Council of the Indies and Casa de Contratación. Local administration was entrusted to viceroys, captain-generals, governors, and Audiencias. The basic unit of the Spanish living in the New World was the urban municipality around which everyday life was built. Creoles became an increasingly influential and ambitious political force in society. The 16th and 17th centuries formed the premises that brought about the creation of independent states in the Americas after the collapse of Spain's colonial rule.

Keywords: colony, metropolitan country, government, authorities, exploitation, indigenous peoples, municipality, viceroyalty

В данной работе предпринята попытка рассмотреть особенности организации и функционирования органов власти колониальных владений Испании на американском континенте в XVI–XVII вв. В справочниках и специальной литературе эти темы освещаются скупо. Без должного внимания остаются как схемы административного управления зависимыми территориями, так и то, что в Новом Свете был дан мощный толчок многим отраслям хозяйствования, образования, науки и техники, способствовавшим развитию европейской промышленности, банковской системы, бурному росту морских перевозок. Как справедливо отмечает в фундаментальном труде «История международных отношений» (под редакцией академика РАН А.В. Торкунова), «приток американского серебра в Европу за короткое время в десятки и сотни раз увеличил обороты мировой торговли» [Торкунов, Наринский, 2023: 41].

В последнее время растет интерес ученых к колониальному прошлому стран и континентов, а антиколониальный нарратив возвращается в современную повестку дня. Причин несколько: активный слом прежних представлений о мировом порядке, концептуальное переосмысление колониального наследия, усиление роли и влияния глобального Юга перед лицом дряхлеющего Севера, который упорно отстаивает убеждения о своем цивилизационном превосходстве.

В странах Латинской Америки не утихают дебаты вокруг колониального прошлого, происходит низвержение привычных догм, а нынешние ценности проецируются на события многовековой давности. Звучат призывы к бывшим метрополиям, в т.ч. к Испании, не только принести официальные извинения за совершенные колонизаторами преступления, но и выплатить репарации за причиненный материальный ущерб. Требования о покаянии за грехи колониального прошлого воспринимаются многими испанцами скептически или вовсе отвергаются как несостоятельные. Приводятся контраргументы с упором на исторический позитивизм в том ключе, что завоеватели несли коренным народам достижения

Наибольшая экспансия
Испании в Северной
и Южной Америке (XVIII в.)

европейской цивилизации, научные знания, образование, письменность, технические изобретения, орудия труда, в т.ч. колесо и плуг, а привезенные домашние животные — лошади, коровы, овцы, козы сделали жизнь индейских общин менее тягостной.

Гибель миллионов индейцев не рассматривается большинством современных испанцев как геноцид или расовое преступление по той причине, что коренные народы, дескать, не обладали иммунитетом к привезенным из Европы заболеваниям, и массовое вымирание было вопросом времени, т.к. европейцы рано или поздно высадились бы на берегах Америки. Приводится и тот аргумент, что уже с середины XVII в. численность индейского населения стала быстро возрастать. Тем не менее не следует исключать, что в будущем требования о покаянии и компенсациях, адресованные политэлитам Испании, Португалии, Франции, Великобритании, Нидерландов и Бельгии, будут приобретать все более системный и масштабный характер.

Испанцы и португальцы были первопроходцами не только в плане освоения новых территорий, но и формирования там систем административного управления. В дальнейшем к их опыту внимательно присматривались французские, голландские и британские колонизаторы.

Франция включилась в колонизацию заморских территорий на несколько десятилетий позднее испанцев и португальцев, но на 70 лет раньше своего главного европейского конкурента — Англии. Французская управленческая политика была во многом схожей с испанской, т.к. была ориентирована на замену органов власти коренного населения на европейские аналоги либо на их включение в новую систему управления в качестве низшего административного звена. В этом отношении французам оказался полезен испанский опыт прямого управления по модели метрополии. Разумеется, французы не только перенимали испанский опыт, но и приносили нечто свое, однако их начинания не всегда были успешными. Например, фактическим провалом ознаменовалась идея по введению переселенческого колониализма. Эту модель позднее смогли реализовать англичане. Испанской короне в XVI–XVII вв. также была присуща эмиграционная практика. Переселение за океан поощрялось, а колонистам могли быть предоставлены участки земли и налоговые послабления. Вместе с тем за океан, помимо чиновников, военнослужащих и миссионеров, на свой страх и риск отправлялись искатели быстрой наживы.

*Христофор Колумб утверждает владения
Испании*

Британская колониальная политика существенно отличалась от испанской и французской. Великобритания сохраняла изначальную структуру местного управления, стремясь действовать через зависимых вождей или представителей влиятельной элиты. Такой подход с экономической точки зрения оказался менее затратным, чем испано-французская модель.

В основе испанской колониальной стратегии лежал принцип иерархической организации — руководящий центр и зависимая периферия, но в процессе расширения империи система административного управления неизбежно усложнялась. При этом этнокультурные различия формировали дихотомию «мы»/«они», т.е. «мы» — это европейцы, «они» — это коренные народы. Идейной основой испанского колониализма стал просвещенческий мессианизм, т.е. обращение коренных народов в христианство. Реализация этой миссии возлагалась на католических монахов и священников. Особую пастырскую активность проявляли иезуиты и францисканцы.

Имперским центром ставилась задача долгосрочного удержания контроля над покоренными территориями и народами, для чего формировалась управленческая администрация. На первоначальном этапе у испанцев отсутствовал долгосрочный план административного обустройства захваченных территорий. Преобладало решение сиюминутных задач, где зачастую главную роль играла импровизация. В результате в XVI–XVII вв. на обширном пространстве заокеанских владений Испании действовали разнородные властные структуры, наделенные не всегда четко обозначенными полномочиями. В силу этого отдельные авторы характеризовали ситуацию того периода как юридический плюрализм [Cardim, 2017: 14]. Ситуация усугублялась постоянным вмешательством монарха в управление колониями. Королевскими указами даровались или отменялись полномочия и привилегии отдельных провинций, городов, губернаторов, судей. В результате отсутствовала упорядоченная административная иерархия, наблюдалось дублирование должностных обязанностей.

Формирование колониальной администрации

Колониальная администрация формировалась поэтапно, и ее структура сложилась лишь к середине XVI в. Подробно эта тема рассматривается в работе французского историка Б. Беннассара [Bennassar, 2001]. На первоначальном этапе по аналогии с Канарскими островами территории колоний были поделены на провинции. В течение 3–8 лет после завоевания главой каждой новой провинции становился губернатор, назначаемый лично королем. Легендарного Х. Колумба (Cristóbal Colón, 1492–1499), впавшего в немилость из-за чрезмерных злоупотреблений, в 1501 г. сменил на посту губернатора Эспаньолы (современное Гаити) Николас де Овандо (Nicolás de Ovando, 1501–1509), которого католические короли Изабелла (Isabel I de Castilla, 1474–1504) и Фердинанд (Fernando II de Aragón, 1479–1516) наделили

обширными административными и судебными полномочиями [Bennassar, 2001: 88]. В конце XVII в. все 37 провинций Нового Света возглавляли королевские губернаторы.

В 1535 г. из испанских владений в Северной и Центральной Америке было сформировано вице-королевство Новая Испания. В 1542 г. колонии в Южной Америке, за исключением Карибского региона, были объединены в вице-королевство Перу. Однако ни одно из вице-королевств по своему политическому весу не могло быть приравнено к европейским королевствам.

Некоторые области, формально подвластные вице-королю, фактически являлись самостоятельными административными единицами, которыми управляли генерал-капитаны. Генерал-капитанство Гватемала занимало большую часть Центральной Америки, островные владения в Карибском бассейне вошли в состав генерал-капитанства Санто-Доминго.

Власть вице-королей была чрезвычайно велика. Помимо решения административных вопросов, они имели полномочия назначать чиновников низшего и среднего звена, распределять церковные приходы, им принадлежало право помилования. Они были обязаны составлять подробную реляцию всего происходящего на подведомственных территориях, а своим преемникам оставлять рекомендательный список намеченных, но не выполненных мероприятий. Эти реляции хранятся в Архиве Индий и представляют собой ценнейшие документы той эпохи.

Вице-короли жили на широкую ногу, имели собственный административный аппарат и личную охрану: в Новой Испании — Гвардию алебардщиков (*Guardia de Alabarderos*), в Перу — Роту благородных копейщиков и стрелков (*Compañía de Gentilhombres de lanzas y arcabuces*). Среди вице-королей было немало талантливых политических деятелей и умелых администраторов. Достаточно упомянуть первых вице-королей Новой Испании Антонио де Мендоса (*Antonio de Mendoza y Pacheco*, 1535–1551) и Луиса де Веласко (*Luis de Velasco y Alarcón*, 1551–1564) [Bennassar, 2001: 94]. Широкие прерогативы не исключали большого количества королевских инструкций, которые во многом определяли поведение вице-королей. За работоспособным и щепетильным Филиппом II (*Felipe II de España*, 1556–1598) всегда оставалось последнее слово в решении как управленческих, так и кадровых вопросов.

В первые же годы XVI в. Корона озаботилась учреждением административных структур, ответственных за ведение мореходства и торговли с заморскими территориями. Эти вопросы испанцы возложили на созданную в Севилье в 1503 г. Торговую палату (*Casa de la Contratación de Indias*), которая, помимо организации морских перевозок

Король Испании Филипп II
(1556–1598)

между Европой и Америкой, отвечала за сбор налогов с казенных и частных судов. В первые годы после учреждения Торговую палату возглавлял «триумвират»: старший администратор, казначей и счетовод. В дальнейшем круг обязанностей расширился и в дополнение ко всему она стала выступать как судебный орган в случае возникновения спорных ситуаций при совершении коммерческих сделок, что происходило все чаще по мере роста интенсивности грузовых и пассажирских перевозок. В штат были введены юристы (*letrados*). В 1523 г. в составе палаты появился космограф, а в 1552 г. при Торговой палате был создан отдел космографии и навигации — прообраз Морской академии. В 1510 г. был утвержден первый Устав палаты, получивший дальнейшее развитие в 1539 г. В 1552 г. Устав был заменен на обширный Регламент, включавший 200 статей и положений. В 1579 г. должность старшего администратора была преобразована в должность председателя. В 1687 г. в штате палаты числилось уже 110 сотрудников. В начале XVIII в. она была переведена из Севильи в Кадис, а в 1790 г. прекратила свое существование по причине набиравших силу идей о борьбе с монополиями в торговле [Bennassar, 2001: 85–86].

Первым шагом на пути формирования управленческого аппарата в Новом Свете стало учреждение в Севилье Комиссии по делам Индий (*Junta de Indias*), которая в 1524 г. была преобразована в Совет по делам Индий (*Real y Supremo Consejo de Indias*). Совет стал на долгие годы ключевым политико-административным и судебным органом во взаимодействии с колониями. В его состав входили: председатель, хранитель печати и его заместитель, восемь советников, прокурор, два секретаря, главный хронист, космограф, математик, писцы, счетоводы и другие должностные лица. Полномочия Совета были изложены в своде королевских постановлений, относящихся к Индиям, где, в частности, говорится: «На то дана наша воля и милость, чтобы указанный Совет пользовался правом высшей власти во всех наших западных Индиях, как открытых, так и тех, что открыть предстоит, и ведал всеми делами, их касающимися; а для хорошего управления и судопроизводства может он приказывать и издавать с нашего соизволения все законы, указы, уставы и распоряжения, как общие, так и частные, которые послужат на благо этим провинциям, и чтобы во всех делах и сношениях с Индиями указанный Совет наш встречал уважение и послушание, и чтобы его распоряжения выполнялись и принимались во всем и повсеместно» [Альтамира-и-Кревеа, 1951: 200]. Совет предлагал королю кандидатов для занятия гражданских и духовных должностей в Америке, распоряжался отправкой флотилий за океан, командировал инспекторов для проверки деятельности чиновников. Совет принимал участие также в решении военных вопросов, выполнял функции апелляционного суда для обжалования приговоров, вынесенных вице-королями, генерал-капитанами и губернаторами.

В 1542 г. Совет располагал внутренним уставом, насчитывавшим 44 статьи. Устав поэтапно расширялся и к 1571 г. в нем было уже 122 статьи, а в 1636 г. — 245. Решение принималось простым большинством членов Совета, после чего направлялось на утверждение королю. Наиболее активная деятельность Совета по делам Индий приходится на XVI–XVII вв., т.к. после воцарения династии Бурбонов его роль заметно снизилась. Многие функции Совета Филипп V (Felipe V de España, 1700–1724, 1724–1746), следуя французской традиции, передал в 1714 г. в ведение ответственного чиновника — Государственного секретаря и его аппарата. В 1747 г. Государственный секретарь существенно сузил круг полномочий Совета в таких сферах, как финансы, торговля и военно-морское судоходство. В 1812 г. Совет по делам Индий был упразднен [Bennassar, 2001: 86].

Деятельность муниципалитетов

Важную роль в системе колониального управления на местах стали играть муниципалитеты, создававшиеся по подобию городских муниципалитетов Кастилии, что было ясно изложено в указе Филиппа II: «В силу того, что королевства Кастилии и Индий принадлежат единой Короне, законы и форма правления как тех, так и других должны быть, насколько это возможно, сходны и единообразны. Членам нашего Совета, составляющим законы и установления для этих государств, следует стремиться привести форму и способ управления ими к образу и порядку, принятым при управлении королевствами Кастилией и Леоном, в той мере, в какой позволяют различия между странами и народами» [Альтамира-и-Кревеа, 1951: 197–198].

Основной задачей муниципалитетов было административное руководство, включая организацию хозяйственной деятельности: раздачу продовольствия в неурожайные годы, распределение земельных участков, контроль за использованием муниципальной собственности, регулирование цен на продукты питания, содействие торговле. Организационным ядром муниципалитета был городской совет — кабильдо (cabildo), обладавший административными и судебными полномочиями, которые были зафиксированы в королевских распоряжениях или в уставах, издававшихся вице-королями. В состав кабильдо входили, как правило, его глава (alcalde), муниципальные советники (regidores), начальник полиции (alguacil mayor), интендант (fiel ejecutor), секретарь (secretario), нотариус (escribano) и глашатай (alférez real) [Bennassar, 2001: 97–98].

Устоявшихся правил избрания глав муниципалитетов и городских советов долгое время не существовало. Обычно командиры конкистадоров в силу права, пожалованного им в договорах с королем, сами назначали состав городского совета. Но договоры с монархом не всегда наделяли военачальников такой привилегией. В этом случае все жители поселения

сами избирали членов совета. Различные законы запрещали вице-королям, генерал-капитанам и другим должностным лицам вмешиваться в дела городских советов. Однако эти распоряжения или не соблюдались в полной мере, или даже игнорировались. В ряде случаев, например на Эспаньоле, жители острова обладали правом самостоятельно выбирать своих руководителей. На Кубе начиная с 1530 г. главы муниципалитетов избирались следующим порядком: муниципалитет выдвигал на этот пост двух кандидатов, собрание видных горожан (*cabildo abierto*) — еще двоих и губернатор — одного. Из пяти кандидатов простым большинством голосов собравшихся избирался глава муниципалитета. Такая достаточно демократическая процедура существовала не везде. Более того, Корона, испытывая нужду в деньгах, стала практиковать продажу выборных должностей. Например, в Буэнос-Айресе продажа должностей производилась с аукциона. В 1644 г. должность рехидора продавалась по цене 1250 песо серебром. Такая система плодила коррупцию и приводила к увеличению штатных единиц в чиновничьем аппарате [Bennassar, 2001: 99–100].

В ходе обустройства на завоеванных территориях отдельные городские муниципалитеты стали по собственной инициативе организовывать собрания наиболее влиятельных жителей для решения злободневных вопросов. Казалось бы, жители вице-королевств имели на то право, т.к. в Кастилии многие города обладали форальным правом созывать региональные ассамблеи — хунтас (*juntas*)¹. Но такое «самоуправство» в колониях показалось властям метрополии опасным, и разрешения на проведение хунтас стали выдаваться только в случае их созыва полномочным чиновником — вице-королем, генерал-капитаном или губернатором. Подобные ограничения стали действовать в Новой Испании в 30-е гг. XVI в., а в вице-королевстве Перу — начиная с 1540 г. В Перу был составлен ограниченный список городов, обладавших возможностью проведения хунтас. Первым в этом списке значился городской совет Куско, бывшей столицы империи инков.

В 1531 г., заимствуя опыт метрополии, была учреждена должность коррехидора (*corregidor*) — административно-судебного исправника, который осуществлял надзорные функции над деятельностью местных чиновников. В обязанности коррехидора входила также организация заседаний муниципального совета и голосований (мнение коррехидора оказывалось решающим в случае равенства голосов за и против среди членов совета), участие в судебных разбирательствах. Во второй половине XVI в. колониальным властям пришлось разделить коррехидоров на две категории:

¹ Форальное право, производное от исп. фуэрос (*fueros*), — жалованные грамоты, даровавшиеся в IX–XV вв. королями союзным городам или вассальным уделам и служившие правовой основой для регулирования налоговых, военных и административно-финансовых отношений. — *Прим. авт.*

одни предназначались для работы в городах, где преобладало европейское население, другие — для инспекций в индейских общинах. В течение XVI в. должность коррехидора распространилась первоначально по всей Новой Испании, а с 1565 г. — в обширном вице-королевстве Перу. В середине XVII в. количество коррехидоров в обоих вице-королевствах превысило 200 человек [Bennassar, 2001: 100].

Приоритетом для конкистадоров было формирование органов власти в собственных городах и поселениях. Но спустя несколько десятилетий одной из важных задач стало обеспечение управляемости и порядка в индейских общинах. Была предпринята попытка организовать общины коренного населения наподобие кастильских муниципалитетов. Первые шаги в этом направлении сделали монахи-францисканцы в провинции Мичоакан (Новая Испания). В 1526 г. ими был организован сход местных старейшин (касиков) и жителей близлежащих деревень, в ходе которого из среды влиятельных касиков были избраны губернатор, два алькальда (старосты поселковых администраций), два рехидора (члены общинного самоуправления) и один альгвасил (ответственный за поддержание порядка в общине) [Bennassar, 2001: 100]. В 1530 г. из метрополии поступило распоряжение об организации выборов глав поселений и поселковых старост во всех индейских общинах Новой Испании. В 1533 г. аналогичное распоряжение получили колониальные власти в Гватемале. При этом представители Короны не учитывали имеющуюся среди местного населения племенную иерархию, а требовали создания органов власти по образу и подобию Кастилии.

Судебные и надзорные органы

Слава и богатство отважных первооткрывателей, в т.ч. Э. Кортеса (Hernán Cortés, 1485–1547) и Ф. Писарро (Francisco Pizarro, 1478–1541), порождали не только зависть и конкуренцию среди их ближайших соратников, но и тревогу при королевском дворе, где опасались неумных амбиций прославленных конкистадоров. Ограничить их власть и влияние были призваны т.н. аудиенсиас (audiencias), коллегиальные органы административного и судебного надзора. Первая аудиенсия была учреждена в Санто-Доминго в 1511 г., затем в Новой Испании (1529), Панаме (1538), Перу и Гватемале (1543), Кито (1563).

В состав аудиенсиас входили четыре заседателя (auditores) и один судья (procurador). Пост председателя на ротационной основе исполняли заседатели. Одна из важных задач заседателей заключалась в инспекционных поездках по провинциям. Причем надзорные полномочия были столь обширны, что судебному преследованию по решению аудиенсии могли быть подвергнуты как губернаторы, так и генерал-капитаны. Вышестоящим апелляционным органом был Совет по делам Индий, но из-за удаленности решения аудиенсиас были фактически окончательными.

Злоупотреблениям со стороны как местных правителей, так и заседателей аудиенсий не было конца, что вынуждало Филиппа II прибегать к жестким мерам для борьбы с nepотизмом и незаконным обогащением. В 1578 г. был издан королевский указ, запрещавший вице-королям и членам аудиенсий жениться на уроженках территорий, находившихся под их юрисдикцией. В 1582 г. это правило стало распространяться на губернаторов, мэров городов и высших полицейских чинов. Заседателям было запрещено приобретать какую-либо недвижимость, включая дома и земельные участки. Проживать они должны были исключительно в помещениях, где размещалась аудиенсия. Строго каралось мздоимство и получение дорогостоящих подарков.

Полномочия вице-королей и аудиенсий нередко пересекались. В результате возникала система взаимной зависимости. Развращенность административного аппарата, перетекавшая из Испании в Америку, приводила к тому, что вице-короли и аудиенсии зачастую вступали в закулисные сделки с целью скрыть допущенные злоупотребления. В результате колониальные власти теряли престиж как среди европейцев, так и среди коренного населения.

Для борьбы с казнокрадством и произволом чиновников самого разного уровня, включая вице-королей и генерал-капитанов, Корона внедрила систему дополнительного контроля за деятельностью управленцев. С этой целью практиковались выездные инспекции, которые подразделялись на целевые (*control de visitas*) и резидентские (*control de residencias*). Целевые инспекции осуществлялись по решению Совета по делам Индий и заключались в командировании за океан специального уполномоченного (имевшего, как правило, юридическую подготовку) для расследования дел в одной конкретной провинции. Высокопоставленный инспектор, которого сопровождали нотариус, секретарь, судебные исполнители и охрана, обладал широкими полномочиями, включая право допрашивать или вызывать в качестве свидетеля всех без исключения служащих. По завершении работы он представлял подробный отчет в Совет по делам Индий, который принимал решения, исходя из представленных рекомендаций.

Резидентские инспекции отличались от целевых тем, что проверке со стороны специальных уполномоченных подвергался широкий круг лиц в пределах целого вице-королевства или генерал-капитанского округа. Повышенное внимание уделялось деятельности тех чиновников, которые покидали свой пост, включая вице-короля, генерал-капитана и членов аудиенсий. В ходе резидентских проверок служащим было запрещено подавать в отставку. Инспекция включала две части: конфиденциальную и публичную. На первом этапе королевские уполномоченные знакомились с конфиденциальными досье, жалобами и доносами. В ходе публичных слушаний озвучивались обвинения в адрес чиновников, заслушивались свидетельские показания и по итогам расследования выносилось решение.

Расследованиям и допросам подвергались как испанцы, так и местные жители. В случае доказательства виновности чиновник мог быть уволен с королевской службы, подвергнут крупному денежному штрафу или конфискации имущества.

Наказания не могли избежать даже самые высокопоставленные лица. В XVII в. состоялся длительный судебный процесс над вице-королем Перу графом Кастельяром (Baltasar de la Cueva y Enríquez, 1674–1678). В качестве свидетелей были вызваны испанцы, креолы, метисы, индейцы из городов Гуаякиль, Кахамарка, Куско, Арекипа, Уанкавелика, Ла-Пас и Оруро. Судебное дело насчитывало 37 тыс. страниц. Граф, признанный виновным по целому ряду обвинений, скончался до завершения процесса, но его вдова была вынуждена выплатить многочисленные штрафы [Bennassar, 2001: 104].

Законодательная база и статус заморских территорий

Корона заботилась о совершенствовании правовой базы системы управления в Новом Свете. За образец было взято законодательство Кастилии, которое было адаптировано к условиям Америки и в 1542–1543 гг. получило наименование Королевские уложения (Provisiones reales). В 1563 г. аудитор Мексики Васко де Пуга (Vasco de Puga, 1523–1576) подготовил свод законов, действовавших в Новой Испании и озаглавленных «Уложения, распоряжения и инструкции по управлению Новой Испанией» («Provisiones, cédulas e instrucciones para el gobierno de la Nueva España»). Несколько лет спустя по распоряжению вице-короля Перу была предпринята попытка создать аналогичный свод уложений применительно к его вице-королевству, но это начинание так и не было реализовано.

В 1596 г. член Совета по делам Индий Диего де Энсинас (Diego de Encinas, 1525–1612) свел в единое целое все законы, нормы и положения, принятые к тому времени в Америке. Этот свод под названием «Уложения, распоряжения, нормативные акты, инструкции и письма» («Provisiones, cédulas, capítulos de ordenanzas, instrucciones y cartas») включал 129 тематических разделов (общее число текстов превышало 3500). В течение многих десятилетий это был основополагающий труд в системе испано-американской юриспруденции. Совет по делам Индий не остановился на достигнутом и под его патронажем в 1681 г. была завершена гигантская работа под названием «Кодекс законов королевств Индий» («Recopilación de Leyes de los reinos de Indias») в 4 томах. По мнению экспертов, это было наиболее полное собрание правовых документов, ставшее в дальнейшем примером для юристов других колониальных держав, прежде всего Франции и Англии.

Первая треть XVII в. отмечена обострением полемики относительно правового статуса американских территорий. Наиболее заметными ее участниками были представители церковных кругов Испании и Америки, а также юристы университетов Саламанки, Лимы и Мехико. В 1623 г. юрист Антонио де Леон Пинело (Antonio de León Pinelo, 1590–1660) опублико-

вал научный труд под названием «Дискурс о важности, форме и содержании свода законов Западных Индий» («Discurso sobre la importancia, forma, y disposición de la Recopilación de Leyes de las Indias Occidentales»), в котором подводил читателей к той мысли, что заокеанские территории обладают собственной правосубъектностью [Cardim, 2017: 329].

В те же годы юридический эксперт Совета по делам Индий Хуан де Солорсано Перейра (Juan de Solórzano Pereira, 1575–1655) в своем труде «Записка и Дискурс о доводах относительно того, почему Королевский Верховный Совет по делам Индий должен быть первостоящим в ходе всех публичных мероприятий» («El Memorial, y Discurso de las razones que se ofrecen para que el Real, y Supremo Consejo de las Indias deva preceder en todos los actos públicos»), изложил аргументы в пользу повышения статусного положения испанской Америки. По его мнению, заокеанские владения благодаря значительному вкладу в укрепление Короны не должны рассматриваться в качестве «покоренных провинций», а вице-королевства следует наделить более широкими правами и полномочиями. Хуан де Солорсано Перейра отстаивал также тезис о том, что американские индейцы не заслуживают уничижительного наименования «покоренные вассалы», а родившиеся за океаном креолы не должны рассматриваться как «подданные второго сорта» в силу того, что у них, как и у иберийских испанцев, есть общие предки — храбрые вестготы. Все эти доводы были отвергнуты руководителями Совета по делам Индий, по мнению которых, вице-королевства Америки располагаются «рангом ниже» европейских королевств. Следовательно, они не имеют права созывать Кортесы, а полномочны лишь организовывать заседания собраний (хунтас), чьи решения носят исключительно рекомендательный характер и не являются юридически обязательными для вице-королей. Королевский двор хотя и следил за дебатами, но свое мнение пытался публично не высказывать. Например, в объемном документе «Большой меморандум» («Gran Memorial», 1624), составленном под руководством графа-герцога де Оливареса (Conde-duque de Olivares, 1587–1645), фаворита короля Филиппа IV (Felipe IV de España, 1621–1665), заокеанским владениям уделен лишь один абзац. В нем, правда, указывается, что «королевства Индий есть то же почти, что и Кастилия» («casi uno en Castilla»). Но это «почти» лишало их статусной конкретики.

С формальной точки зрения в XVI–XVII вв. королевства Индий (reinos de Indias) являлись частью испанской империи. Казалось бы, их статус не должен был быть ниже других владений, в т.ч. в Европе, а жители Нового Света могли по праву именоваться «подданными Его Величества». На практике ситуация была иная. Дело даже не в юридической казуистике, а в том, что король Карл I (Carlos I de España, 1516–1556), занятый борьбой с Реформацией, Францией и Турцией, рассматривал заокеанские колонии скорее как источник доходов для ведения изматывающих войн в Европе, чем как территории, требующие повышенного внимания королевского двора.

Более скрупулезный Филипп II уделял королевствам Индии больше внимания, чем его монарший отец. Но и для него Нидерланды и Италия значили больше, чем Мексика и Перу.

Другим спорным вопросом в дебатах относительно статуса испанских колоний в Западном полушарии стало участие их представителей в заседаниях Кортесов на территории Иберийского полуострова. Уже в начале XVI в. американские муниципалитеты изъявили желание направить своих полномочных представителей в Европу для участия в Кортесах. Впервые на такой шаг отважилось руководство муниципалитета Санто-Доминго в 1518 г. Речь шла о делегировании одного представителя острова — генерального прокуратора (*procurador general*) в Вальядолид для участия в королевских Кортесах. Письменный запрос был направлен Карлу I, который просьбу отклонил. В 1528 г. городской совет Мехико направил королю аналогичную просьбу. После длительных раздумий монарх дал согласие на участие в Кортесах Кастилии не только представителей Мехико, но и ряда других городов континента [Cardim, 2017: 333]. Несмотря на высочайшее согласие, ни один посланец Америки так и не прибыл в Европу. На это было несколько причин. Первая — нехватка времени на подготовку опасной поездки. Вторая — отсутствие денежных средств как на само путешествие, так и на длительное пребывание в Испании (заседания Кортесов иногда продолжались несколько месяцев). Третья — начиная с середины XVI в. главным вопросом повестки дня Кортесов было учреждение дополнительных налогов для финансирования многочисленных войн, которые Карл I и его наследники вели в Европе. По этой причине американские испанцы опасались, что участие их представителей в Кортесах приведет к автоматическому увеличению налогового бремени за океаном.

Отметим, что к концу XVI в. в прошлое уходила воинственная терминология, свойственная документам первой половины XVI в. Например, в Уложении о новых поселениях и открытиях («*Ordenanzas de nuevas poblaciones y descubrimientos*», 1573) слово «завоевание/покорение» (*conquista*) не значит-ся ни разу, а само это понятие было заменено на более нейтральный термин «умиротворение» (*pacificación*). Начиная с последней трети XVII в. слово «завоевание» (*conquista*) порождало все более решительные протесты в колониях, т.к. этот термин подразумевал возможность метрополии использовать силу и неограниченную власть применительно к местному населению. При этом представители креольской знати публично заявляли, что они уже не являются «покоренными вассалами» (*vasallos conquistados*) короля.

Отношение испанцев к коренным народам непосредственно влияло на формирование системы органов власти. Конкистадоры, отважные и алчные авантюристы, умело владевшие оружием, были в своем подавляющем большинстве невежественными и неграмотными людьми. Их преисполняло ощущение собственной этнической исключительности, уверенности в незыблемости тех цивилизационных устоев, которые они несли на осваиваемые

территории. Все это сопровождалось, как правило, презрительно-снисходительным отношением к покоренным народам. Для многих конкистадоров провести разделительную, т.е. дискриминационную линию казалось просто: есть привилегированная каста — европейцы, а есть индейцы — люди второго сорта. Однако в отношении индейцев в дальнейшем возникли научно-теологические споры: можно ли туземцев, не обращенных в христианство, считать людьми. Спор был нешуточный, и мнения разделились.

Конкистадоры и индейцы

Колониальная экспансия привела к появлению новых статусных категорий, прежде всего в деноминации коренных жителей. Их стали именовать «покоренные» (*sometidos*). Наименование «вассал» (*vasallo*) сохранилось, но было применимо только к лицам или группам людей, признающих над ними королевскую власть и обладающих собственными правами и привилегиями. Бином сеньор — вассал сохранился как традиционный статус феодальных взаимоотношений того периода. Статус сеньора и вассала был понятен и приемлем в тогдашнем обществе. Появление «покоренных» стало нововведением, подразумевавшим их принудительное подчинение королевской власти, т.е. покоренные были гораздо ближе к категории рабов, чем вассалов. В 1588 г. в своем трактате, посвященном вопросам Америки, каталонский юрист Марти Жоан Франкеса (*Martí Joan Franquesa*, первая половина XVI в. – 1588 г.) наделил индейцев Америки уничижительным статусом «покоренные вассалы» («*vasallos de conquista*») [Cardim, 2017: 322].

Креолы

Следствием смешанных браков испанцев с европейскими женщинами, индианками и несколько позже с негритянками (более 80% испанцев, переселившихся в Новый Свет в XVI–XVII вв., были мужчинами) стало возникновение новых этносоциальных категорий населения, в частности креолов. Следует признать, что термин «креол» (*criollo*) весьма аморфен, т.к. изначально в Америке так именовали родившихся там «чистокровных» потомков европейцев, противопоставляя их прибывающим из Европы «новичкам» — чиновникам, военным, колонистам. Однако в дальнейшем в категорию креолов стали произвольно включать представителей различных общностей смешанного происхождения, в т.ч. метисов, мулатов, квартеронов². Усложнило этносоциальную мозаику неоднозначное восприятие

² Criollo. Diccionario enciclopédico ilustrado Sopena. (en 5 tomos). Tomo 2. Barcelona. Editorial Ramón Sopena, S.A. 1977. P. 1172.

креолов в Бразилии и Вест-Индии, где это наименование получили потомки негров-рабов³. Интересные цифры приводят эксперты. Например, в 1514 г. в Санто-Доминго проживали 689 испанцев, из которых в законном браке состояли 171. Причем 107 были женаты на испанках, а 64 — на индианках [Bennassar, 2001: 193]. Объединительным началом для их потомков стало не только европейское происхождение (как правило, по отцовской линии), но также католическая религия и испанский язык. Из этого слоя населения в дальнейшем вышла значительная часть землевладельцев, они пополняли ряды колониальной интеллигенции, административного аппарата, церкви и армии. Формально испанцы метрополии и колоний имели равные права, но креолы в XVI–XVII вв. в редких случаях допускались к высшим военным и гражданским должностям.

В первой половине XVI в. креолы смиренно признавали свою зависимость от европейских монархов. Однако в дальнейшем они становились все более заметной финансовой и политической силой, стремящейся уподобиться в статусном плане жителям итальянских королевств. Так, в 1567 г. вице-король Новой Испании маркиз де Фальсес (Gastón de Peralta, 1566–1567) информировал кабильдо города Мехико о намерении Короны организовать городскую ассамблею для обсуждения ряда злободневных вопросов. Горожане-креолы дали жесткий ответ, заявив, что примут участие в ассамблее только в том случае, если Новой Испании будут дарованы такие же полномочия и привилегии, какими обладают Неаполитанское и Сицилийское королевства. Как и ожидалось, королевский двор отказался принять эти условия. Креолы стремились возвысить статус колоний, что, по их мнению, должно было придать им дополнительный политический вес и влияние. С течением времени эти требования становились все более энергичными и вылились в начале XIX в. в масштабную вооруженную борьбу за независимость.

* * *

В XVI–XVII вв. Испания (наряду с Португалией) представляла собой крупнейшую в мире колониальную державу. Испанцы были первопроходцами не только в плане освоения новых территорий, но и формирования там систем управления. В дальнейшем к их опыту внимательно присматривались французские и британские колонизаторы.

Испанские владения в Америке в XVI–XVII вв. справедливо именовать колониями, т.к. они не обладали политической самостоятельностью и по своему реальному положению стояли ниже габсбургских владений в Европе, в частности нидерландских и итальянских, которые по ряду экономических показателей превосходили даже саму метрополию.

³ Креолы. Латинская Америка. Энциклопедический справочник (в 2 томах). Том 2. Москва. «Советская энциклопедия». 1979. С. 64.

Испанский колониализм сопровождался ущемлением прав коренного населения, насаждением чуждой культуры, религии, языка и обычаев. Идеологической основой являлся во многом лицемерный просвещенческий мессианиззм, во главу которого было поставлено обращение коренных народов в католицизм.

По типу управления, заселения и хозяйствования колонии принято подразделять на переселенческие и сырьевые. Испанские владения было бы правильнее характеризовать как смешанные, т.к. налицо были признаки и первого, и второго типов.

Корона правила своими владениями в унитарной форме через систему местных органов власти. При этом каждое колониальное образование имело свою администрацию и собственные правовые нормы, основывавшиеся на кастильском законодательстве, королевских указах и распоряжениях высших административных органов. В результате единство империи не означало единообразия. Более того, до сих пор не утихают споры относительно политического устройства и правового статуса как испанских колоний за океаном, так и южноамериканских владений Португалии, оказавшихся в результате династической унии под властью испанских монархов (1580–1640).

На первоначальном этапе у испанцев отсутствовал долгосрочный план административного обустройства захваченных территорий. Приоритет отдавался решению сиюминутных задач, где зачастую преобладала импровизация. В результате в XVI–XVII вв. на обширном пространстве заокеанских владений Испании действовали разнородные структуры, наделенные не всегда четко обозначенными полномочиями. В силу этого отдельные авторы характеризовали ситуацию того периода как юридический плюрализм. Структура административного управления соответствовала строю испанской абсолютной монархии. Высшая власть принадлежала вице-королю или генерал-капитану, которым были подчинены губернаторы провинций. Важную роль в системе колониального управления на местах стали играть муниципалитеты, создававшиеся по подобию городских муниципалитетов Кастилии. В индейских общинах испанцы внедряли систему выборных старейшин и поселковых старост.

В течение XVI–XVII вв. административный аппарат в испанских владениях подвергался постоянным изменениям, которые, однако, не носили принципиального характера. Стремясь выстроить систему власти, аналогичную кастильской, колонизаторы воспроизводили (наряду с удачными начинаниями) все ее дефекты и пороки. Не в полной мере учитывались племенные традиции индейцев, которых фактически заставляли копировать властные структуры завоевателей.

В первые же годы XVI в. Корона озаботилась учреждением административных органов, ответственных за ведение мореходства и торговли с заморскими территориями. Эти вопросы были возложены на созданную

в 1503 г. Торговую палату. Первым шагом на пути формирования руководящего управленческого аппарата в Новом Свете стало учреждение Совета по делам Индий, ставшего на долгие годы ключевым политико-административным и судебным органом.

Злоупотребления со стороны чиновников разных уровней вынуждало Корону прибегать к формированию надзорно-административных органов на местах (в частности, аудиенсиас), жестким мерам для борьбы с nepотизмом и незаконным обогащением путем организации выездных инспекций.

Колониальная экспансия привела к появлению новых статусных категорий, прежде всего в деноминации коренных жителей. Их стали именовать «покоренные». Наименование «вассал» сохранилось, но было применимо только к лицам или группам людей, признающих над ними королевскую власть и обладающих собственными правами и привилегиями. Появление «покоренных» стало нововведением, подразумевавшим их принудительное подчинение королевской власти.

В последние десятилетия XVII в. отмечался застой в экономике и политической жизни Испании. В то время как Голландия, Франция и Англия приступили к масштабным изменениям в обществе и государственном управлении, Испания жила по старинке. Закостенелость бюрократического аппарата, сформированного при правлении Карла I и Филиппа II, привела к деградации государственной системы управления, что негативно сказывалось на положении колоний. Очевидными изъянами страдало централизованное руководство и управление. Это привело к тому, что в результате распада колониальной системы Испании в первой трети XIX в. в Америке образовалось несколько десятков независимых государств. Причем ни язык, ни религия, ни общая история не стали объединяющими факторами для латиноамериканских народов.

Список литературы / References

Альтамира-и-Кревеа Р. (1951) *История Испании (в 2 томах)*. Т. 2., Москва, Из-во иностранной литературы, 364 с.

Altamira y Crevea R. (1951) *Istorija Ispanii (v 2 tomah)*. Т. 2. [History of Spain (in 2 volumes). Vol. 2.], Moscow, Iz-vo inostrannoj literatury, 364 p. (In Russian)

Боровков Д.А. (2021) *Карл V Габсбург: последний император Средневековья*, Москва, «Русская панорама», 576 с.

Borovkov D.A. (2021) *Karl V Gabsburg: poslednij imperator Srednevekov'ja* [Charles V Habsburg: The Last Emperor of the Middle Ages], Moscow, «Russkaja panorama», 576 p. (In Russian)

Торкунов А.В., Наринский М.М. (ред.) (2023) *История международных отношений: В трех томах: Учебник. Том I*, Москва, Издательство «Аспект Пресс», 400 с.

Torkunov A.V., Narinsky M.M. (eds.) (2023) *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: V treh tomah: Uchebnik. Tom I* [History of International Relations: In Three Volumes: Textbook. Volume I], Moscow, Izdatel'stvo «Aspekt Press», 400 p. (In Russian)

Эллиот Дж. (2023) *Испанская империя. Мировое господство династии Габсбургов. 1500–1700 гг.*, Москва, Центрполиграф, 415 с.

Elliott J. (2023) *Ispanskaja imperija. Mirovoe gospodstvo dinastii Gabsburgov. 1500–1700 gg.* [Spanish Empire. World domination of the Habsburg dynasty. 1500–1700], Moscow, Centrpoligraf, 415 p. (In Russian)

Bennassar B. (2001) *La América española y la América portuguesa. Siglos XVI–XVIII* [Spanish America and Portuguese America. XVI–XVIII centuries], Madrid, Ediciones AKAL, S.A., 280 p. (In Spanish)

Cardim P. (2017) *Portugal y la Monarquía Hispánica (1550–1715)* [Portugal and the Spanish Monarchy (1550–1715)], Madrid, Marcial Pons, Ediciones de Historia, S.A., 459 p. (In Spanish)

de la Cierva R. (1997) *Historia total de España* [Total history of Spain], Toledo, Editorial Fénix. Serie Máxima, 1104 p. (In Spanish)

García de Cortázar F., González Vesga J.M. (2012) *Breve historia de España* [Brief history of Spain], Madrid, Alianza Editorial, 853 p. (In Spanish)

Rabaçal P. (2012) *100 datas que fizeram a história de Portugal. Todo o que precisa saber* [100 dates that made the history of Portugal. Everything you need to know], Barcarena, Editora Marcador, 427 p. (In Portuguese)

Terrero J., Reglá J. (2003) *Historia de España. De la prehistoria a la actualidad* [History of Spain. From prehistory to the present day], Barcelona, Editorial Optima, 465 p.

Типология диалога культур в Латинской Америке в концепции Леопольдо Сеа

© Масалова О.А., 2023

Ольга Алексеевна Масалова, канд. ист. наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. 420008, Казань, улица Кремлевская, 18
ORCID: 0000-0001-6176-4168 E-mail: omasalova@mail.ru

Аннотация. Проблема диалога культур становится одной из центральных в XX–XXI вв. Разработка теории диалога культур, типов диалогических связей, определение его характеристик и региональной специфики стали основными исследовательскими компонентами в самых разных сферах социогуманитарного знания. Латинская Америка оказалась тем самым культурным ареалом, где вышеназванные составляющие проявились наиболее ярко. Данная работа посвящена рассмотрению одного из важнейших сюжетов в концепции латиноамериканской культуры мексиканского мыслителя Леопольдо Сеа. Его «проектный подход» к истории и культуре Латинской Америки, а также изучение основных участников диалога культур способствовали разработке типологии диалогических связей в культуре Латинской Америки. Типы диалогических отношений напрямую оказались связаны с историко-культурным контекстом латиноамериканского региона и находят свое воплощение в конкретных памятниках культуры и искусства.

Ключевые слова: диалог культур, типология диалога культур, Латинская Америка, Леопольдо Сеа, культура как проект

Для цитирования: Масалова О.А. (2023) Типология диалога культур в Латинской Америке в концепции Леопольдо Сеа. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 108–123. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-108-123

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Tipología del diálogo de culturas en América Latina en el marco del concepto de Leopoldo Zea

© Masalova O.A., 2023

Olga A. Masalova, PhD (Historia), Profesora Titular del Departamento de Patrimonio Cultural Mundial del Instituto de Relaciones Internacionales de la Universidad Federal de Kazán (Región del Volga). 420008, Rusia, Kazán, calle Kremlevskaya, 18
ORCID: 0000-0001-6176-4168 E-mail: omasalova@mail.ru

Resumen. El problema del diálogo entre diversas culturas se convierte en uno de los centrales en los siglos XX y XXI. El desarrollo de la teoría del diálogo de culturas, los tipos de conexiones dialógicas, la determinación de sus características y las particularidades regionales se han convertido en los principales componentes de la investigación en varias esferas de las ciencias humanitarias. América Latina resultó ser precisamente el área cultural donde los componentes arriba mencionados se manifiestan de modo especialmente relevante. Esta entrevista basada en las investigaciones de la autora, está dedicada a la consideración de uno de los temas más importantes en el concepto de la cultura latinoamericana elaborado por el pensador mexicano Leopoldo Zea. Su «enfoque de proyecto» hacia la historia y la cultura de Latinoamérica, así como el estudio de los principales actores que participan en el diálogo de culturas, contribuyeron al desarrollo de una tipología de conexiones dialógicas culturales de América Latina. Los tipos de relaciones dialógicas resultaron estar directamente relacionados con el contexto histórico y cultural de la región latinoamericana y están presentes en distintas obras de cultura y arte.

Palabras clave: diálogo de culturas, tipología del diálogo de culturas, América Latina, Leopoldo Zea, cultura como proyecto

Para citar: Masalova O.A. (2023) Tipología del diálogo de culturas en América Latina en el marco del concepto de Leopoldo Zea, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 108–123. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-108-123

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Typology of Dialogue of Cultures in Latin America in the Concept of Leopoldo Zea

©Masalova O.A., 2023

Olga A. Masalova, PhD (History), Associate Professor of the Department of World Cultural Heritage of the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University.
420008, Russia, Kazan, Kremlevskaya street, 18
ORCID: 0000-0001-6176-4168 E-mail: omasalova@mail.ru

Abstract. The problem of dialogue between cultures becomes one of the central ones in the 20th and 21st centuries. The elaboration of the theory of dialogue of cultures, types of dialogical connections, identification of its characteristics and regional specifics have become the main research components in various fields of socio-humanitarian knowledge. Latin America turned out to be the cultural area where the above components were most vividly reflected. This work seeks to examine one of the most important subjects in the concept of Latin American culture by the Mexican thinker Leopoldo Zea. His «project approach» to the history and culture of Latin America, as well as the study of the main participants in the dialogue of cultures, contributed to the development of a typology of dialogic connections in the culture of Latin America. The types of dialogical relationships turned out to be directly related to the historical and cultural context of the Latin American region and are embodied in specific works of culture and art.

Keywords: dialogue of cultures, typology of Dialogue of Cultures, Latin America, Leopoldo Zea, culture as a project

For citation: Masalova O.A. (2023) Typology of Dialogue of Cultures in Latin America in the Concept of Leopoldo Zea, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 108–123. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-108-123

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В контексте проведенной в ноябре в МГИМО научной конференции «Ибероамерика: Общество. Культура. Язык» мы взяли интервью у Ольги Масаловой, кандидата исторических наук, доцента кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, члена редколлегии нашего журнала. Беседу вела главный редактор «Ибероамериканских тетрадей» Елена Астахова.

— *Ольга Алексеевна, вы являетесь автором целого ряда работ по истории культуры Латинской Америки, культурному наследию латиноамериканского региона, его сохранению и презентации. Давайте поговорим о злободневных вопросах теоретического осмысления культурной специфики Латинской Америки. Эти вопросы в наши дни приобретают особое звучание на фоне растущей суверенизации стран континента, возврата к национальным корням, интереса к доколумбовым цивилизациям. Большое значение имеет изучение латиноамериканской мысли второй половины XX – начала XXI в. о проблеме диалога культур, представленной в концепции известного мексиканского философа Леопольдо Сеа. Но сначала расскажите: как вы заинтересовались данной проблематикой?*

— Если честно, то изучением культуры Латинской Америки я занялась совершенно случайно. Меня очень интересовали, как и многих других, проблемы межкультурного взаимодействия, мультикультурализма, диалога культур. А регионом, где очень ярко проявлялись данные процессы, была Латинская Америка. Из всех научных трудов по данному вопросу, на которые часто ссылались в российской латиноамериканистике, был труд мексиканского ученого Леопольдо Сеа (Leopoldo Zea Aguilar, 1912–2004) «Философия американской истории. Судьбы американской истории» («Filosofía de la historia americana», 1978). И мне было предложено изучить, как проблема диалога культур представлена в его трудах. Итогом этого «любопытства» стала кандидатская диссертация.

— *Помимо тематики теоретического осмысления культуры стран Латинской Америки у вас опубликовано много работ по истории культуры и сохранению культурного наследия. Как это связано с вашим первоначальным интересом к латиноамериканской истории идей?*

— Напрямую. Это многоуровневый механизм взаимодействия. С одной стороны, научное наследие Леопольдо Сеа на данный момент является научным и культурным наследием не только Мексики или Латинской Америки, но всей мировой латиноамериканистики [Saladino, Santana, 2003]. С другой стороны, тот научный подход к истории и культуре Латинской Америки, который он разработал, является одним из самых работающих методологических инструментов, объясняющих логику развития латиноамериканского пространства. В-третьих, все современные процессы, связанные с вопросами сохранения культурного наследия Латинской Америки, от деятельности

ЮНЕСКО до музейно-выставочных проектов как в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, так и по всему миру, опираются на различные аспекты концепции Леопольдо Сеа, на разработанную им терминологию.

— Почему именно проблема диалога культур стала объектом вашего научного интереса?

— Это не только мой личный научный интерес, но и особый вектор развития научного знания, сформировавшийся во второй половине XX в. Интерес к изучению истории зарубежных историко-культурных исследований обуславливается сменой парадигмы, что выразилось, в частности, в отказе от европоцентризма. Европоцентристский подход сформировался в период господства колониальной системы, приведшей к жесткому противопоставлению категорий «западный» (в смысле европейский) — «не западный». После краха колониальной системы, как утверждал Леопольдо Сеа, «европоцентристский монолог должен уступить место диалогу» [Сеа, 1983: 31]. Диалогический подход должен был способствовать объективной оценке культурно-исторической ситуации в условиях, когда типологически различные культуры XX в. втягиваются в одно временное и духовное пространство, когда «культуры Европы, Азии, Америки “толпятся” в одном и том же сознании; и их никак не удастся расположить по восходящей линии (выше — ниже, лучше — хуже)» [Библер, 1989: 32]. Во второй половине XX в. активизируются исследования в области культуры, в том числе в изучении вопросов, относящихся к проблемам диалога культур. Изучение диалога культур имеет особое значение для латиноамериканского региона, культура которого сформировалась в результате многовекового взаимодействия автохтонного (индейского) и европейского (иберийского) начал.

— Почему же все-таки концепция Леопольдо Сеа?

— Леопольдо Сеа — выдающийся мексиканский ученый, историк культуры, философ; он создал уникальную концепцию культурно-исторической самобытности Латинской Америки. Центральной темой творчества Л. Сеа стало осмысление культурно-исторической «миссии», выпавшей на долю каждого участника взаимодей-

Леопольдо Сеа. 1912–2004

Майянские танцоры и музыканты. Фреска.

Бонампак, VIII век

ствия Нового и Старого Света, что позволяет раскрыть сущность и характер наличествующей (и еще формирующейся) культуры латиноамериканского континента. В культуре стран Латинской Америки самым тесным и невероятным образом переплелись, казалось бы, несочетаемые элементы иберо-христианской, индейской и африканской культур. В результате такого смешения родился качественно новый, уникальный историко-культурный мир, отличающийся многообразием и самобытностью.

— Какие работы Леопольдо Сеа вы могли бы назвать ключевыми в изучении диалога культур и его типологии?

— В целом ряде работ Л. Сеа обсуждает конкретные вопросы, связанные с истолкованием исторического развития Латинской Америки как смены «проектов»: «Америка в истории» («América en la historia», 1957), «Философия американской истории» («Filosofía de la historia americana», 1978), «Латиноамериканская философия и культура» («Filosofía y cultura latinoamericanas», 1976), «От романтизма к позитивизму в Латинской Америке» («Dos etapas del pensamiento en Hispanoamérica: del romanticismo al positivismo», 1949) [Zea, 1970; Cea, 1983; Zea, 1976; Cea, 1960; Cea, 1982]. Отдельно можно назвать труды, посвященные различным аспектам диалогического понимания латиноамериканской культуры: «Споры о маргинальности и варварстве» («Discurso desde la marginación y la barbarie», 1988), «Латинская Америка и мир» («América Latina y el mundo», 1965), [Zea, 1990; Zea, 1965; Cea, 1992].

Накануне 1992 г. в связи с 500-летием «открытия Америки» появились публикации ученого о специфике развития латиноамериканского континента в результате меж-

Майяпан — постклассический город майя на полуострове Юкатан

И.К. Айвазовский. Высадка Христофора Колумба с товарищами на трех шлюпках в пятницу 12 октября 1492 года на рассвете на американском острове, названом Сан-Сальвадор им в тот же день. 1892

культурного контакта: «Что нам делать с пятисотлетием?» («Qué hacer con quinientos años», 1988), «Пятьсот лет истории в осмыслении и проекциях» («Quinientos años de historia, sentido y proyección», 1991) [Zea, 1988; Zea, 1991, Sea, 1985] и др.

— *А как латиноамериканское научное сообщество относится к наследию Леопольдо Сеа?*

— По-разному. При жизни ученого — это полемика и критика... [Gómez-Martínez, 1997]. Но в первую очередь — признание важности того вопроса, которому он посвятил всю свою жизнь. Латиноамериканские исследователи прежде всего обращали внимание на основополагающие характеристики латиноамериканской культуры, выделенные Л. Сеа, — культурно-историческую метисацию и межкультурную границу, обеспечивающие диалогичность культуры Латинской Америки. Значимым исследованием творчества Л. Сеа является работа Р. Форнет-Бетанкура «О Леопольдо Сеа» («Für Leopoldo Zea. Para Leopoldo Zea», 1992). По мнению Р. Форнета-Бетанкура, Л. Сеа является «глыбой», символизирующей процесс интеллектуального осмысления латиноамериканской культуры, становление и последующее развитие которой проходит в рамках диалога культур [Fornet-Betancour, 1992].

Одним из первых российских исследователей, обратившихся к культурно-исторической проблематике творчества Л. Сеа, стал Яков Георгиевич Шемякин. В ряде своих работ он анализирует роль Л. Сеа в изучении типологического сходства латиноамериканской и российской цивилизаций. При анализе культурно-исторических артефактов латиноамериканской культуры Я.Г. Шемякин использует терминологию Л. Сеа («проект»), продолжает развивать идеи «пограничности» латиноамериканской культуры и др. В хрестоматии Б.С. Ерасова «Сравнительное изучение цивилизаций» (1999) был опубликован фрагмент текста Л. Сеа из книги «Споры о маргинальности и варварстве» в переводе Я.Г. Шемякина с комментариями к данному тексту¹.

— *А что из себя представляет категория «диалога культур» и каковы подходы к ее рассмотрению?*

— «Диалогу культур» в качестве синонимов соответствуют понятия «взаимодействие культур», «преемственность культур», «межкультурная коммуникация», а также целый ряд определений, производных от них. Кроме того, можно обнаружить еще один ряд терминологических вариантов, посредством которых символически (или через метафоры) представлены следующие диалогические ситуации-оппозиции: «Я — Оно», «свой — чужой/другой», «Я — Текст», «Восток — Запад».

¹ Ерасов Б.С. (сост.) Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Москва. Аспект Пресс. 1999. 555 с.

В зависимости от акцентов, смыслового наполнения понятия «диалог культур» можно выделить несколько подходов к его рассмотрению; эти подходы условно можно определить как социологический, антропологический, философский и историко-культурный.

Историко-культурный подход является наиболее значимым. Именно в историко-культурных исследованиях чаще всего наравне с понятием «диалог культур» используются понятия «межкультурный диалог» и «культурно-историческое взаимодействие» (как равноценные). Этот подход в основном нацелен на взаимодействие полярных культурно-исторических миров (например, Запад — Восток, язычество — христианство, традиция — инновация), на выявление типов диалогических связей и на обнаружение результатов реализации диалога культур. Диалог Запада и Востока в самом широком смысле этого слова (например, диалог западной и незападной культур) — это есть опыт преодоления чужого и чуждого для каждой из сторон. Проблема диалога Запада и Востока может разворачиваться в следующих сферах: психологической, этнокультурной, исторической, общекультурной (ментальной и художественной).

— *Внимание экспертов привлекает изучение типологий диалога культур, характер межцивилизационного взаимодействия. Существует ли напряжение между культурами или, наоборот, в наше время оно ослабевает? И кто в отечественной латиноамериканистике занимается этими вопросами?*

— Особый интерес среди новейших вариантов типологий диалогических отношений, предложенных отечественными историками, представляют исследования Я.Г. Шемякина. Вслед за европейскими постмодернистами он полагает, что на мироощутительном, ментальном, ценностном уровне имеется тенденция к преодолению напряжения между культурами; наличествует (нарастает?) диалог, полное принятие всего, что существует. В результате такого диалога с «чужим», с «иным», с «Оно» человек приходит к осознанию границ (возможности выхода за границу) собственного существования, к более полному пониманию самого себя.

Исходным пунктом формирования типологии диалогических отношений для Якова Георгиевича стало определение специфики взаимодействия: «Характер взаимоотношений вступивших в контакт миров был обусловлен первоначально качественным отличием способов разрешения фундаментальных противоречий человеческого бытия, характерных, соответственно, для иберийской Европы и доколумбовой Америки» [Шемякин, 2004: 21]. Он выделяет несколько типов существования такого межцивилизационного (межкультурного) взаимодействия или диалога культур: это отрицание, симбиоз и синтез.

— Тогда в чем именно специфика концептуального подхода к проблеме диалога культур у Леопольдо Сеа? В чем конкретно выражался его взгляд на инаковость историко-культурного процесса в Латинской Америке?

— Л. Сеа истолковывает историю, а соответственно и культуру как результат реализации «проекта». Понятие «проект» в данном контексте введено в научный оборот самим Л. Сеа. Он понимает под ним некую совокупность идей, принципов, вариантов решений, предложенных для переустройства латиноамериканской действительности в различные периоды становления латиноамериканской культурно-исторической целостности. Таких «проектов» в истории Латинской Америки, по мнению Л. Сеа, было несколько.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее об этих проектах и их характеристиках.

— Первый «проект» — это европейский христианский проект XVI в., оправдывавший первую волну экспансии, т.е. непосредственное открытие Нового Света и последовавшие за ним события.

Второй «проект» — латиноамериканский «проект» освобождения, или либертатный «проект» XVII–XIX вв., имевший несколько модификаций, что включало выбор последующего пути развития: либо копировать европейский мир, либо создавать нечто новое, «чуждое настоящее», а точнее, идти по модели развития Соединенных Штатов Америки.

Ацтеки готовят напиток

И, наконец, третий «проект» — «проект» самообретения Латинской Америки в XX в., что особенно актуально в наше время. Страны континента «заменяют реальность зависимости на реальность свободы».

Эти три историко-культурных «проекта» различаются по степени участия в них самих латиноамериканцев. Первый «проект» им был навязан извне; второй «проект» допускал возможность выбора; третий «проект» является собственно латиноамериканским.

Практически все исследователи творческого наследия Л. Сеа констатируют, что, по его мнению, на формирование «проектов» историко-культурного развития региона сильнейший отпечаток накладывают исторически обусловленные представления европейского мира об Америке. В процессе перебора «проектов» «латиноамериканец стремится совершить скачок от собственного, отторгаемого им опыта как якобы неаутентичного и чуж-

дого к образцам действительно чужого опыта, который ему незнаком и им не испытан. Это страстная, но безнадежная попытка латиноамериканца отвергнуть собственное прошлое в надежде пересоздать себя в соответствии с чуждым ему настоящим, то есть настоящим, которое принадлежит другим людям и народам!».

— Возвращаемся к теме нашего разговора: типология диалога культур. Мировая гуманитарная наука обозначила значительное число подходов к типологизации культур и цивилизаций, к типологии межкультурных контактов. В чем уникальность подхода Леопольдо Сеа? И в чем состоит интерпретация его наследия?

— Л. Сеа рассматривал типологию диалога культур сквозь призму специфики латиноамериканского сознания, сформулированного им как «философия латиноамериканской сущности» (*la filosofía de lo latinoamericano*). В этом контексте выстраивается анализ латиноамериканского понимания категории «Другой» (*El Otro / Alteridad*), изучение основных типов участников диалога культур в Латинской Америке. «Философия латиноамериканской сущности» рассматривается через характер основных черт латиноамериканской культуры: маргинальность, пограничность, дихотомия «цивилизация — варварство», «традиции — инновации», «локальное — универсальное».

В 2003 г. в сборнике, посвященном 90-летию Л. Сеа «Взгляд на Латинскую Америку: чествование Леопольдо Сеа», были опубликованы статьи, авторы которых анализируют различные аспекты диалога культур в интерпретации Л. Сеа. Открывает этот сборник статья Х. Гомеса-Мартинеса «В диалоге с Леопольдо Сеа: о философии освобождения». Здесь речь идет об ином значении категории «Другой» — *Alteridad*. Но каждый из вышеперечисленных аспектов — это отдельная тема для разговора.

— Как Леопольдо Сеа интерпретирует «открытие Америки», тему, которая в настоящее время активно присутствует в латиноамериканском медийном, политическом и научном пространстве?

— Ситуацию «открытия Америки» Х. Колумбом Л. Сеа разделяет на три компонента. Первый — сам факт открытия, который определяется «не как долгожданная встреча, а как гигантская заминка истории».

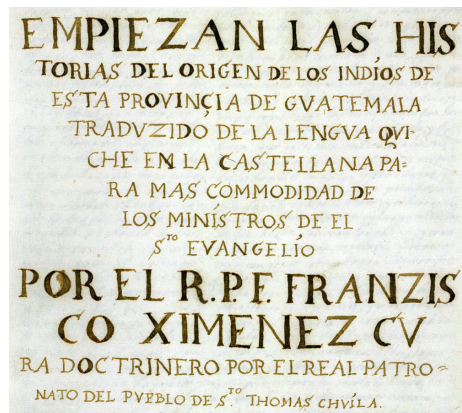
Второй аспект — непосредственное следствие контакта двух историко-культурных миров (иберио-европейского и автохтонного), получившее у Л. Сеа название «сокрытие» — *encubrimiento*, ибо Испания и другие европейские страны, участники колонизации, «скрыли» оригинальную культуру, наложив на нее свое видение развития мира.

Третья составляющая, выделенная Л. Сеа, — «встреча культур», т.е. направление, которое станет вектором последующего историко-культурного развития Латинской Америки.

Сферой особых интересов Л. Сеа являются взаимоотношения основных участников «открытия — сокрытия — встречи» на американской земле. Эти участники — «испанец», «индеец», «метис» — были наделены определенным набором культурных ценностей и этническими, психологическими, культурными и конфессиональными особенностями.

— Как реализовывался культурно-исторический диалог в упомянутых вами проектах латиноамериканской культуры?

— В первом «проекте», определяемом Л. Сеа как «дискриминация», господствующую роль играет *отрицание*. Отрицается все, что не соответствует европейским представлениям и европейской культурной традиции.

Заглавная страница манускрипта
Пополь-Вух. XVIII век

Испанцы уничтожают идолов
мексиканских индейцев²

Во втором «проекте», «сопоставлении», в силу вступает *симбиоз*. То есть сосуществование индейского и европейского образов жизни. В качестве примера здесь можно привести «библию» индейцев-кечуа «Пополь-Вух», написанную на испанском языке испанским священником, зафиксировавшим индейскую устную мифологическую традицию. Или же знаменитое произведение Инки Гарсиласо де ла Веги (Inca Garcilaso de la Vega, 1539–1616) «История государства инков» («Comentarios Reales de los Incas», 1609), в котором на протяжении всего повествования переплетаются индейский мифологический комплекс, европейская литературная традиция XVII в. и происходит постоянная апелляция к имени Бога и Иисуса Христа.

² Иллюстрация из книги Бенсона Джона Лоссинга «Our Country. A Household History for All Readers, from the Discovery of America to the Present Time». Нью-Йорк, 1877 год. — Прим. ред.

Обложка книги «Всеобщая история Перу», второй книги серии «История государства инков» Инки Гарсиласо де ла Веги. 1617

Начиная с 30-х гг. XVII в. можно говорить о синтезных объектах в сфере конфессиональной: это и иная интерпретация христианских символов (соотношение индейского и христианского летоисчисления, крест Кецалькоатля, образ Троицы), это и возникновение новых сакральных образов, «мифо-образы нового типа» (Дева Мария Гваделупская — Nuestra Señora de Guadalupe — как мать и королева Американской Земли и Иисус Христос Страдающий, покровитель всех обездоленных). Наконец, одним из знаковых проявлений *синтеза* является создание нового типа культового здания, который известен как стиль «ультрабарокко» [Тананаева, 2023]. На третьем этапе развития латиноамериканской культуры, который выделяет Л. Сеа (проект культуры как *проблемы*), именно историко-культурный *синтез* является определяющим. В XX в. весь мир узнает о феноменах латиноамериканской культуры, возникших в результате трехвековой этнокультурной метисации.

Итак, *синтез* — господствующий тип взаимодействия культур в Латинской Америке. В то же время было обнаружено параллельное сосуществование элементов всех типов диалогических отношений (*отрицание, симбиоз, синтез*) на каждом этапе латиноамериканской истории. Это позволяет говорить о сложности диалогического процесса в Латинской Америке, о том, что синтезные тенденции в культуре не рождаются в ходе прямого линейно-поступательного движения. Тем не менее в итоге здесь формируется подлинный культурно-исторический феномен — своеобразная «метисная» культура, «метисная» во всех ее сферах — от сакральной до интеллектуальной.

— А что вы можете сказать о взгляде Леопольдо Сеа на конкретные историко-культурные результаты диалога культур в Латинской Америке в формате того или иного типа культурного взаимодействия?

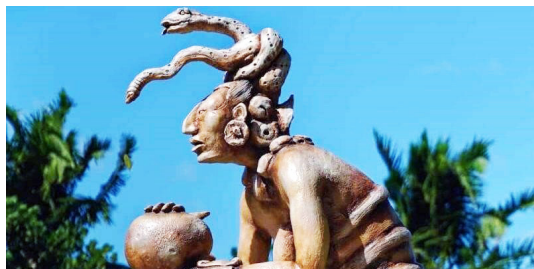
— В колониальный период истории Латинской Америки (конец XV – середина XVIII в.) говорить о культурно-историческом синтезе в целом не приходится. В то время только начинаются и в дальнейшем активно

Фасад католического собора (Basílica de Zacatecas) в штате Сакатекас (Мексика) в стиле ультрабарокко, построен между 1729 и 1760 гг.

развиваются такие процессы, как этническая метисация [Gómez-Martínez, 1994] (повлекшая за собой культурную метисацию), политическое самоопределение региона, формирование самобытных культурных традиций. Скорее всего, диалогические отношения в этот период можно определить как *отрицание* (в процессе открытия и на начальном этапе освоения континента) и *симбиоз* (параллельное существование двух историко-культурных компонентов — иберо-христианского и индейского).

Но на наш взгляд, даже в тот период уже присутствовали элементы культурного *синтеза*. Культурная метисация шла параллельно процессу этнической метисации, что можно обнаружить на примере двух глобальных сакральных образов — Иисуса Христа и Девы Марии Гваделупской, существующих исключительно на территории Латинской Америки и являющихся ее определенными символами.

Богиня майя Икшель

Дева Мария Гваделупская

На примере этих двух образов мы можем проследить, как «мыслеобразы», первоначально возникшие в рамках тех или иных объяснительных схем, трансформировались в мифологемы («мифообразы» нового типа) [Шемякин, 2001: 40].

Л. Сеа, к нашему глубочайшему сожалению, не занимался исследованием этих вопросов. Он лишь упоминает о том, что латиноамериканские образы Иисуса Христа и Девы Марии Гваделупской явились результатом диалога культур.

Фокусом мироощутительных традиций в колониальный период была культовая христианская архитектура. Л. Сеа и в данном случае практически не обращается к исследованию этих вопросов, ограничиваясь лишь их констатацией. Он отмечает, что «в барочных церквях до сих пор можно увидеть портретные изображения метисных художников, поражающих своим чувством цвета. И хотя боги майя, ацтеков, инков и других народов официально искоренены, дух их все же виден в различных проявлениях культуры колониального периода» [Сеа, 1977: 6]. Он с сожалением замечает, что «на месте древних храмов возводились христианские церкви, а вместо старых идолов ставили кресты и статую Мадонны или же какого-нибудь святого» [Сеа, 1977: 6]. Это не означает, что Л. Сеа отрицает барочную архитектуру как порождение латиноамериканской культуры, но он негативно относится

Пирамиды ацтеков. Теотиуакан

к политике, проводимой испанскими властями в колониях Нового Света, в результате которой многие индейские храмовые комплексы были практически уничтожены.

Л. Сеа считает, что синтез культур в Латинской Америке характерен прежде всего для двадцатого столетия и проявляется, например, в таких объектах, как монументальная живопись Сикейроса (David Alfaro Siqueiros, 1896–1974), Ороско

(José Clemente Orozco, 1883–1949) и Риверы (Diego Rivera, 1886–1957), литературные произведения Маркеса (Gabriel García Márquez, 1927–2014) и Борхеса (Jorge Luis Borges, 1899–1986), архитектура Нимейера (Oscar Niemeyer, 1907–2012).

В любом случае идеи, связанные с диалогическим пониманием латиноамериканской культуры, предложенные Леопольдо Сеа, помогают исследовать конкретные культурные памятники и культурные процессы, как исторически сложившиеся, так и реализуемые в настоящем.

— Большое спасибо, Ольга Алексеевна, за столь развернутое интервью, за предоставленную нашим читателям возможность вновь обратиться к наследию замечательного мексиканского мыслителя Леопольдо Сеа, рассмотреть аспекты латиноамериканской культуры сквозь призму его методологического подхода. Надеемся вновь встретиться с вами на страницах нашего журнала и прочитать ваши новые исследования в области диалога и соприкосновения культур.

Кафедральный собор Бразилиа.
Архитектор О. Нимейер. 1958–1970

Список литературы / References

Библер В.С. (1989) Культура. Диалог культур (опыт определения), *Вопросы философии*, № 6, с. 31–42.

Bibler V.S. (1989) Kul'tura. Dialog kul'tur (opyt opredelenija) [Culture. Dialogue of cultures (experience of definition)], *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 31–42. (In Russian)

Зеа Л. (1960) От романтизма к позитивизму в Латинской Америке, *Вестник истории мировой литературы*, № 3, с. 12–26.

Zea L. (1960) Ot romantizma k pozitivizmu v Latinskoj Amerike [From Romanticism to Positivism in Latin America], *Vestnik istorii mirovoj literatury*, no. 3, pp. 12–26. (In Russian)

Зеа Л. (1977) Латинская Америка. Путь к самопознанию, *Курьер ЮНЕСКО*, Сентябрь–октябрь, с. 23–28.

Zea L. (1977) Latinskaja Amerika. Put' k samopoznaniju [Latin America. A path to self-discovery], *UNESCO Courier*, September–October, pp. 23–28. (In Russian)

Зеа Л. (1982) Проблемы историко-культурной самобытности Латинской Америки, *Вопросы философии*, № 6, с. 52–58.

Zea L. (1982) Problemy istoriko-kul'turnoj samobytnosti Latinskoj Ameriki [Problems of historical and cultural identity of Latin America], *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 52–58. (In Russian)

Зеа Л. (1983) *Философия американской истории. Судьбы американской истории*, Москва, Наука, 473 с.

Zea L. (1983) *Filosofija amerikanskoj istorii. Sud'by amerikanskoj istorii* [Philosophy of American History. The destinies of American history], Moscow, Nauka, 473 p. (In Russian)

Зеа Л. (1985) Настоящее открытие Америки будет то, которое мы совершим, *Латинская Америка*, № 10, с. 91–96.

Zea L. (1985) Nastojashhee otkrytie Ameriki budet to, kotoroe my sovershim [The real discovery of America will be the one we make], *Latin America*, no. 10, pp. 91–96. (In Russian)

Зеа Л. (1992) Их кровь и культура смешались, *Латинская Америка*, № 2–3, с. 10–12.

Zea L. (1992) Ih krov' i kul'tura smeshalis' [Their blood and culture mingled], *Latin America*, no. 2–3, pp. 10–12. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*, Москва, Наука, 391 с.

Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaja Amerika: Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vsemirnoj istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History], Moscow, Nauka, 391 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2004) Влияние Европы на цивилизационные процессы в Латинской Америке, *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 11–39.

Shemyakin Ya.G. (2004) Vlijanie Evropy na civilizacionnye processy v Latinskoj Amerike [Influence of Europe on Latin America's civilizational processes], *Current problems of Europe*, no. 3, pp. 11–39. (In Russian)

Fornet-Betancour R. (1992) *Für Leopoldo Zea. Para Leopoldo Zea* [For Leopoldo Zea], Aachen, Verlag der Augustinus Buchandlung, 150 p. (In German)

Gómez-Martínez J.L. (1994) «Mestizaje» y «Frontera» como categorías de cultura iberoamericana [«Mestizaje» and «frontera» as categories of Ibero-American culture], *Estudios Interdisciplinarios de América Latina y El Caribe*, pp. 5–19. (In Spanish)

Gómez-Martínez J.L. (1997) *Leopoldo Zea* [Leopoldo Zea], Madrid, Ediciones del Otro, 28 p. (In Spanish)

Saladino A., Santana A. (eds.) (2003) *Visión de América Latina. Homenaje a Leopoldo Zea* [Vision of Latin America. Homage to Leopoldo Zea], México, Instituto Panamericano de Geografía e Historia, FCE, 590 p. (In Spanish)

Tananaeva L.I. Reflexiones sobre el concepto del estilo en el arte colonial de América Latina en los siglos XVI–XVIII [Reflections on the Concept of Style in the Colonial Art of Latin America From the XVIth Through the XVIIIth Century], *Iberoamerican Papers*, no. 2, pp. 49–74. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-2-49-74> (In Spanish)

Zea L. (1965) *América Latina y el mundo* [Latin America and the world], Buenos Aires, EUDEBA, 96 p. (In Spanish)

Zea L. (1970) *América en la historia* [America in history], Madrid, revista de Occidente, 256 p. (In Spanish)

Zea L. (1976) *Filosofía y cultura latinoamericanas* [Latin American philosophy and culture], Caracas, Ediciones del centro de estudios latinoamericanos «Rómulo Gallegos», 228 p. (In Spanish)

Zea L. (1988) *Qué hacer con quinientos años* [What to do with five hundred years], México, Comisión nacional conmemorativa del V centenario del encuentro de dos mundos, 23 p. (In Spanish)

Zea L. (1990) *Discurso desde la marginación y la barbarie* [Discourse from marginalization and barbarism], México, Fondo de cultura económica, 228 p. (In Spanish)

Zea L. (1991) *Quinientos años de historia, sentido y proyección* [Five hundred years of history, meaning and projection], México, Instituto Panamericano de geografía e historia, Fondo de cultura económica, 203 p. (In Spanish)

Африканское начало в культуре Кубы

© Садиков А.В., 2023

Александр Викторович Садиков, канд. филол. наук, профессор кафедры устного перевода ВКИЯ МИД России.

119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Аннотация. Куба — одна из стран Западного полушария, в культуре которой активно действовал на протяжении всей ее истории и продолжает действовать в настоящее время фактор африканского происхождения значительной части ее населения. Этот фактор проявляется во всех главных измерениях духовной жизни народа: в религии — в интенсивном функционировании культа абакуá и других мистических культов африканского происхождения; в музыке — в десятках танцевальных и песенных жанров, среди которых особо выделяется жанр кубинского сона. И, в частности, в творчестве А. Гарсии Катурлы, А. Рольдана и других композиторов, перенесших африканские мелодии и ритмы в мир классической музыки. И, наконец, африканское начало ярко проявилось в кубинской прозе и поэзии — в творчестве А. Карпентьера, Н. Гильена и их последователей.

Ключевые слова: африканский элемент, негры-рабы, тайные сообщества, мистические культы, абакуá, иерархия, ритуал, негризм, мулатская поэзия, кубинский сон

Для цитирования: Садиков А.В. (2023) Африканское начало в культуре Кубы. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 124–143. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-124-143

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Elemento africano de la cultura de Cuba

© Sádikov A.V., 2023

Alexánder V. Sádikov, PhD (Filología), Catedrático del Departamento de Interpretación de Escuela Superior de Lenguas Extranjeras del Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación Rusa. 119200, Moscú, Smolenskaya-Sennaya plaza, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Resumen. Cuba figura entre aquellos países del Hemisferio Occidental cuya cultura estuvo durante toda su historia y continúa en el momento presente bajo la influencia de un poderoso factor, el de origen africano de una importante porción de su población. Ese factor se manifiesta intensamente en los principales dominios de la vida espiritual del pueblo cubano: en la religión donde funcionan activamente el culto abakuá y otros cultos místicos de procedencia africana; en la música, en decenas de géneros de danza y canto, en los que es el más conspicuo el son cubano en sus múltiples modalidades. Y, en particular, en la obra creadora de A. García Caturla, A. Roldán y otros compositores que transplantaron los ritmos y melodías africanas al reino de la música clásica. Y, por último, en la prosa y la poesía cubanas, en las obras de A. Cárpentier y N. Guillén y de sus seguidores.

Palabras clave: elemento africano, negros esclavos, sociedades secretas, cultos místicos, Abakuá, jerarquía, rito, negrismo, poesía mulata, son cubano

Para citar: Sádikov A.V. (2023) Elemento africano de la cultura de Cuba, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 124–143. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-124-143

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

African Element in Cuban Culture

© Sadikov A.V., 2023

Alexander V. Sadikov, PhD (Philology), Professor at Oral Translation Department, Higher School of Foreign Languages, Ministry of Foreign Affairs.
119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Abstract. Cuba is one of those countries of the Western Hemisphere whose culture has been, throughout all of their history, and still is at present, under the influence of a potent factor: that of the African origin of a large portion of their population. This factor has been most active in all main domains of the spiritual life of Cuban people: in religion, in the intense functioning of the Abakuá cult and other mystical cults of African origin; in music, in dozens of genres of dance and song among which the Cuban son is most conspicuous, and, particularly, in the creative works of A. García Caturla, A. Roldán and other composers that transplanted African rhythms and melodies into the realm of classical music. And, finally, the African element is vividly reflected in Cuban prose and poetry, in the works of A. Carpentier, N. Guillén and their followers.

Keywords: African element, black slaves, secret societies, mystical cults, Abakuá, hierarchy, ritual, negrism, mulatto poetry, Cuban son

For citation: Sadikov A.V. (2023) African Element in Cuban Culture, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 124–143. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-124-143

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Из Африки в Америку: язык, ритуалы, верования

Когда зарождается афро-кубинское культурное сообщество? Когда они еще не ступили на землю Кубы. На кораблях работорговцев, перевозивших через океан груз *черного дерева* (т.е. негров-рабов), было принято, разделив невольников на партии, снимать с них поочередно цепи и выводить на палубу, чтобы дать им возможность попеть и потанцевать. Это давало последним психологическую разрядку и уменьшало количество смертей от депрессии и самоубийств; а ведь каждая такая смерть — это убыток для работорговца. В результате уже на корабле возникало некое сообщество людей разного племени, но одной судьбы.

Эти и многие другие детали афро-кубинской эпопеи мы черпаем из классического труда Фернандо Ортиса «Негры-рабы» [Ortiz, 1975]. Напомним, что будущие рабы отбирались из людей обоего пола, сравнительно молодых и здоровых, взятых в плен в ходе межплеменных войн на их родном континенте. Судьба остальных могла быть еще более незавидна.

Рабов привозили на Кубу из разных областей Африки, они принадлежали к различным народностям и говорили на десятках языков и диалектов. В основном это были языки обширных территорий Западной Африки: волоф, манде, фула, игбо, йоруба и многие другие, а кроме того — языки тропической Африки (принадлежащие к семейству западных банту): конго, кимбунду, овимбунду и ряд других. Как отдельные факты можно обнаружить даже лексику, происходящую из суданских языков и восточных банту (язык макуа).

Все эти языки являются родственными генетически. Но это единство происхождения уходит корнями в глубь тысячелетий. И в ходе тысячелетий своей истории они пережили сложные процессы дифференциации и в настоящее время являют необычайно разнообразную картину на всех уровнях языковой системы. Так, в области грамматики агглютинативному строю языков банту (с многочисленными элементами флективности) противостоит изолирующий строй языков ква, где слова практически не имеют морфологии, а большинство значений, являющихся грамматическими в других языках, передаются лексическими элементами или порядком слов. Различны и произносительные системы. Языки ква — тональные, причем тональность в них имеет смысловозначительное значение. Тональность одновременно позволяет уменьшить длину слова до 1–2 слогов; неслучайно слова афро-кубинского диалекта, происходящие из этих языков, являются в подавляющем большинстве одно- и двусложными. Языки банту также имеют тона, выделяющие некоторые оттенки лексических и грамматических значений, но роль тонов здесь все же вспомогательная.

Так или иначе взаимопонимание между уроженцами различных регионов Африки было поначалу исключено. Ему еще суждено было возникнуть. Чтобы понимать друг друга, африканцы, оказавшиеся в положении рабов в Новом Свете, должны были выработать какую-то *lingua franca*. Разумеется, в этой роли мог выступить только испанский (в других местах — иные европейские языки) в самой примитивной форме — с элементарной грамматикой или без нее и с небольшим набором бытовой лексики. Все остальное языковое наследие могло существовать лишь в памяти рабов [Садиков, 2023].

Ни на одном из африканских языков в эпоху работорговли не было письменности, а значит, у всех этих языков почти не было шансов сохраниться в новых условиях. Поначалу креольские плантаторы прилагали значительные усилия к тому, чтобы перемешать, насколько было можно, людей из разных этносов, чтобы лишить их возможности выработать какую-либо этническую солидарность и договориться о мятеже. Но более умные из них приходили к мысли, что если объединить рабов в группы по этническому принципу, то можно будет сыграть на соперничестве этих групп между собой и тем самым повысить производительность их труда. В любом случае взаимопонимания между рабами нельзя было избежать.

Плантаторы-креолы, как ранее капитаны-работорговцы, понимали необходимость психологической разрядки и также допускали ночные празднества рабов с песнями и танцами их далекой родины, в ходе которых устанавливались танцевальные и человеческие контакты, каковые неизбежно должны были порождать чувство общности происхождения и взгляда на мир, что подкреплялось, разумеется, и взаимным влечением полов.

Другой фактор: возникновение независимых поселений беглых рабов. Несмотря на все карательные меры, принимавшиеся властями и самими плантаторами-креолами вплоть до смертной казни в отношении беглых рабов (*cimarrones*), рабы бежали. В горах и непроходимых джунглях, куда креолы боялись углубляться, беглецы создавали укрепленные поселения, так называемые *паленке* (*palenque*, буквально — «частокол»). С самого начала использования рабского труда на Кубе стали возникать подобные поселения, куда стекались беглые рабы, готовые защищаться до последнего. Там они могли общаться, перенимая друг у друга слова и выражения африканского происхождения, а также и обычаи предков. И там же их древние культы смешивались и складывались в новые, синкретические.

До нашего времени сохранились названия многих таких поселений, ставших затем топонимами, все они явно африканского происхождения: *Magara-bomba*, *Moa*, *Motembo*, *Nicaro*, *Tacajo* и т.д. Очевидно, для их основателей имела особое значение их этническая и языковая самобытность.

Другим фактором сохранения африканских элементов в языке и сознании был демографический. Как известно, эпоха наибольшего расцвета рабовладельческого хозяйства на Кубе (вторая половина XVIII – вторая

половина XIX в.) была отмечена высокими показателями ввоза рабочей силы из Африки. Производство росло, а смертность среди рабов была высокой, и потери надо было восполнять. Поэтому приток рабов из Африки не прекращался, а с ним — и напоминание афро-кубинцам об их языковых и культурных корнях.

Обратимся к статистике. По данным кубинского историка Оскара Пино-Сантоса, собранным из разных источников, за период с 1762 по 1853 г. на Кубу было завезено — оценочно — около 523 тыс. африканских рабов [Pino-Santos, 1964: 99]. Их доля среди населения Кубы колебалась в пределах от 25 до 43 %, пока в 1861 г. не стабилизировалась на уровне 26,5 %. Но следует иметь в виду, что не все черное население Кубы было на положении рабов. К тому же существовала и значительная прослойка свободных мулатов, хотя их социальный статус был ниже, чем статус свободных белых.

И, наконец, главный фактор — этнокультурно-религиозный. Важнейшую роль в передаче культурного наследия от поколения к поколению — как и всегда у бесписьменных народов — играло устное предание. Конечно, со своими хозяевами выходцы из Африки вынуждены были изъясняться на испанском, хотя бы и самом примитивном. Но ничто не могло помешать родителям пересказывать своим детям предания, услышанные в детстве от их собственных родителей, а старикам — рассказывать о верованиях предков всем заинтересованным членам общины. То же касается и религиозных ритуалов, которые можно было практиковать ночью и в праздники, то же касается и магических ритуалов исцеления, очищения, изгнания бесов, приворота, порчи и т.д., на которые у простого народа всегда был высокий спрос.

Является общим местом этнографии факт обилия на Африканском континенте самых разнообразных языческих культов и исповедующих их сообществ, часто тайных. Каждое из них имеет свой пантеон богов и богинь, духов и демонов, свои ритуалы, часто кровавые, свои празднества, часто оргиастические. Причем один и тот же человек может состоять одновременно в нескольких таких общинах. Женщины в них, как правило, не допускаются, но могут образовывать свои сообщества.

В Западной Африке наибольшую известность получила секта «людей-леопардов», первые известия о которой стали появляться в записках путешественников и миссионеров уже в начале XVII в. В самой краткой форме можно сказать, что образ леопарда — это тотем многочисленных африканских племен и центральная фигура многих культов и ритуалов, среди которых находят место и жестокие обряды инициации, и человеческие жертвоприношения, в том числе и тайные похищения и убийства людей с последующим расчленением трупов, и ритуальное людоедство.

Разумеется, в своей исходной форме они не могли сохраниться на плантациях, где поведение рабов жестко контролировалось их хозяевами,

а также властями и католическим духовенством. Даже иметь холодное оружие было запрещено. Но празднества, песни и танцы плантаторы не стремились отменять.

А что касается религиозного содержания праздников и ритуалов, то вчерашние африканцы пошли на компромисс. Они соглашались креститься по христианскому обряду, а затем устраивали торжества по случаю дня того или иного христианского святого. А каждого святого отождествляли в своем сознании с определенным африканским божеством, почитание которого выражали как умели, т.е. шествиями, песнями и танцами в традиционной для себя манере — все три элемента сразу. На эти формы эстетического самовыражения испанцы смотрели снисходительно. Они даже не догадывались, что у каждого католического святого было два лица: один — его образ на христианских иконах, другой — запечатленный в страшной маске лик того или иного африканского божества, которое продолжало жить в сознании афро-кубинцев и имело для них реальное значение.

Мы не будем подробно вдаваться в факты и вехи формирования сети тайных религиозных обществ, распространившихся по всей Кубе, — это дело историков, и кубинские историки весьма основательно изучили и продолжают изучать этот процесс. Достаточно сказать, что на протяжении XIX в. на Кубе сложились десятки тайных религиозных обществ, формировавшихся и по этническому признаку, и по месту проживания, о которых можно говорить как о некоей совокупности, притом что между ними существует и множество частных различий. И эта совокупность получила общее название *абакуа́* (*abakuá*).

Первым ростком того, что теперь является большой и разветвленной тайной организацией, стала секта Эфи́ Бутон («Семья Эфик»), основанная в 1836 г. черными рабами, служившими домашней прислугой в одном из имений в городке Регле (в наше время — пригород Гаваны). Община эта была социально и расово однородной, белые и мулаты в нее не допускались.

А в 1863 г. в Гаване возникло первое общество, в которое допускались и негры, и мулаты, и даже белые. Основал его мулат по имени Андрес Факундо де-лос-Долорес Петит (*Andrés Facundo Cristo de los Dolores Petit*, 1829–1878), который постарался внести свой вклад в оформление и комплекса представлений этой секты, и ее ритуала.

Культ абакуа́

В это общество вступали преимущественно люди из трудящихся слоев, в том числе и иммигранты-азиаты, но также и молодые люди из средних слоев, и офицеры, и даже некоторые испанские аристократы. За полтора века существования общества оно сложилось в большую и разветвленную организацию, распространившуюся по всей Кубе и за ее пределами. Всего в

наше время оно насчитывает 123 общины, образованные по месту проживания. Больше всего их в Гаване и ее окрестностях, а также в городе и провинции Матансас.

Расовый состав общин различен. Одни из них пестры по составу, другие исповедуют принцип расовой чистоты («только черные»). Разногласия между ними по этому вопросу не раз выливались в уличные столкновения.

А вот принцип сексизма здесь не знает исключений¹. Членами общества могут быть исключительно мужчины, и многие его ритуалы призваны прославить и увековечить мужское начало, под которым понимаются физическая сила и агрессивность, сила духа, выносливость, повышенный жизненный тонус и, разумеется, мужская сила [Sosa Rodríguez, 1982: 223]. Кроме того, подчеркиваются моральные качества: быть хорошим отцом, верным братом и верным другом. Но превыше всего стоит принцип: каждый посвященный должен свято хранить «Великую тайну» общества. Разглашение хотя бы части ее карается жестоко, в том числе и смертью.

Общество строго иерархично. Во главе всего стоит Верховный жрец (*Masongo*), у каждой общины есть свой верховный жрец (*Abasonga*, или *Obón Ntui*, или *Iyamba*) и несколько старейшин (*obones*). Ниже их стоят другие жрецы, каждый из них, независимо от места в иерархии, называется «чином» (*plaza*). Далее идут рядовые члены общины (*abanekues*) и, наконец, ученики, или послушники, пока еще не прошедшие обряда посвящения, которые обозначаются словом *ndísime*, что, помимо понятия «непосвященный», обозначает также и «невежественный», и просто «глупый».

«Абакуа — это тайное общество, исключительно мужское по составу, самофинансируемое за счет <регулярных> взносов и <эпизодических> сборов денег среди членов <...> верящее в существование потусторонних существ, имеющее эзотерический ритуал, чья тайна, ревностно хранимая, имеет материальное воплощение в виде барабана экуэ. Это тайное учение воплощается в обрядах посвящения, обновления, очищения и смерти, сулит <своим членам> блага преходящие и вечные, устанавливает для своих членов законы и наказания, обязательные для повиновения и исполнения, и имеет свой тайный эзотерический язык, а также и дополнительный графический язык, состоящий из подписей, печатей и священных начертаний...» [Sosa Rodríguez, 1982: 124].

Более эмоциональное, можно сказать, восторженное определение этого общества мы находим у выдающейся кубинской писательницы и этнографа Лидии Кабреры (Lydia Cabrera, 1899–1991), не бывшей формально, как женщина, его членом, но солидаризировавшейся с ним и поэтизированной его: «Абакуа — это общество взаимной поддержки и братской помощи,

¹ Сексизм проявляется даже в том, что приносимые в жертву животные должны быть только мужского пола: не куры и козы, а петухи и козлы. — Прим. авт.

общество “любите друг друга” людей, которые хранят тайну сообщества и чтят ее, как чтили ее в Африке наши предки. Ньяньиги — это масоны Африки, а мы, кубинцы — их потомки <...>. Ньяньигизм сегодня не тот, что был. Неправда, что, принеся присягу, абакуа́ должен был убить первого же встречного христианина. Да, так говорили. Нас называли убийцами. Какая клевета! Чему присягают, чему мы присягали категорически — это не раскрывать нашей тайны. Не проливать крови ближнего, вот чистая правда; даже крови петуха и козла <...> поскольку нам запрещено применять режущее оружие. Мы убиваем палкой, а расчленяем зубами и руками. У общин есть средства, чтобы помогать в невзгодах, болезнях, при несчастных случаях, оплатить похороны <...>. Мы помогаем вдовам, если они не найдут себе другого мужчину, родителям, если они потеряют сына, который их содержал... Значит, абакуа — это хорошо, а плохи <отдельные> его члены» [Cabrera, 1954: 201; Cabrera, 1958].

Прежде чем продолжать, уточним ключевые термины.

Abakuá — это обозначение того культа с африканскими корнями, о котором у нас идет речь, а также всего тайного общества в целом, отправляющего этот культ. Но это слово может также обозначать отдельного человека: *es un abakuá*. Отдельных членов данного сообщества называют также словом *abanecue* (*abaneke*).

Ñáñigo — обозначение каждого из членов того же сообщества; соответственно, *ñáñiguismo* — синоним слова *abakuá* в первом из указанных значений, а выражение *los ñáñigos* — синоним того же слова во втором его значении.

Происхождение первого из этих слов не совсем ясно. Среди версий происхождения выделяются две: или это сохраненное в памяти одной из групп африканского происхождения местности, бывшей их прародиной в Африке (*aba kua* «Земля Куа»), или же оно восходит к слову языка эфик *akwá*, обозначающему «смерть», поскольку последняя занимает весьма важное место в сознании африканцев вообще, и ньяньиги в особенности [Martín, 1977].

Относительно *ñáñigo* большинство исследователей согласны в том, что это результат сращения слов *ñáña* — «леопард» в языке эфик, и *ngo* — то же самое в ряде языков банту.

Отметим, что по мере того как к тайному обществу примыкало все больше людей самого различного происхождения (белых, мулатов, выходцев из Азии), в языке ньяньиги стало появляться все больше собственно испанских слов, которые, разумеется, стали наделяться новыми значениями, специфическими именно для культа абакуа. Сам он приобрел параллельное название — *santería*, а его жрецов стали обозначать словом *santero*. Под этим названием данная религия стала известна в странах, куда она была занесена с Кубы: в Венесуэле, Панаме, Пуэрто-Рико, Колумбии, Мексике, а также в США, где проживает большая кубинская диаспора.

Каковы основные испанские слова, ставшие составной частью культа абакуа и, соответственно, афро-кубинского диалекта?

Община абакуа — это *potencia*, а также *juego* и *partido*. В ней действует иерархия жрецов, всех вместе называемых испанским словом *plazas* (букв. «чины»). Любая религиозная церемония называется испанским словом *plante*.

Испанскими же по происхождению являются и следующие термины, характеризующие жизнь верующих афро-кубинцев:

- *amarrar* «приворожить кого-либо с помощью магии»;
- *daño* «порча, сглаз»;
- *doble* «двойник» человека, пребывающий в потустороннем мире; точнее будет сказать, что они оба являются двойниками друг друга и оба могут быть воплощены в каком-либо материальном предмете;
- *fundamento* «вещь, приносимая в дар богам; священный дар»;
- *limpieza* «магическое очищение пациента перед ритуалом его исцеления, а также очищение человека или жилища, чтобы предохранить их от несчастий»;
- *prenda* «фетиш»;
- *rompimiento* «посвящение в члены тайного общества; инициация»;
- *salación* «несчастье; порча, сглаз»;
- *toque de llanto* «погребальный бой, т.е. бой барабана в память усопшего или как вызов духа»;
- *trabajar* «подготовить какой-либо предмет для его функции в церемонии колдовства» и ряд других терминов.

Демон. Виктор Ландалусе. 1880

Соответственно, понятие «навести порчу» передается испанскими выражениями с глаголом *echar*: *echar burundanga*, *echar daño*, *echar salación*.

И испанское *santo* было перетолковано. В абакуа оно приобрело значение «дух; демон». А его воплощение, которое является постоянным персонажем религиозных церемоний, называется испанским словом *diablito*. Его же обозначают в разных общинах словами африканского происхождения: *íreme* (из языка эфик), *nkabansi* (из экой), *oricha* (из йоруба) и др. Его, в соответствующем костюме и головном уборе конической формы, закрывающем все лицо, изображает один из жрецов.

Абакуа, как и всякая первобытная языческая религия, последовательно анимистична. Она одушевляет предметы и явления природы, веря, что каждый из них имеет своего духа. Их образы легли в основу большого разнообразия сначала ритуальных, а потом и народно-карнавальных масок и костюмов.

Вот как описывает его появление в ходе церемонии посвящения новых членов общества Алехо Карпентьер (Alejo Carpentier, 1904–1980): «Una serie de golpes secos, entrecortados de pausas bruscas. Y una voz burlona que grita:

– Nazacó, sacó, sacó, querembá. masangará...

Un gorro puntiagudo, rematado por un penacho de paja, asomó a la puerta del bohío. Se ocultó. Volvió a salir. Desapareció otra vez.

– Nazacó, sacó, sacó...

Una voz gritó detrás de Menegildo:

– Námalo, Arencibia, que no quiere salir... Las falanges castigaron nuevamente el tambor.

– Námalo má...

La percusión se hizo furiosa, apremiante. Entonces un tremendo cucurucho negro surgió de la casa, seguido por un cuerpo en tablero de ajedrez. Ente sin rostro, con una alta cabezota triangular, fija en los hombros, en cuyo extremo miraban sin mirar dos pupilas de cartón pintado, cosidas con hilo blanco. Sobre el pecho, la extraña cogulla se deshacía en barbas de fibra amarilla. Detrás de la cabezota cónica colgaba un sombrero de copa chata, adornado con un triángulo y una cruz blanca... Cinturón de cencerros y cencerros en los tobillos. Cola de percalina enrollada al cinto. La escoba amarga en la diestra, y el Palo Macombo cetro de exorcismos en la siniestra. ¡Íreme, íreme!, la Potencia rompió, ¡Yamba-Ó!» [Valdés Bernal, 1977].

Каждый из жрецов имеет свой «священный символ» (*miñón*), инструмент выполнения им своей миссии. У одних это жезл (*itón*), у других — это определенный барабан, у третьих — их роль, одеяние и маска как одного из духов. Главный барабан *экуэ* — исключительное достояние Ийямбы, главы общины, и только он один имеет право входить в помещение, где стоит *экуэ*.

Церемониал

Сложный, очень сложный религиозный церемониал абакуа заслуживает толстой книги для своего описания. Приводимые здесь данные могут рассматриваться всего лишь как краткое введение в будущие курсы по кубинской этнографии, предназначенные для российских этнографов, лингвистов и религиоведов, впрочем, и для всей образованной публики.

И при этом следует иметь в виду, что сведения, которые приводят в своих работах кубинские этнографы и историки, в любом случае частичны: *абанэкуе* свято хранят свои тайны, и достоверные сведения об их мифоло-

гии, содержании и значении их ритуалов могут лишь просачиваться в труды ученых и журналистов. Они и просачиваются капля за каплей на протяжении десятилетий, но полная их картина еще далека от завершения.

Основными ритуалами культа абакуа являются следующие: инициация (*rompimiento*), т.е. посвящение новых членов общины, образование новой общины (*plante de nueva potencia*), плач по усопшему (*llanto; nlloro*), возведение в сан жреца или повышение в сане (*promoción de obones*), повторное освящение (*refrescamiento*) предметов, наделенных магической силой (фетишей), собрания жрецов (*baroko ninyao*) и общие собрания общины (*baroko*).

Для создания общего представления о религиозных церемониях этого культа уместно привести слова Ф. Ортиса, который так характеризовал ритуал абакуа в целом: «Это — настоящее драматическое действо с мимансом, песнопениями, использованием тайного языка, танцами демонов, алтарями, подношениями, омовениями, окуриваниями, процессиями, магическими обрядами, жертвоприношениями, причащениями кровью, ритуальными братскими трапезами, инициациями, символизирующими воскрешение, страшными клятвами, заупокойными службами, а когда-то ранее — и сражениями, и впечатляющими актами правосудия. И все это — в атмосфере мистического транса и приобщения к тайнам потустороннего царства. Драма живых и мертвых, персонажей, действующих в двух мирах. Трагедия! Театр в высшем своем воплощении!» [Ortiz, 1951: 375–376].

Ограничимся кратким описанием церемонии посвящения (инициации).

Церемония начинается ровно в полночь и длится до 4 часов пополудни следующего дня. Прежде чем начнется церемония, происходит обряд «очищения» святилища и приготовления «священного вина» (*mosiba*) и «святой воды» (*wemba*), а также и подготовки жертвенного петуха, которого трут обо все углы святилища, чтобы он пропитался всем злом этого мира.

Затем жрец кладет голову петуха в рот и откусывает ее и кропит кровью сначала один священный барабан, затем другие, затем ощипывает жертвенную птицу и раскладывает ее перья кружком, а в центре кладет ее язык. Отныне новопосвященные будут говорить этим языком, тайным для всех остальных людей. Все это происходит под священные песнопения. Затем кровью петуха (или петухов) кропят другие фетиши, находящиеся в святилище, и ее же добавляют в священное вино.

Затем следует долгая серия обрядов освящения многих других предметов, имеющих культовое значение, находящихся в святилище. Помимо прочего, на них чертят мелом магические знаки, соответствующие их значению в посюстороннем и потустороннем мире, причем, излишне говорить, все это происходит под переключку барабанов разных видов, соответствующих различным рангам участвующих жрецов, сопровождаемых песнопениями.

Затем к «Дому собраний» (*Fambá*) приближается процессия послушников, предназначенных к посвящению, которые становятся на колени перед

входом. Их окуривают сжигаемыми травами, на них плещут священным вином и их кропят святой водой с помощью веточек базилика.

Затем новообращенных впускают в святилище, где под песнопения, перестук барабанов и пляски демонов (*íremes*) обряд посвящения продолжается.

А затем участники церемонии выходят из святилища и под бой барабанов, ритмично пританцовывая, направляются в селение. И здесь к ним присоединяются женщины и все непосвященные, и начинается пиршество с поеданием жертвенных животных. А затем начинаются пляски, которые продолжаются несколько часов. И эти несколько часов — это непрерывное ритмичное движение по кругу, венцом которого становится впадение некоторых членов общины — чаще женщин — в транс, сопровождаемое падением на землю в конвульсиях, с переходом в измененное состояние сознания. И тогда один из членов общины многозначительно произносит: «¡Por fin! ¡El Santo le dio!» («Наконец! Дух снизошел на нее!»).

Африканское начало в кубинской музыке

И здесь естественным порядком мы переходим к музыке. Выше мы уже сказали, что у каждого чина жрецов есть свой священный символ. Но к этому надо добавить, что у каждого есть и свое ритуально-музыкальное амплуа и, соответственно, свой барабан, точнее, свой тип барабана. Одно лишь перечисление ударных и ударно-шумовых инструментов впечатляет: *abwe, agogo, bata, bembé, cajón, claves, conga, ecón, güiro, itones, maracas, marímbula, taona, tumba, yuca...* И этот список далеко не полон. И каждый из этих инструментов имеет собственное неповторимое звучание и свою партию в общем ансамбле, которые начинаются в святилище, а продолжаются затем в течение всей ночи на улицах селения.

Из Африки же идет традиция праздничного шествия ряженных, переплотившаяся в знаменитый латиноамериканский карнавал [Ortiz, 1965]. Наиболее известными его воплощениями являются карнавал в Рио (Бразилия), в Гаване (Куба) и в Барранкилье (Колумбия), но других его версий не счесть. На Кубе получил распространение обычай «компарсы» (*comparsa*) — движение больших платформ, на которых разыгрывается в соответствующих костюмах очередное представление, каждое из которых являет собой воплощение одной из древних африканских легенд [Карпентьер, 1962]. В центре каждого

День поклонения волхвов в Гаване.

Виктор Ландалусе. 1880

повествования — ритуальное убийство какого-либо из отрицательных персонажей, чаще — Змеи (Кобры) или Скорпиона, воплощений мирового Зла, которых изображает ведущий танцор. Как и обычно в африканской культуре, музыка, танец и пение здесь неразрывно связаны; в пении же, опять-таки по традиции, после каждой строки-двух идет припев, как правило, повторяющийся. Эта структура и легла в основу знаменитого кубинского сона.

По мнению ряда музыковедов, первый опыт воспроизведения африканских ритмов и африканской песенной поэзии на испанском языке датирован 1562 г. Автором первого, ставшего потом классическим, образца сона стала женщина африканского происхождения, вольноотпущенница, исполнительница на бандоле² Теодора Хинес (Teodora Ginés ок. 1530–1598), родившаяся на Санто-Доминго и перебравшаяся на Кубу, взявшая себе псевдоним Ма-Теодора. Помимо звучания, этот сон воспроизводит структуру африканских песен:

*¿Dónde está la Ma Teodora?
Rajando la leña está.
¿Con su palo y su bandola?
Rajando la leña está.
¿Dónde está que no la veo?
Rajando la leña está.*

Сон как жанр именно афро-кубинской музыки возникает на протяжении XVIII–XIX вв., сначала в провинции Орьенте, а потом по всей Кубе, представляя собой результат слияния двух музыкальных стихий: европейской (контрданс, болеро и некоторые другие) и песенно-танцевальных ритмов Африки. Его начальную форму трудно определить, но постепенно он стал приобретать собственное звучание, отдаляясь и от более мягких ритмов (дансон), и от более экспрессивных (таких как *гуарача* и *румба*).

В XX в. сон стал ведущим жанром, открывшим музыку Кубы всему миру. Его использовали как источник собственного вдохновения такие известные композиторы, как Амадео Рольдан (Amadeo Roldán, 1900–1939), Алехандро Гарсия Катурла (Alejandro García Caturra, 1906–1940), Элизео Гренет (Eliseo Grenet, 1893–1950), Карлос Борболья (Carlo Borbolla, 1902–1990) и Эрнесто Лекуона (Ernesto Lecuona, 1896–1963), такие музыканты и музыковеды, как Архельерс Леон (Argeliers León, 1918–1991), Одилио Урфе (Odilio Urfe, 1921–1988),

Амадео Рольдан. 1900–1939

² Бандола — разновидность гитары, овальной формы, с четырьмя парными струнами. — Прим. авт.

Хорхе Анкерманн (Jorge Anckermann, 1877–1941) и многие другие, включая иностранцев, — здесь следует в первую очередь вспомнить Джорджа Гершвина (George Gershwin, 1898–1937). За весь XX в. сон стал основой многих музыкальных жанров, распространившихся по всей Латинской Америке, таких как *болеро-сон*, *сон-афро*, *криолья*, *сальса*, *мамбо*, *кумбия* и др.

Синтезом и в определенной степени вершиной творчества кубинских композиторов в области африканских ритмов и мелодий можно считать музыку Амадео Рольдана к балету «Ла-Ребамбарамба» (La Rebambaramba, 1928).

Само это слово, звукоподражательное, по-африкански звучащее, означает «суматоха; ералаш», а также «разноголосица». Согласно либретто, написанному А. Карпентьером, балет воспроизводит картины празднования в типично афро-кубинском стиле Дня волхвов в Гаване в первой половине XIX в. Весь балет пронизан яркими афро-кубинскими ритмами, мелодиями и интонациями, впрочем, перемежающимися с креольскими, дополненными яркостью костюмов и танцев. Балет и созданная на его основе оркестровая сюита имели необычайный успех, во многом, очевидно, как символ кубинской самобытности, и остаются самым популярным музыкальным произведением Кубы на все времена.

И кубинская музыка в целом, и сон как отдельный музыкальный жанр заслуживают отдельного — и обширного — исследования. Но не меньшего внимания заслуживает и его литературное воплощение, которое мы находим у ряда кубинских поэтов, и прежде всего у Николаса Гильена (Nicolás Guillén, 1902–1989).

Пачанга. Куба

Николас Гильен. 1902–1989

Африканизм в кубинской поэзии

Синтез двух культур — европейской и африканской уходит корнями в XV в., в самое начало эпохи Великих географических открытий, первым шагом которых стали африканские экспедиции португальских мореплавателей. Уже тогда люди черной расы, преимущественно как рабы, начинают становиться частью повседневной жизни европейцев, и образ африканца — естественно, преломленный в сознании европейцев — по-

является в произведениях классиков испанской литературы золотого века (XVI–XVII вв.) — Лопе де Веги (Lope de Vega, 1562–1635), Луиса де Гонгоры (Luis de Góngora, 1561–1627), Франсиско де Кеведо (Francisco de Quevedo, 1580–1645), Лопе де Руэды (Lope de Rueda, ок. 1505–1565), Хуаны Инес де-ла-Крус (Juana Inés de la Cruz, 1648–1695) и... список можно продолжить.

Приведем несколько примеров. Так, уже в начале XVI в. в одном из стихотворений Родриго де Рейносы (Rodrigo de Reinosa, 1450–1530) мы встречаем следующую пародию на речь людей африканского происхождения, которые уже составляли заметную прослойку испанского общества — и в метрополии, и в заморских владениях:

*Yo ser de mandinga y estar negro taibo,
y estar garrapata vostro parente,
y vostro lenguaje yo muyto ben sabo
ser terra Guinea de marfuza gente,
no estar taiba mas muyto pioyenta.*
Rodrigo de Reinosa. Copla [Lipski, 1996: 115].

Луис де Гонгора в своем стихотворении «На торжестве Святого Причастия» («En la fiesta del Santísimo Sacramento», 1609) постарался, как мог, представить испанскую речь негров-рабов, а равно и звучание африканских песен:

*La alma sá como la denta
clara mana
Pongamos fustana,
E bailemos alegre;
que aunque samo negra
sá hermosa tu.
Zambambú, que galana me pongo
zambambú
Zambambú, morenica de Congo,
zambambú.*

Это звучание затем — и уже не в порядке пародии, а в чисто эстетическом плане — воплотила мексиканская поэтесса Хуана Инес де-ла-Крус в своих знаменитых «Колядках в честь Сан-Педро Ноласко» («Los villancicos a San Pedro Nolasco», 1677):

*Tumba, la, le, le, tumba, le, le, le
que don Pilico escrava.
Tamba, tamba, tamba, tamba
tamba del negro que tumba;
tumba del negro caramba*

*caramba, que el negro tumba...
no quedé
tumba, tumba, la, le, le, tumba, la, la, la.*

Перенесемся в XX в. На заре этого века сначала в Европе, затем в США и Латинской Америке возникает течение, получившее название «негризма», основанное на интересе европейцев и американцев (в широком смысле этого слова) к «первобытной» африканской культуре в самых различных ее проявлениях — к религии как культу и как видению мира, к музыке, песне и песенной поэзии, к танцу и традиционной одежде и т.д. [Земсков, 1976]. В музыке эта тенденция воплотилась в США сначала созданием жанра рэгтайма (в творчестве Скотта Джоплина /Scott Joplin, 1868–1917/), а вскоре после того — и в джазе, разновидности которого сразу же стали множиться. В художественной прозе его главными выразителями стали Алехо Карпентьер (Куба) и Гильермо Менесес (Guillermo Meneses, 1911–1978) (Венесуэла), в поэзии — Лэнгстон Хьюз (Langston Hughes, 1901–1967) (США), Жоржи ди Лима (Jorge de Lima, 1893–1953) (Бразилия), Андрес Элой Бланко (Andrés Eloy Blanco, 1896–1955) (Венесуэла), Дьего Падро (José de Diego y Padró, 1899–1974) и Луис Палес Матос (Luis Palés Matos, 1898–1959) (Пуэрто-Рико), Жак Румэн (Jacques Roumain, 1907–1944) (Гаити), Эмилио Бальягас (Emilio Ballagas, 1908–1954) (Куба) и многие другие.

На Кубе центральной фигурой этого жанра, и не без оснований, считается Николас Гильен. Но надо иметь в виду, что сам он называл избранный им поэтический жанр *поэзией-мулаткой* (*poesía mulata*). И не случайно: он ясно сознавал, что в XX в. «чистой» африканской поэзии в Ибероамерике быть уже не может и что испанская традиция в не меньшей мере впиталась в плоть и кровь кубинской культуры. Будучи мулатом по крови, он ощущал себя мулатом и по духу и, сознавая, что пишет по-испански и для носителей этого языка, он постарался воплотить именно на кубинском испанском и образный строй, и звучание африканской песенной поэзии.

В 1930 г. он опубликовал цикл стихов «Мотивы сона» («Motivos de son») в литературном разделе газеты «Диарио де ла Марина». А годом позже вышел в свет его поэтический сборник «Сонгоро-Косонго» («Sóngoro cosongo»).

Что значит «Сонгоро-Косонго»? Чисто семантически — ничего не значит. Это чистое подражание звучанию африканской речи — в том виде, в котором она дошла до XX в. Но само это звучание имеет смысл «возвращения к корням». И эту звуко-символику Гильен использует вновь

Николас Гильен в Люксембургском саду

и вновь. И само звучание, и его повторы, конечно же, задают определенный ритм, явно воспроизводящий ритм барабанного боя, как это происходит в «Черной песне» (в том же сборнике):

Canto negro

*Yambambó, yambambé!
Repica el congo solongo,
repica el negro bien negro;
congo solongo del Songo
baila yambó sobre un pie.
Mamatomba,
serembe cuserembá.*

Композиционно сон — в том числе и у Гильена — подчиняется африканской песенной традиции. В том числе и традиционному виду повтора, требующему рефрена через каждую строчку. У Гильена излюбленный рефрен — это *sí señor / no señor*, экспрессивно усиливающий высказанную мысль. Вот как это звучит в «Соне отчаянья»:

Son del desahucio

*¿Es que a usted lo achica el miedo?
No, señor;
a mí no me achica el miedo,
y aquí me quedo,
sí señor,
y aquí me quedo,
sí señor,
y aquí me quedo...*

Тематика поэтических произведений Гильена весьма обширна и заслуживает отдельного большого исследования. Можно сказать лишь, что она стремится охватить весь мир представлений афро-кубинца: от магических верований его предков и до его положения в современном обществе. В том числе и о его человеческом достоинстве — достоинстве вчерашнего раба, которому еще надо отстоять свое право на равенство со всеми другими слоями общества. И, конечно же, любовь — любовь как чувственное влечение, как страсть, любовь как конфликт и как драма. Но, повторим, все это заслуживает отдельного исследования, здесь же наша цель — показать чисто звуковую, музыкальную основу той кубинской поэзии — называть ли ее *негритской* или *мулатской* — которая уходит корнями в звучание африканских языков и песенного фольклора.

Тема африканского начала в кубинской культуре на сегодняшний день далеко не исчерпана — напротив, она требует дальнейшего изучения, в том числе и с объединением усилий кубинских и российских этнографов, лингвистов, фольклористов, культурологов и музыковедов. Но для того чтобы это взаимодействие состоялось, необходимо привлечь особое внимание нового поколения исследователей всех перечисленных специальностей к тому уникальному явлению, которое представляет собой самобытная культура далекой страны, исторически связавшей свою судьбу с судьбой России и готовой еще не раз явить свидетельства своей жизнеспособности и своего творческого потенциала в грядущие века.

Список литературы / References

Земсков В.Б. (1976) Негристская поэзия антильских стран: истоки, создатели, история, *Художественное своеобразие литератур Латинской Америки* под ред. В.Н. Кутейшиковой, И.А. Тертерян, Москва, Наука, с. 77–130.

Zemskov V.B. (1976) Negristskaja poezija antil'skih stran: istoki, sozdateli, istorija *Hudozhestvennoe svoeobrazie literatur Latinskoj Ameriki* [Negro poetry of the Antilles: origins, makers, history] in V.N. Kuteyshchikova, I.A. Terteryan [Artistic uniqueness of Latin American literatures], Moscow, Nauka, pp. 77–130. (In Russian)

Карпентьер А. (1962) *Музыка Кубы. Пер. с испанского Н.Н. Сердюковой*, Москва, Государственное музыкальное издательство, 162 с.

Carpentier A. (1962) [Music of Cuba. Translation from Spanish by N.N. Serdyukova], Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 162 p. (In Russian)

Садиков А.В. (2023) Как в капле воды: лексика разговорного испанского Кубы на примере одного анекдота, *Ибероамериканские тетради*, № 1, с. 113–131. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131>

Sadikov A.V. Kak v kaple vody: leksika razgovornogo ispanskogo Kuby na primere odnogo anekdota [Like in a Drop of Water: colloquial Cuban Spanish in just one Joke], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 113–131. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131> (In Russian)

Cabrera L. (1954) *El monte* [The Wilderness], La Habana, Ediciones C.R., 492 p. (In Spanish)

Cabrera L. (1958) *La sociedad secreta abacua* [The secret society abacua], La Habana, Ediciones C.R., 296 p. (In Spanish)

Lipski J. (1996) *El español de América* [American Spanish], Madrid, Cátedra, S.A., 446 p. (In Spanish)

Martín J.L. (1977) Mutiaroco: Sanga Recobebá [Mutiaroco: Sanga Recobebá] in G. Alonso, Á. Luis Fernández (eds.) *Antología de lingüística cubana T. II*. [Anthology of Cuban Linguistics Vol. II], La Habana, Ed. de Ciencias Sociales, pp. 101–126. (In Spanish)

Ortiz F. (1951) *Los bailes y el teatro de los negros en el folklore de Cuba* [Black dances and theater in Cuban folklore], La Habana: Publicaciones del Ministerio de Educación, 466 p. (In Spanish)

Ortiz F. (1965) *La africanía en la música folclórica de Cuba* [The Africanization in the folk music of Cuba], La Habana, Editora Universitaria, 489 p. (In Spanish)

Ortiz F. (1975) *Los negros esclavos* [The black slaves], La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 525 p. (In Spanish)

Pino-Santos O. (1964) *Historia de Cuba: aspectos fundamentales* [History of Cuba: fundamental aspects], La Habana, Consejo Nacional de Universidades, 352 p. (In Spanish)

Sosa Rodríguez E. (1982) *Los ñáñigos* [The ñáñigos], La Habana, Casa de las Américas, 464 p. (In Spanish)

Valdés Bernal S. (1977) Caracterización lingüística del negro en la novela ¡Ecue-Yamba-O! de Alejo Carpentier [Linguistic characterization of the Negro in Alejo Carpentier's novel Ecue-Yamba-O!] in G. Alonso, Á. Luis Fernández (eds.) *Antología de lingüística cubana Vol. II*. [Anthology of Cuban Linguistics Vol. II], La Habana, Ed. de Ciencias Sociales, pp. 267–325. (In Spanish)

Тема Фриды. Фрида Кало как символ мексиканской национальной идентичности (размышления после спектакля)

© Родионов А.В., 2023

Алексей Вадимович Родионов, студент II курса магистратуры факультета международных отношений МГИМО МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76
E-mail: av-rodionof@yandex.ru

Аннотация. В современной гуманитарной науке не прекращаются поиски определения понятия национальной идентичности. Многие государства Латинской Америки переосмысливают собственную историю, возрождают свои глубинные цивилизационные корни, налицо эволюция социокультурной матрицы. Именно культура в ее разных проявлениях выступает в качестве основы мировидения и национальной идентичности. В этой связи представляет интерес взгляд на образ и творчество мексиканской художницы Фриды Кало, которая стала известна во всем мире не только картинами: ее имя стало символом, а сама она превратилась в миф как для самих мексиканцев, так и для внешнего мира, смотрящего «извне». О ней пишут книги, снимают фильмы, ставят спектакли, ее образ используют в коммерческих целях. Известность Фриды обуславливается особенностью её творчества, которое сконцентрировало в себе ключевые элементы национальной культуры. На ее картинах присутствуют разнообразные элементы мексиканского способа бытия: это и ретабло, и национальный костюм, и природа страны, и традиционные языческие верования, и обычаи коренных народов. Фрида была художником пограничным (как и сама страна, где она родилась): в жизни она смотрела вперед, боролась за социальное равенство, за права женщин, состояла в компартии; в искусстве, используя новые, революционные формы живописи, смотрела и в прошлое, в историю и традиции своей страны.

Ключевые слова: Фрида Кало, Мексика, национальная идентичность, ретабло, символы, миф, обычаи, традиции, национальный костюм, национальная кухня, День мертвых

Для цитирования: Родионов А.В. (2023) Тема Фриды. Фрида Кало как символ мексиканской национальной идентичности (размышления после спектакля). *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 144–157. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-144-157

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарность: Автор благодарит дирекцию Государственного театра кукол им. С.В. Образцова за приглашение на спектакль «Кто убил Фриду Кало?», а также Елену Васильевну Астахову за советы и поддержку в ходе написания этой работы.

Frida Kahlo como símbolo de la identidad nacional mexicana (reflexiones después de una representación teatral)

© Rodionov A.V., 2023

Aleksei V. Rodionov, estudiante del II año del Máster en Relaciones Internacionales de la MGIMO.
119454, Rusia, Moscú, Avenida Vernadskogo, 76
E-mail: av-rodionof@yandex.ru

Resumen. Los investigadores siguen buscando una definición adecuada para la noción de «identidad nacional». Mientras tanto, muchos estados aspiran a encontrar la esencia de su propia identidad, y los países de Latinoamérica no son una excepción. Vuelven a reconsiderar su historia, sus raíces. En este sentido Frida Kahlo, la famosa pintora mexicana se convirtió en una marca conocida por todo el planeta: escriben libros y artículos sobre ella, le dedican obras de teatro y ballets, su imagen la utilizan con fines comerciales. La popularidad de Frida se explica por la peculiaridad de su arte que ha reunido los elementos clave de la cosmovisión mexicana, reflejando el carácter de su pueblo. Al absorber y reflejar la identidad nacional, Frida misma se hizo un símbolo, se convirtió en un mito de México tanto para los mexicanos, como para el resto del mundo. Los cuadros de Frida Kahlo representan diversos elementos de la cultura mexicana: retablos, trajes nacionales, la naturaleza del país, así como las creencias y costumbres tradicionales de los pueblos indígenas. Frida fue una artista fronteriza: en su vida miró hacia el futuro, luchó por la igualdad, por los derechos de la mujer, fue miembro del Partido Comunista; mientras que como pintora, aunque utilizaba formas de arte nuevas y revolucionarias, miró hacia el pasado, hacia la historia y las tradiciones de su país.

Palabras clave: Frida Kahlo, México, identidad nacional, símbolo, mito, retablo, traje nacional, cocina nacional, Día de Muertos

Para citar: Rodionov A.V. (2023) Frida Kahlo como símbolo de la identidad nacional mexicana (reflexiones después de una representación teatral), *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 144–157. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-144-157

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Agradecimientos: El autor le agradece a la Dirección del Teatro Estatal de Títeres S. Obraztsov la invitación al espectáculo «¿Quién mató a Frida Khalo?» y a Elena V. Astakhova los consejos para preparar este artículo.

Frida Kahlo as a Symbol of Mexican National Identity (some thoughts after a theatre performance)

© Rodionov A.V., 2023

Aleksei V. Rodionov, 2nd year Master's student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

E-mail: av-rodionof@yandex.ru

Abstract. The scholars keep on searching for a definition of a «national identity» concept, while many states are trying to understand the essence of their national identity, and Latin American countries are no exception. The states reconsider their attitudes towards their own history, their cultural roots. The Mexican artist Frida Kahlo has become a world-famous brand: books and articles are written about her, plays and ballets are dedicated to her, her image is placed on bags and clothes. Frida's popularity can be explained by her peculiar painting style, which absorbed the key elements of national culture and reflected the Mexican people's character. At the same time, not only did Frida absorb and vividly reflect the national identity of the country, but she herself also became a symbol, a myth of Mexico for both the Mexicans, and for the outside world. Frida Kahlo's paintings represent various elements of the Mexican style of life, namely retablo, the national costume, Mexico's nature, and the traditional beliefs and customs of the Indian peoples. Frida was a borderline painter: she looked forward, fighting for equality, for women's rights, she was a member of the Communist Party; whereas as an artist, though using new, revolutionary forms of painting, she looked back to the history and traditions of her country.

Keywords: Frida Kahlo, Mexican national identity symbol, myth, retablo, national costume, national cuisine, Day of the Dead

For citation: Rodionov A.V. (2023) Frida Kahlo as a Symbol of Mexican National Identity (some thoughts after a theatre performance), *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 144–157. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-144-157

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Acknowledgements: The author thanks the general manager's office of the Obraztsov State Puppet Theater for the invitation to the play «Who killed Frida Kahlo?» and expresses his gratitude to Elena V. Astakhova for advice and support during the writing of this article.

«Кто убил Фриду Кало?» — этот вопрос вынесен в название спектакля Государственного театра кукол им. С.В. Образцова (главный режиссёр Б.А. Константинов). Многокомпонентное представление, в котором, помимо собственно театрального действия, присутствуют и элементы интерактивного участия зрителей (написание пожеланий на ретабло¹, разбивание пиньяты), и мексиканские болеро, посвящено знаменитой художнице. Это представление послужило «триггером» данного эссе, в котором постараемся связать творчество Ф. Кало (Frida Kahlo, 1907–1954) с национальной идентичностью Мексики.

Сначала зададимся вопросами: что такое национальная идентичность? Стоит ли говорить о единой латиноамериканской идентичности, о различающихся национальных вариантах таковой или же эти понятия не являются взаимоисключающими? Может ли вообще человек³ быть символом идентичности целой нации?

Национальная идентичность — понятие комплексное.

За основу возьмем определение, данное известным российским историком К.С. Гаджиевым, который детерминирует национальную идентичность как «установившиеся особенности национальной культуры, этнические характеристики, обычаи, верования, мифы, нравственные императивы и т.д.» [Гаджиев, 2011: 5]. Британский социолог Э.Д. Смит, в свою очередь, рассмат-

Спектакль («Арт-фiesta») «Кто убил Фриду Кало?»
в театре кукол им С.В. Образцова. 2023

ривает национальную идентичность как более широкое понятие, выделяя пять существенных характеристик, среди которых наряду с единой экономикой страны, четко сформулированными правами и обязанностями граждан, особенностями национальной культуры и коллективными мифами он отме-

¹ Ретаблос — маленькие молитвенные картины с историями о том, как человеку помог тот или иной святой, с благодарностью высшим силам за спасение от несчастий. В трудные жизненные моменты Фрида Кало тоже обращалась к ретабло, где писала свои пожелания. — *Прим. авт.*

² Пиньята — яркая латиноамериканская игрушка, представляющая собой ёмкость, которая обычно изготавливается из палье-маше или обёрточной бумаги, наполняется конфетти, орехами или конфетами и подвешивается на расстоянии от пола. Задача гостей — разбить пиньяту ударами палки. — *Прим. авт.*

³ Здесь и далее курсив автора. — *А.Р.*

чает существенную — исторические земли (*родина*) [Smith, 1997: 12]. Эта деталь особо важна для Ф. Кало, столь остро ощущавшей свой мексиканизм, который стал основой её творчества.

Еще один аспект национальной идентичности, о котором говорит другой автор, В.А. Ачкасов, — внешнее измерение идентичности. По мнению ученого, имеет значение не только сущность элемента идентичности, но и то, как он «экспортируется» во внешний мир, является ли он узнаваемым, поскольку у каждого народа есть «образ для себя» и «образ для других» [Ачкасов, 2003: 53–55], что также важно для понимания образа Фриды, который не просто существует в границах Мексики, но успешно экспортируется по всему миру, является узнаваемым брендом [André, 2005: 247; Bauml, Field, 2012: 91–92; Lindauer, 1999: 173]. Следовательно, национальная идентичность включает в себя географический, культурный, исторический, религиозный компоненты существования нации, а также взгляд на эту культуру «извне» — внешнее измерение идентичности.

О латиноамериканской национальной идентичности и ее характерных признаках написано много работ. Но окончательного ответа на вопрос, что же такое Латинская Америка и кто там обитает, нет до сих пор, в том числе и у самих латиноамериканцев: «чувство принадлежности к историко-культурному образованию, ошибочно названному Латинской Америкой, сохраняется, но подвергается сомнению, поскольку мы, латиноамериканцы, всегда спрашивали себя, кто мы на самом деле» [Mosquera, 2001: 26]. Латинская Америка — «цивилизационное пограничье» [Шемякин, 2023: 58], тонкая грань преемственности и самости, там «все внахлест: соположенность и конвергенция тенденций универсальных и автохтонных, локальных, имманентных ее культурному миру как особому способу бытия — и западническому, и противозападническому, и смешанному» [Гирин, 2011: 78].

В конце XX – начале XXI в. особое внимание стало уделяться поиску и осмыслению идентичности отдельных государств — Перу [Pastor, 2016], Эквадора [Traverso Yépez, 1996], Боливии [García Linera, 2014] Мексики [Béjar, Rosales, 2005] и др., у каждого из которых свой исторический путь, пусть и вписанный в канву объединяющего (хотя и не всегда) латиноамериканизма.

Разные народы по-разному ощущают свою связь с *родиной*. Для одних место рождения не более чем малозначимая случайность, для других — судьба. Мексиканцы — из тех, кто остро ощущает свою «отличность» от других и своё единение со страной [Keilor, Hult, 1999: 74, 79]. Мексика прошла через сложный путь поиска собственной национальной идентичности. На протяжении долгого времени мексиканские элиты стремились откреститься

Корни. Ф. Кало. 1943

от индейской составляющей в истории Мексики. Во время порфириата⁴ конца XIX – начала XX в. в стране была мода на европейскую кухню, моду, культуру, в то время как всё индейское считалось уделом низших слоёв населения [Pilcher, 1996]. После мексиканской революции 1910–1917 гг. начались поиски баланса между европейскими и автохтонными элементами мексиканской культуры. И именно тогда появилась Фрида и ее картины — ведь через искусство, через музейные выставки нередко и происходит утверждение, популяризация идей, поддерживаемых государством [Karp, Lavine, 1991].

Ключевым мотивом мексиканского самосознания становится образ метиса (mestizo). Эта двойственная природа всех мексиканцев (и самой художницы, чей отец был родом из Германии, а мать — испано-индейского происхождения) изображена на картине Ф. Кало «Две Фриды», где одна Фрида в европейском платье, а другая — в традиционном мексиканском.

Две Фриды. Ф. Кало. 1939

Фрида как миф

Может ли Фрида быть символом национальной идентичности? Ведь она не обычай, не верование, не нравственный императив. Но мифом Мексики художница всё же может называться: «Всякая живая личность есть так или иначе миф», — утверждал русский философ А.Ф. Лосев [Лосев, 2021: 123]. И личность Фриды, «осмысленная и оформленная», настолько укоренилась в народном самосознании и обрела по-настоящему мировую известность, что стала мифом, символом Мексики. Интересно, что на картине «Четыре жителя Мексики (Мехико)», где представлены персонажи мексиканского фольклора, Фрида пророчески изобразила себя — пятой.

Четыре жителя Мексики (Мехико).

Ф. Кало. 1938

И действительно присоединилась потом к культовым героям Мексики.

Каким же мифом Фрида стала для Мексики и почему? В жизни и в живописи Ф. Кало была разной. *Фрида в жизни* — это борец. Борец с болезнью, смело и неприкрыто изображающий на картинах своё горе, боль, потери и унижения, и это в стране, где традиционно сильны традиции мачизма [Franco, 1991:

⁴ Порфириат — период в истории Мексики с 1876 по 1911 г., когда страна находилась под управлением генерала Порфирио Диаса (Porfirio Díaz). Эпоха порфириата завершилась мексиканской революцией. — Прим. авт.

220; Кофман, 2020]. Она активно участвует в политике и декларирует свои взгляды: одним из последних ее появлений на публике было участие в демонстрации против американского вторжения в Гватемалу (2 июля 1954 г.). Фрида состояла в компартии и в 1952 г. писала: «Я продолжаю оставаться коммунистом... Я всего лишь одна клеточка сложного революционного механизма людей мира и новых Советов: Китая — Чехословакии — Польши, людей, которые связаны по крови со мной и с народом Мексики» [Эррера, 2007: 488]. Художница была одним из руководителей ассоциации «Единый фронт за права женщин» (Frente Único Pro Derechos de la Mujer), где боролась за предоставление женщинам права голоса. А когда ее хоронили, гроб был покрыт красным флагом с вышитыми серпом и молотом. Фрида выделялась своей прямоотой, инаковостью, в том числе поэтому обрела славу уже при жизни, сыграв важную роль в эволюции постреволюционной мексиканской идентичности [Volk, 2000: 183]. Как Данте (Dante Alighieri, ок. 1265–1321) стал предвестником эпохи Возрождения в позднее Средневековье, так Фрида — художник (и человек) пограничный, стоящий на перепутье между *старым* и *новым*, между стереотипами и неравенством, свойственным Новому времени, и сегодняшним днем, где борьба за равенство доминирует в политике и общественной жизни.

Фрида в живописи — это, конечно, тоже революционное явление. Женщина-художник, да еще и такой вызывающий стиль. В то же время у нее почти нет полотен с политическим подтекстом. Несмотря на твердую приверженность левым взглядам, Фрида не писала картины на социальные темы, свойственные муралистам, работы, которые показывали бы контрасты мира капитализма. Если Фрида в жизни, борясь за равенство, за права женщин, смотрела вперед, то в живописи, используя революционные стили и мотивы, обращалась к истории и культуре своей страны.

Даже те холсты, где присутствует подтекст (как, например, картина «Автопортрет на границе между Мексикой и США»), не столько отражают политические перипетии в отношениях двух стран, сколько *чувства* художницы, её душевное состояние: тогда Ф. Кало и Д. Ривера жили в США, и, может, поэтому столь остро ощущала она, тоскуя по родине, свой мексиканизм — безотчетную преданность мексиканским корням. «Переезд для нее равносителен поражению и самоубийству» [Олива, Замора, 2022: 93]. Мексика для Фриды — страна цветов, при-

Память (Сердце).

Ф. Кало. 1937

роды, древних традиций и обычаев; США, по мнению художницы, — страна с мощной промышленностью, но без прошлого и без истории, а небоскрёбы там — как «могильные камни» [Эррера, 2007: 199]. Посередине, на границе — Фрида, точно богиня правосудия.

Британская исследовательница Л.А. Хавард отмечает, что Фрида-художница включает в себя три составляющие: доколумбовый ацтекский, колониальный маньеристский и марксистско-муралистский компоненты, объединенные своей простотой, которая и отразилась в мексиканском искусстве [Navard, 2006: 249]. С этим можно согласиться: из индейского прошлого у Фриды — материя (*элементы* картин), из маньеризма — форма (дух картин, её *чувства*: отсутствие внутренней гармонии, страдание — неслучайно в спектакле театра кукол звучит «Болеро» М. Равеля /Maurice Ravel, 1875–1937/, символ высочайшего эмоционального напряжения — таких моментов в жизни Фриды было немало), из мурализма — *стиль* картин, способ отображения элементов.

Мексиканизм в творчестве Фриды

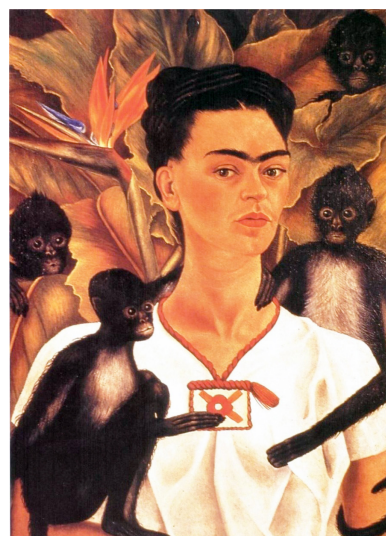
Картины Фриды Кало вместили в себя множество элементов национальной культуры. Например, в работах художницы можно найти *ретаблос*, которые какое-то время служили единственным источником вдохновения Фриды. Ретаблос — это маленькие молитвенные картины с историями о том, как человеку помог тот или иной святой, с благодарностью высшим силам за спасение от несчастий. Ретабло пишется от лица жертвы, перенесшей несчастье, и там изображается несчастный случай, а также святой посланник, явивший чудо. В большинстве ретаблос присутствуют святые

образы: Дева Мария, Иисус Христос или святые, которые выступают спасителями пострадавших. Надпись-посвящение (лента внизу изображения) рассказывает историю с именем, датой и местом события, описывает чудодейственное вмешательство и оглашает благодарность жертвователя. Некоторые картины Ф. Кало выполнены в форме ретабло. Одна из них — «Самоубийство Дороти Хейл». В этом ретабло чуда не произошло: американская актриса покончила жизнь самоубийством, а её смерть Фрида изобразила в столь откровенной манере, что заказчики от картины отказались.

Самоубийство Дороти Хейл. Ф. Кало. 1939

Ещё одним важным национальным элементом, представленным на картинах Фриды, является *платье* — платье как «икона мексиканской идентичности» [Lindauer, 1999: 126], как способ сохранения мотивов, восходящих к индейским традициям, на фоне наступления универсализма. Фрида сама часто носила традиционное мексиканское платье: или тихуану, или уипиль. «Поверх струящейся атласной юбки в пол она могла надеть фартук с рюшами; в косы вплетала пестрые нити и цветы; носила кольца и перстни на всех пальцах. Однако ее гардероб служил вовсе не для эпатажа: с его помощью Кало подчеркивала свое происхождение и идентичность» [Ньюман, 2021: 26]. Художница была в платье всегда, в том числе в самые тяжелые моменты своей жизни:

Традиционная индейская туника уипиль на картине Ф. Кало «Автопортрет с обезьянками». 1943

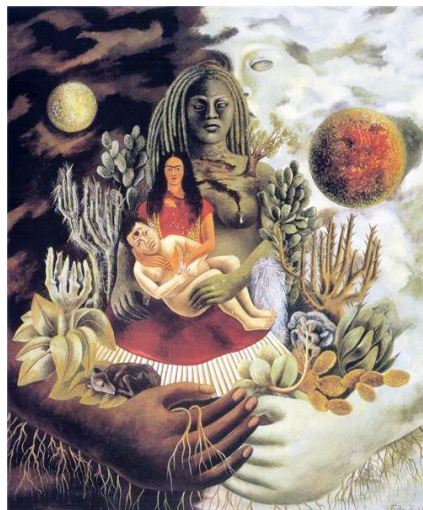
Автопортрет в платье-тихуана (Диего в мыслях). Ф. Кало. 1943

и тогда, когда уже не могла ходить (на открытии её первой выставки на родине), и тогда, когда узнала о необходимости ампутировать ногу. Традиционное платье Ф. Кало надела и на свой последний день рождения. Фрида уделяла своему образу очень много внимания. Возможно, это было следствием романтизации индейской жизни, к которой Фрида, выросшая в г. Мехико в буржуазной среде [Эррера, 2007: 146], учившаяся в городской школе, а затем вращавшаяся в высших кругах мексиканской интеллектуальной элиты, прямого отношения не имела. Возможно, это также было влияние Диего Риверы, за которого она вышла замуж в 22 года. Художник говорил, что мексиканки, которые не носят традиционную мексиканскую одежду, «не принадлежат к народу, они и ментально, и эмоционально зависят от иностранной прослойки...» [Эррера, 2007: 147]. Так или иначе, у Ф. Кало было особое отношение к платью, причём как в жизни, так и на картинах. В её работе «Тут висит моё платье» главное — это платье, символ традиций, непреходящих и по-настоящему имеющих смысл. На заднем плане —

здания, детали технического прогресса, безликие толпы людей. Главное — платье-тихуана, единственный по-настоящему живой и яркий элемент картины, отличный от мира, где пребывает.

Очень живописно изображала Фрида мексиканскую *природу*, подкупающую особой красотой. С природой Мексики тесно связаны национальные блюда и напитки. На мексиканской земле издревле растут томаты, кукуруза, перец, бобы. Из немногочисленной рас-

тительности мексиканцы делают напитки: из агавы производят текилу, мескаль, раисилью, пульке, из кукурузы — атоле (раньше считался напитком бедняков). Без традиционных напитков и блюд не обходятся главные праздники Мексики, в том числе День Мёртвых. На кладбище несут особый хлеб (Pan de Muerto), воду, сигареты и самые разнообразные напитки. «В одной руке — сигарета, в другой — стакан текилы» [Мальковская, 2019]. Так, одетая в тихуану, Фрида открывала в 1953 г. свою первую персональную выставку.

Любовные объятия Вселенной,
Земли (Мексика). Я, Диего и сеньор
Холотль. Ф. Кало. 1949

Другой компонент мексиканской самобытности, представленный на картинах художницы, — это *индейские языческие верования*. В работах Ф. Кало можно найти много индейских статуй доколумбовых времен.

Например, на картине «Любовное объятие Вселенной, Земли (Мексика). Я, Диего и сеньор Холотль» по-матерински Фриду заключает в свои объятия каменная статуя Сиуакоатль, богини плодородия и покровительницы матерей. Пёс Холотль назван в честь одноименного ацтекского бога — проводника в загробном мире. В этой работе, а также во многих других у Фриды представлен дуалистический взгляд автохтонных народов Мексики на мир, ставший следствием чередования лишь двух ярко выраженных сезонов (холодного и тёплого) [Олива, Замора, 2022: 68]) и проявившийся в их материальной культуре. В частности, для культуры Тлатилко, населявшей долину Мехико в XIII–VIII вв. до н.э., было характерно изготовление двуликих фигурок [Soustelle, 1962: 106]. Картины Фриды разделены пополам: на день и ночь, европейское и индейское начала, женское и мужское, холодное и теплое, жизнь и смерть — две стороны одной реальности. Эта двойственность характеризует Мексику и сегодня, причем не только с точки зрения культуры, но и в политике (Северная / Латинская Америка, ЮСМКА⁵/СЕЛАК⁶).

⁵ Соглашение о зоне свободной торговли между США, Канадой и Мексикой (USMCA), в 2020 г. заменившее предыдущее соглашение трех стран — НАФТА. — Прим. авт.

Тема смерти также неслучайно появляется в работах Фриды (см. картины «Четыре жителя Мехико», «Самоубийство Дороти Хейл», «Умерший Димас»). Художница, коллекционировавшая вместе с мужем статуэтки, маски и другие артефакты индейцев, продолжала «получать импульс от своих индейских предков» [Эррера, 2007: 275], которые будто вскормили её и вырастили. Тема преемственности, особых связей со своими предками и миром мёртвых была одной из ключевых осей существования коренных народов. Смерть была лишь этапом, но не концом. Вера в загробную жизнь, характерная для крупнейших мировых религий, была свойственна и самым разным древним языческим верованиям (индейским, марийским, кельтским). При этом внешние атрибуты смерти (череп, скелеты) осознавались индейцами «не как следствие тления, но как атрибуты возрождения к новой жизни» [Громова и др., 2019: 14], как обереги живущих. Такое же отношение к смерти (отсутствие страха перед неизвестным) остаётся в Мексике и сегодня. На День мёртвых (католический праздник с индейскими корнями, «переформатированный» и «мексиканизированный» День всех усопших) дети едят сладости в виде гробов и играют со скелетами, а хлеб выпекается в форме черепа: «Мексиканец презирает смерть <...> мексиканец смеется над смертью» [Sayer, 1993: 45].

Дерево надежды, стой прямо!

Ф. Кало. 1946

* * *

Национальная идентичность мексиканского народа эволюционировала столетиями. Традиционные верования, одежда, гастрономия, узоры, обычаи, музыка, особенности фольклора — всё это формировалось и развивалось на протяжении долгого времени. Фрида Кало «кристаллизовала» в своем образе и творчестве мексиканскую культурную самобытность. При этом, вобрав в себя и отразив на своих полотнах национальные характеристики, художница сама стала символом, мифом Мексики.

⁶ Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC). В его состав входят все независимые государства Америки, за исключением Канады и США. — *Прим. авт.*

Это эссе началось со спектакля, поэтому в завершение работы вернемся к нему. Ответим на вопрос, вынесенный в название театрального представления: «Кто убил Фриду Кало?»: Фриду нельзя убить, она жива. Жива, пока ее помнят. А помнить ее будут, потому что она превратилась в образ Мексики, в символ мексиканской идентичности, неразрывно связанный с культурой и историей страны.

Список литературы / References

Ачкасов В.А. (2003) «Миф Запада» в российской политической традиции: поиск идентичности, *Россия и Грузия: диалог и родство культур*, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское философское общество, с. 48–55.

Achkasov V.A. (2003) «Mif Zapada» v rossiiskoi politicheskoi traditsii: poisk identichnosti [«Myth of the West» in the Russian political tradition: search for identity], *Rossiya i Gruzija: dialog i rodstvo kul'tur*, St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 48–55. (In Russian)

Гаджиев К.С. (2011) Национальная идентичность: концептуальный аспект, *Вопросы философии*, № 10, с. 3–16.

Gadzhiev K.S. (2011) Nacional'naja identichnost': konceptual'nyj aspekt [Conceptual aspect of national identity], *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 3–16. (In Russian)

Гирин Ю.Н. (2011) Функция мифа в культуре Латинской Америки, *Латинская Америка*, № 3, с. 76–88.

Girin Yu.N. (2011) Funktsiya mifa v kul'ture Latinskoi Ameriki [Function of myth in Latin American culture], *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 76–88. (In Russian)

Громова Е.М., Муссауи-Ульянищева Е.В., Басманова А.А. (2019) Образ смерти в живописи Фриды Кало, *Культура и цивилизация*, Том 9, № 5А, с. 12–22. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.002

Gromova E.M., Mussaui-Ul'yanishcheva E.V., Basmanova A.A. (2019) The image of death in Frida Kahlo's paintings, *Culture and Civilization*, Vol. 9, no. 5A, pp. 12–22. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.002 (In Russian)

Кофман А.Ф. (2020) Мачизм и его отражение в испаноамериканском фольклоре, *Традиционная культура*, т. 21, № 1, с. 76–90.

Kofman A.F. (2020) Machizm i ego otrazhenie v ispanoamerikanskom fol'klоре [Machismo and its reflection in Spanish American folklore], *Tradicionnaya kul'tura*, vol. 21, no. 1, pp. 76–90. (In Russian)

Лосев А.Ф. (2021) *Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное)*, Москва, Издательский дом ЯСК, 696 с.

Losev A.F. (2021) *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [The Dialectics of Myth. Supplement to the “Dialectics of Myth” (new academic edition, revised and supplemented)], Moscow, Izdatel'skij dom YASK, 696 p. (In Russian)

Мальковская И. (2019) «Девочка с маской смерти», утверждающая жизнь, *Иностранная литература*, № 6.

Malkovskaya I. (2019) «Devotchka s maskoj smerti», utverzhdayushchaya zhizn' [A girl with a death mask, longing to live], *Inostrannaya literatura*, № 6. (In Russian)

Ньюман Т. (2021) *Культовые художники и их стиль*, Москва, Манн, Иванов и Фербер, 206 с.

Newman T. (2021) *Legendary Artists and the Clothes They Wore*, Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 206 p. (In Russian)

Олива А.Б., Замора М. (2022) *Фрида Кало*, Москва, Издательство АСТ, 160 с.

Oliva A.B., Zamora M. (2022) *Frida Kahlo*, Moscow, Izdatel'stvo AST, 160 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Ибероамериканские тетради*, № 11–1, с. 41–67.

Shemyakin Ya.G. «Velikie geograficheskie otkrytiya»: smysl i istoricheskoe sodержanie termina v svete opyta vzaimodeistviya tsivilizatsii v Novom Svete [«Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers*, no. 11–1, pp. 41–67. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67 (In Russian)

Эррера Х. (2007) *Фрида Кало*, Москва, Эксмо, 544 с.

Herrera H. (2007) *Frida Kahlo* [Frida. A biography of Frida Kahlo], Moscow, Eksmo, 544 p. (In Russian)

André M.C. (2005) Frida and Evita: Latin American Icons for Export, in Root R.A. (ed.) *The Latin American Fashion Reader*, Oxford, Berg, pp. 247–262.

Bauml M., Field S.L. (2012) The Aztec, Frida Kahlo, and Cinco de Mayo: Mexico in Children's Literature, *The Social Studies*, no. 103:2, pp. 90–95. DOI: 10.1080/00377996.2011.584923

Béjar R., Rosales H. (2005) *La identidad nacional mexicana como problema político y cultural. Nuevas miradas* [Mexican national identity as a political and cultural problem. New looks], México, Universidad Nacional Autónoma de México, 282 p. (In Spanish)

Franco J. (1991) 'Manhattan will be more exotic this fall': The iconisation of Frida Kahlo, *Women: A Cultural Review*, no. 2:3, pp. 220–227. DOI: 10.1080/09574049108578085

García Linera A. (2014) *Identidad Boliviana: nación, mestizaje y plurinacionalidad* [Bolivian identity: nation, mestizaje and plurinationality], La Paz, Vicepresidencia del Estado Plurinacional, 76 p. (In Spanish)

Havard L.A. (2006) Frida Kahlo, *Mexicanidad and Máscaras: The Search for Identity in Postcolonial Mexico*, *Romance Studies*, Vol. 24, no. 3, pp. 241–251.

Karp I., Lavine S.D. (eds.) (1991) *Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display*, Washington D.C., Smithsonian Institution Press, 468 p.

Keilor B.D., Hult T.M. (1999) A five-country study of national identity, *International Marketing Review*, Vol. 16, no. 1, pp. 65–84.

Lindauer M. (1999) *Devouring Frida. The Art History and Popular Celebrity of Frida Kahlo*, Hanover, Wesleyan University Press, 217 p.

Mosquera G. (2001) Good-bye identity, welcome difference, *Third Text*, № 15(56), pp. 25–32.

Pastor G. (2016) Estudio sobre la afirmación de la identidad nacional en el Perú [Study on the affirmation of national identity in Peru], *Revista Temática*, no. 2, pp. 109–134. (In Spanish)

Pilcher J.M. (1996) Tamales or Timbales: Cuisine and the Formation of Mexican National Identity, 1821–1911, *The Americas*, Vol. 53, no. 2, pp. 193–216.

Sayer C. (ed) (1993) *Mexico: The Day of the Dead (An Anthology)*, Boston, Shambhala Pubns, 95 p.

Smith A.D. (1997) *La identidad nacional* [National identity], Madrid, Trama Editorial, S.L. 176 p. (In Spanish)

Soustelle J. (1962) *Daily Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest*, NY, Dover Publications, 384 p.

Traverso Yépez M. (1996) *La identidad nacional en Ecuador: un acercamiento psicosocial a la construcción nacional* [National identity in Ecuador: a psychosocial approach to nation-building], Tesis doctoral, Madrid, 435 p. (In Spanish)

Volk S.S. (2000) Frida Kahlo Remaps the Nation, *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture*, no. 6:2, pp. 165–188. DOI: 10.1080/13504630050032053

Como o Carnaval do Brasil se transformou numa Potência da Economia da Cultura

© Luiz Carlos Prestes Filho, 2023

Luiz Carlos Prestes Filho, experto, Pen Club do Brasil, União dos Compositores do Brasil.
E-mail: prestesfilho2018@gmail.com

Resumo. Este ensaio narra sobre como a festa do carnaval que define internacionalmente o Brasil, que teve início no século XVIII, com o *entrudo* (festa de colonizadores portugueses vindos dos Açores, Cabo Verde e Ilha da Madeira) se transformou num *soft power* potente. O texto traz informações que mostram como na década de 1960, após o início da transmissão por televisão dos desfiles e a montagem de arquibancadas para o público, o carnaval brasileiro passa a ser um negócio lucrativo. Com a construção do Sambódromo, em 1983, projeto do arquiteto Oscar Niemeyer, e a construção da Cidade do Samba (fábrica de cenários e fantasias), em 2006, o Carnaval do Brasil se transforma no maior espetáculo cultural do nosso planeta.

Palavras-chave: carnaval, Brasil, economia do carnaval, escolas de samba, comercialização do carnaval

Para citar: Luiz Carlos Prestes Filho (2023) Como o Carnaval do Brasil se transformou numa Potência da Economia da Cultura, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 158–169. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-158-169

Declaración de divulgación: O Autor declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Agradecimentos: Consultores da Equipe Multidisciplinar do estudo «Cadeia Produtiva da Economia do Carnaval»: Antônio Carlos Alkmin dos Reis (Estatística); Carlos Saboia Monte (Economia do Carnaval); Jair Martins de Miranda (Sociologia); Pedro Argemiro Rodrigues (Comunicação Social); Sergio Cidade de Resende (Economia); Sydney Limeira Sanches (Propriedade Intelectual).

Как бразильский карнавал стал бизнесом

© Престес Луис Карлос, 2023

Луис Карлос Престес, эксперт, Пен-клуб Бразилии, Союз композиторов Бразилии.
E-mail: prestesfilho2018@gmail.com

Аннотация. Праздник карнавала — лицо Бразилии, национальная идентификация и мощная «мягкая сила» страны. Истоки карнавала восходят к XVIII веку, когда он представлял собой праздник португальских поселенцев с Азорских островов, островов Кабо-Верде и острова Мадейра, и только потом он стал незаменимой частью бразильской политики и экономики. В 1960-х гг., когда парады школ самбы стали транслироваться по телевидению, а для публики начали устанавливаться трибуны, бразильский карнавал стал прибыльным бизнесом. После строительства Самбодрома в 1983 году (проект архитектора Оскара Нимейера) и создания «Фабрики декораций и костюмов» в 2006 году бразильский карнавал превратился в самое грандиозное развлекательное шоу на нашей планете.

Ключевые слова: карнавал, Бразилия, школы самбы, коммерциализация карнавала, фабрика карнавала

Для цитирования: Престес Луис Карлос (2023) Как бразильский карнавал стал бизнесом. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 158–169. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-158-169

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

How Brazilian Carnival Became a Business

© Prestes Luiz Carlos Filho, 2023

Luiz Carlos Prestes Filho, Expert, Pen Club of Brazil, Union of Composers of Brazil.
E-mail: prestesfilho2018@gmail.com

Abstract. Carnival celebrations represent the image of Brazil, its national identity and the country's potent «soft power». Carnival, whose origins date back to the 18th century as a celebration of Portuguese settlers from the Azores, the Cape Verde Islands and Madeira, has become an indispensable feature of national policy and economy. In the 1960s, when samba school parades started being televised and grandstands were built for the public, Brazilian Carnival has transformed into a lucrative business. With the construction of the Sambodrome in 1983, designed by the architect Oscar Niemeyer, and the creation of the «Samba City» in 2006, Brazilian Carnival has become the grandest entertainment show on Earth.

Keywords: carnival, Brazil, carnival economy, samba schools, commercialization of carnival

For citation: Prestes Luiz Carlos Filho (2023) How Brazilian Carnival Became a Business, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 158–169. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-158-169

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Предисловие¹

Индустрия культуры — особая сфера, которая присутствует во всех странах, формируя среду развлечений человека, при этом ее стратегии разнообразны и не всегда очевидны. Дистанция от свободного и раскованного танца самба, родившегося в беднейших кварталах Рио, до парада школ самбы на Самбодроме (Sambódromo) огромна, и, чтобы ее пройти, требуются, как показывает представляемое исследование, десятилетия. Танец выходит за естественные пределы органического самовыражения человека и становится частью «фабрики карнавала», частью экономики культуры.

Создание рыночного продукта имеет свою историю и логику — это и необходимость инвестиций, и создание привлекательной «упаковки», и способы получения прибыли. Танец *самба* порой не осознает, что он «продукт», и скромно живет в небогатых социальных слоях общества, а его уже начинают «упаковывать» в рыночные карнавальные одежды и готовят к продаже потребителю. Десятилетиями созревают для этого условия, связанные с процессами модернизации — технологическими, структурными, социальными, одновременно формируются новые потребители культуры и насаждаются их ценностные предпочтения. Посредством новых технических возможностей «товар», то есть танец *самба*, становится все более роскошным, зрелищным, притягательным и дорогим (как билеты на первый ряд трибун Самбодрома). Танец, который родился как народный, постепенно дистанцируется от среды, его породившей, от спонтанности и разножанровости исполнения, становится все более универсальным, стандартизированным, помещенным в визуальное пространство мирового телеэкрана и шоу-бизнеса. Коммерческий продукт вызрел, состоялся, он наделен признаком всеобщности как потребительская ценность.

Тем не менее особенность бразильского карнавала заключается в том, что парад школ самбы родился снизу, до превращения в грандиозное мировое шоу, до «фабрики карнавала». «Фабрика» создавалась постепенно, выстраивая отношения низовых представителей школ самбы и рыночных акторов, муниципальных и государственных структур. В итоге конкурс школ самбы стал востребованным массовым зрелищем, частью глобального «общества спектакля» и одновременно лицом бразильской идентичности.

Бразилия на уровне государства активно развивает самобытное творчество, аутентичную культуру, что также становится объектом пристального интереса. Возможно, именно поэтому бренд «карнавала» у его поклонников ассоциируется не с меркантильным и расчетливым подходом, а с народной культурой, ее энергией и жизненным оптимизмом.

¹ Предисловие к этому эссе по просьбе редакции написала Ирина Александровна Мальковская, канд. филос. наук, доцент, культуролог, эксперт по фольклористике. — Прим. ред.

Самба живет в бразильском обществе и за пределами карнавала, ее танцуют и на домашних вечеринках, и в праздники, и на танцполах, и в ночных клубах. Одновременно Бразилия демонстрирует успешный пример продвижения своего международного бренда, которым стал карнавал: «Бразилия — это Карнавал», «Карнавал — это Бразилия», а *самба* — эмблема карнавала, жизнерадостность, смех, общение, культура тела.

В своей работе автор задается многими вопросами. Как развивать «культурную экономику» и «культурную политику» на региональном и муниципальном уровнях? Какие объекты и явления культуры (а их множество) стоит «актуализировать» коммерчески, способствуя тем самым утверждению местной неповторимости? Как совершенствовать поле массовой культуры (того же карнавала), сберегая при этом традиции народа?

В современном мире активно работают и производят товар для миллионов потребителей такие монстры развлекательной индустрии, как две «фабрики грез» (Голливуд и Болливуд) и «фабрика карнавала». Став международным коммерческим продуктом, карнавал благодаря участию и преданности этому празднику простых (порой даже неграмотных, по словам автора) людей, которые не занимают в обществе какие-то выдающиеся позиции, обретает настоящую силу живой культуры Бразилии и остается символом ее национальной идентичности.

И.А. Мальковская

Introdução

O desfile das escolas de samba passou por um intenso processo de «modernização», consolidando-se como uma festa mais organizada e comercial, por oposição a uma relativa espontaneidade e liberdade que a caracterizou no início de sua existência. Esta «modernização» abrange movimentos como a oficialização, em 1935, e a intensa comercialização, a partir dos anos 1960, que foram cruciais para dar ao desfile suas atuais dimensões de espetáculo, organizado segundo padrões da Economia da Cultural e transformado em produto de consumo pelos meios de comunicação de massa.

No ano de 1932, foi realizado o primeiro concurso das Escolas de Samba da história, em que a Mangueira foi campeã. A iniciativa partiu do jornal Mundo Esportivo, do jornalista Mário Filho, que teria sido o responsável pela ideia do concurso [Cabral, 1996]. Cabe ressaltar que os jornais exerceram um papel muito importante na promoção das escolas e da comunidade do samba.

O ano de 1932 também marcou a oficialização do carnaval carioca pelo prefeito Pedro Ernesto (1884–1942). Três anos mais tarde, as escolas de samba também seriam oficializadas: foi esta a primeira reivindicação da União das Escolas de Samba (UES, criada em 1934) junto à Prefeitura, com o objetivo de garantir subvenção oficial semelhante à que já ocorria com as grandes sociedades e os ran-

chos. Assim, em março de 1935, sob a administração do prefeito Pedro Ernesto, foi realizado o primeiro desfile oficial das Escolas de Samba. A nova fase implicou mudanças importantes na realização da festa.

Essa «ascensão» das escolas de samba implicou uma série de transformações formais na estrutura do desfile.

No caso das escolas de samba, o que se verifica é que a oficialização, ao mesmo tempo em que garantiu uma espécie de «cidadania cultural» ao povo do samba, implicou certa subordinação desses novos cidadãos à ordem que se organizou para recebê-los.

*Бразильский карнавал.
Участники парада школ самбы²*

Praça Onze

No início dos anos 40, as obras para a construção da Avenida Presidente Vargas, como parte do processo de modernização da cidade, praticamente demoliram a Praça Onze. O último desfile na antiga localização se realizou no ano de 1942. A partir de então, as escolas deixaram a «pequena África» (como era chamada a região onde fica a praça pelo sambista Heitor dos Prazeres /1898–1966/) para ocupar a Avenida Rio Branco, espaço habitual das classes mais privilegiadas.

Entre os anos de 1946 e 1950, a competição passou a ser realizada na Avenida Presidente Vargas, em frente à Escola Rivadávia Correa. Entre os anos de 1949 e 1950, porém, dois desfiles foram apresentados: o oficial, na Presidente Vargas, e um outro, considerado extraoficial, no que restara da Praça Onze.

A consolidação de um mercado interno de bens culturais no Brasil nas décadas de 1960 e 1970, processo que integra a organização capitalista da cultura no País em sua etapa contemporânea [Ortiz, 2001], influenciou as transformações pelas quais passou o desfile a partir de então. Uma série de mudanças associadas à mediatização da festa, à crescente participação da classe média (inclusive na sua confecção) e à sua intensa comercialização foi desencadeada, determinando um novo modo de produção, circulação e consumo do desfile das escolas de samba enquanto bem cultural.

A partir dos anos 1960, as camadas médias passaram a ter uma participação cada vez mais ampla na plateia dos desfiles e mesmo na composição das escolas, o que inclui a presença de cenógrafos e artistas plásticos ligados à cultura erudita na produção da festa. Esse fato provocaria uma profunda mudança visual nos desfiles, que se tornariam paulatinamente mais ricos e bem elaborados esteticamente.

² Иллюстрации к эссе «Как бразильский карнавал стал бизнесом» были любезно предоставлены школой самбы Pimpolhos. — *Прим. ред.*

Comercialização e transmissão pela TV

A crescente participação das camadas médias e as mudanças na plástica dos desfiles foram acompanhadas por um intenso processo de comercialização da festa. O marco inicial se deu no ano de 1962, quando o Departamento de Turismo da prefeitura do Rio de Janeiro passou a cobrar ingressos ao público. Para que isso fosse possível, foram construídas arquibancadas em frente à Biblioteca Nacional, na Avenida Rio Branco (centro da cidade onde as competições vinham sendo realizadas desde 1957), que cresceriam em dimensão a cada ano devido ao sucesso dos desfiles.

As escolas continuaram crescendo em número de componentes, com a participação cada vez mais ampla de foliões de classe média. Em 1964, escolas que nos anos 1930 contavam com algumas dezenas de componentes passaram a desfilarem com centenas: Portela e Estação Primeira da Mangueira desfilaram naquele ano com 1200 pessoas, e o Salgueiro, com 800. Esse crescimento acelerado era um dos mais graves problemas das escolas, pois prejudicava a eficiência e beleza do desfile [Cabral, 1996]. O aspecto mais negativo da questão era o fato de que o aumento no número de componentes não se processava pela adesão de sambistas, mas sim pela participação de turistas que chegavam do Rio de Janeiro com a garantia de agências de viagem de que desfilariam numa escola de samba [Cabral, 1996]. Ainda em 1964, o carnaval bateu recorde de venda de ingressos para turistas, segundo dados da Secretaria de Turismo do Estado do Rio de Janeiro.

O encarecimento do valor dos ingressos tornava o acesso ao espetáculo cada vez mais difícil à população pobre. Aos poucos, a plateia do desfile estava mudando: no lugar antes ocupado por membros das comunidades de origem das escolas, estavam a classe média, os turistas e a televisão (em 1960 havia sido realizada a primeira transmissão do desfile das escolas de samba, em flash, pela TV Continental).

Em 1965, as escolas de samba começaram a reclamar participação na renda proveniente da venda dos ingressos e também a reivindicar pagamento das emissoras de TV do direito de transmissão dos desfiles (direito de arena), ações que de certa forma refletem a tomada de consciência, por parte das escolas, de que estavam se tornando organizações de cunho empresarial.

Nos anos 1960 e 1970, a percepção por parte do Estado da importância de atuar junto às esferas de cultura incentivou a criação de novas instituições para gerenciar a produção de bens culturais [Ortiz, 2001].

Ainda nessa época (anos 1970), teve início a tendência de profissionalização das atividades ligadas ao Carnaval e às escolas de samba, uma contrapartida à própria racionalização empresarial do empreendimento.

Embora a primeira exibição do desfile pela TV tenha tido lugar em 1960, apenas a partir da década de 1970 ela passou a ser realizada de forma constante, quando então o quesito cronometragem dos desfiles havia sido estabelecido e as emissoras de TV haviam obtido os recursos técnicos necessários. Desde meados da década de 1960 a televisão havia se consolidado como meio de comunicação de massa no Brasil, e no ano de 1970 existiam 4,5 milhões de domicílios com aparelho de TV no País, o que significa que 56% da população era atingida por esse veículo [Ortiz, 2001].

A preocupação em atender ao gosto do público que a partir de então assistia aos desfiles pela TV acentuou a tendência de valorização dos aspectos visuais das escolas, que já se fazia notar desde o tempo em que o desfile era realizado na Avenida Presidente Vargas, quando as arquibancadas levavam à uma visão da festa de cima para baixo, e não da horizontal³. Enquanto fantasias, alegorias e adereços tornaram-se mais luxuosos e cresceram em dimensão, ganhando importância como quesitos de julgamento do desfile, elementos mais ligados à tradição do samba, como o canto, a dança, a harmonia e o próprio samba (música) caíram em segundo plano [Cabral, 1996].

Em 1983, um contrato assinado entre a Associação das Escolas de Samba da Cidade do Rio de Janeiro (AESCRJ) e a televisão para transmissão dos desfiles, assegurou uma base econômica mais regular para as atividades das agremiações. Nessa época, mais de 70 % dos domicílios brasileiros possuíam aparelhos de TV, e o hábito de assistir à televisão se consolidara, disseminando-se por todas as classes sociais [Ortiz, 2001]. Em 1984, foi criada a Passarela do Samba (Sambódromo), que significaria um enorme aumento de receita para as escolas, contribuindo para sanar a dificuldade financeira em que as mesmas se encontravam desde meados dos anos 60.

³ No desfile espetacular realizado pela Acadêmicos do Salgueiro em 1974, que renderia mais uma vitória à escola, o carnavalesco Joãozinho Trinta (1933–2011) apresentou alegorias imensas, bem maiores do que a média das demais escolas de samba, adaptando o desfile à posição do público, colocado em arquibancadas cada vez mais altas. Em entrevista concedida à Revista Playboy em 1976, ele assim justificaria a grandiosidade do desfile daquele ano (*Rei de França na Ilha da Assombração*): «De ano para ano, aumentam os lances das arquibancadas de tal forma que quem ficar nos últimos lances dificilmente vai enxergar bem. A pista aumenta, a decoração aumenta, a iluminação fica mais feérica, por que a escola de samba não pode fazer o mesmo?» [Cabral, 1996: 211].

A Passarela do Samba

Uma das mais antigas reivindicações das escolas de samba era um local apropriado e fixo para a realização dos desfiles. Algo que desse fim à dispendiosa montagem e desmontagem das arquibancadas, que durava meses e paralisava a cidade todos os anos.

Em 1983, o então governador Leonel Brizola (1922–2004) autorizou a construção de um espaço definitivo para o desfile. Em setembro daquele ano, ele convocou a imprensa ao Palácio da Guanabara para apresentar o projeto do arquiteto Oscar Niemeyer (1907–2012) e confirmar a Rua Marquês de Sapucaí (onde os desfiles já vinham sendo realizados desde 1978) como local escolhido para a construção. Ainda naquele mês, um dos integrantes da equipe de Niemeyer, o arquiteto Sabino Barroso (1927–2021), destacou em entrevista ao jornal «O Globo» que «a ideia principal do projeto, a sua inovação maior, é a importância dada à participação do povo, que foi aliado da passarela e só teria acesso para ver o carnaval pagando preços absurdos. Agora, toda população mais pobre terá possibilidade de assistir ao carnaval como espectadora. Oscar partiu de um projeto muito bem idealizado em que, suspendendo as arquibancadas, poderá dar por baixo acesso a uma massa bastante grande para ver o desfile» [Cabral, 1996: 220].

Cidade do Samba

Por outro lado, o projeto executado pela Prefeitura do Rio de Janeiro, a Cidade do Samba, inaugurada em setembro de 2006, uma área de 78 mil metros quadrados construída no bairro da Gamboa, abrigou a «Fábrica de Carnaval». O local reuniu 14 galpões de 19 metros de altura para serem utilizados

Луизинью Друммонд, Луис Карлос Престес, Анизиу Абраао Давид⁴

⁴ В центре фотографии Луис Карлос Престес — младший (Luiz Carlos Prestes Filho, р. 1959), композитор, режиссер, писатель, поэт, журналист и автор данной статьи, сын Луиса Карлоса Престеса (Luís Carlos Prestes, 1898–1990), видного деятеля бразильского и международного коммунистического движения. Слева — Луизинью Друммонд (Luizinho Drummond, 1940–2020), президент Школы Самба Императриц Леополдиненсе (Imperatriz Leopoldinense), справа — Анизиу Абраао Давид (Anísio Abraão David, р. 1937), президент Школы Самба Бейжа-Флор де Нилополис (Beija-Flor de Nilópolis), главные руководители бразильского карнавала, организаторы постройки Самбодрома (Sambódromo, 1983 г.) и создания «Города Карнавала», «Фабрики Карнавала» (Cidade do Samba, Fábrica do Carnaval, 2006 г.). — Прим. ред.

pelas escolas de samba do Grupo Especial para a confecção de alegorias, fantasias e adereços. Passarelas foram especialmente construídas para permitir a visualização do alto de todo esse trabalho — a ideia era fazer do complexo uma atração turística permanente, em que visitantes pudessem assistir à preparação do desfile durante todo o ano. Sua arquitetura também inclui áreas para espetáculos e exposições e lojas para a venda de produtos ligados ao carnaval.

A estrutura foi criada com o propósito de substituir os barracões, galpões improvisados, cedidos por empresas ou pelos governos estadual-municipal, em que as escolas até aquele momento preparavam seus desfiles. Constantemente ameaçados por incêndios, falta de segurança, insalubridade e ordens de despejo, os barracões eram pouco apropriados para a preparação do desfile — a altura insuficiente para os carros alegóricos, por exemplo, obrigava a que estes fossem montados nas ruas, na véspera do carnaval, obstando às escolas uma visão antecipada do que iriam apresentar ao público.

* * *

Antes de ser assimilado pela indústria cultural, o desfile das escolas de samba constituía uma manifestação cultural de caráter comunitário: era a festa produzida pelas camadas subalternas da população carioca para brincar o carnaval. Ao longo dos anos, porém, uma série de mudanças fez com que a relativa espontaneidade com que era realizado o desfile no início desse lugar a um formato cada vez mais organizado e comercial.

A rigor, a própria «fórmula» escola de samba correspondeu a um modo menos espontâneo de realizar o carnaval, configurando uma forma bem mais estruturada que os blocos e cordões em que teve origem. Mas cabe observar que o surgimento de um formato mais coordenado correspondeu a um movimento das próprias camadas populares, funcionando como uma estratégia para obter integração à sociedade global.

A oficialização, em 1935, também representou um passo importante no processo de organização, correspondendo a uma subordinação das escolas e do desfile ao poder público, que alterou significativamente a lógica de produção da festa (como as restrições aos temas do samba de enredo, bem como o estabelecimento de dia e horário fixo para os desfiles). Porém, é preciso reconhecer que ela foi resulta-

do de uma negociação entre Estado e representantes do mundo do samba que reivindicavam a subvenção da prefeitura. Talvez possamos dizer que, apesar da necessidade de se submeter a demandas «externas», as escolas, naquele momento,

exerciam com mais autonomia sua condição de agentes capazes de uma estratégia independente.

Nas décadas de 1960 e 1970, os processos de comercialização e profissionalização se intensificaram, dando às escolas de samba o caráter de empresas de entretenimento, e ao desfile, o de espetáculo. As demandas e imperativos do mercado se tornaram preponderantes. O caráter popular da festa foi cada vez mais «domesticado», com nítida perda de poder por parte dos sambistas e das comunidades do mundo do samba quanto ao rumo das transformações nas escolas. Não é a toa que movimentos de resistência e crítica às mudanças se acentuaram nesse período, conforme atestam a «fuga» dos sambistas para espaços menos sujeitos às novas regras.

Se, antes da década de 1960, a relação entre as escolas de samba e atores como o Estado e o mercado se assemelhava a um acordo em que cada uma das partes faz concessões, a partir dessa época, se parece muito mais com uma sujeição, uma adequação muito pouco negociada às regras do mercado, que gerou a expropriação dos sambistas de um instrumento importante de expressão e afirmação de identidade. Um episódio envolvendo o sambista Ismael Silva (1905–1978), em 1969, é bastante sintomático dessa situação: quatro décadas depois de ajudar a fundar aquela que é considerada a primeira escola de samba, a Deixa Falar, Ismael foi impedido de assistir ao desfile de 1969 porque não tinha dinheiro para pagar o ingresso e porque não foi reconhecido pelos novos administradores das escolas de samba.

O mundo do samba assistiu a uma progressiva separação das instâncias de produção e consumo, processo que ficou nítido mesmo na criação do próprio samba. Muniz Sodré observa que «ao se passar a viver de samba — ao invés de se viver no samba ou com ele — entrou-se no esquema de uma produção que, aos poucos, introduziu o seu ritmo próprio: o do espetáculo» [Sodré, 1998: 52].

Por um lado, houve um importante incremento da capacidade de gerar lucro e a consequente autonomia financeira do espetáculo: se, em 1935, as escolas careciam e lutavam pela subvenção oficial como forma de obter recursos, neste início de século elas constituem em empreendimentos autofinanciáveis, altamente lucrativos e independentes do ponto de vista financeiro.

Este texto demonstra que no Brasil primeiro surgiu o produto DESFILES CARNAVALESCOS e depois a FABRICA DE CARNAVAL, invertendo a lógica de produção capitalista tradicional. Quando primeiro é construída uma fábrica para, consequentemente, produzir um produto comercial. A lógica da Economia da Cultura deve ser estudada cada vez mais por conta de sua originalidade.

References

Cabral S. (1996) *As Escolas de Samba do Rio de Janeiro* [Samba Schools of Rio de Janeiro], Rio de Janeiro, Lumiar Editora, 448 p.

Ortiz R. (2001) *A moderna tradição brasileira* [The modern Brazilian tradition], São Paulo, Brasiliense, 224 p.

Sodré M. (1998) *Samba, o dono do corpo* [Samba, master of the body], Rio de Janeiro, Mauad, 112 p.

К проблеме сохранения авторского идиостиля в переводе: алкоголь в прозе С. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и сборника новелл «Компромисс» на испанский и португальский языки)

© Микаэлян Ю.И., 2023

Юлия Игоревна Микаэлян, канд. филол. наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0009-0007-7147-8190 E-mail: jmikaelyan@gmail.com

Аннотация. Цель данной статьи — при помощи семиотического подхода к анализу художественного текста, на примере единиц лексико-семантического поля «алкоголь» проанализировать некоторые особенности идиостиля писателя С. Довлатова и возможные переводческие стратегии, позволяющие сохранить авторский идиостиль в переводе. Тема алкоголя является важной частью дискурса писателя: посредством отсылок к алкоголю Довлатов характеризует как персонажей своих произведений, чья картина мира строится вокруг выпивки, так и окружающую их реальность. Семиотический подход позволяет обнаружить дополнительные значения и смыслы, участвующие в построении образов в художественном тексте. В то же время данный подход эффективен и при анализе переводов художественного текста, поскольку обращает внимание переводчика на те элементы, которые необходимо сохранить

в переводе для передачи авторского замысла и, следовательно, для достижения коммуникативной эквивалентности исходного текста и текста перевода. Сопоставительный анализ текстов повести «Заповедник» и сборника новелл «Компромисс» и их переводов на испанский язык (пиренейский вариант) и бразильский национальный вариант португальского языка продемонстрировал, что наибольшие сложности у переводчиков вызывает обилие отсылок к культурным реалиям и прецедентным феноменам советской культуры, в большинстве случаев неизвестным иностранцам, особенно когда на отсылках к подобным феноменам строится авторский юмор. Чаще всего в подобных ситуациях переводчики прибегают к стратегии доместикации, адаптируя текст под культуру перевода, что иногда может привести к искажению авторского замысла и утрате части смыслов, присутствующих в исходном тексте.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, стратегии перевода, семиотика культуры, испанский язык, португальский язык, русская литература, перевод юмора

Для цитирования: Микаэлян Ю.И. (2023) К проблеме сохранения авторского идиостиля в переводе: алкоголь в прозе С. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и сборника новелл «Компромисс» на испанский и португальский языки). *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 170–186. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 170–186
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

UDC 94:327+821.134

Recibido 11.10.2023.
Revisado 01.11.2023.
Aceptado 24.11.2023.

Respecto al problema de la conservación de las peculiaridades del estilo del autor en la traducción: el alcohol en la prosa de S. Dovlátov (basándose en las traducciones de «Retiro» y «El compromiso» al español y al portugués)

© Mikaelyan Yu.I., 2023

Yulia I. Mikaelyan, PhD (Letras), Profesora Titular del Departamento de Español de la Universidad MGIMO.

119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0007-7147-8190 E-mail: jmikaelyan@gmail.com

Resumen. Serguéi Dovlátov (1941–1990) es considerado uno de los escritores rusos más importantes de la segunda mitad del siglo XX, cuya obra se estudia con mucho interés tanto en Rusia como en otros países de Europa, América y Asia. El objetivo del presente artículo es analizar algunas peculiaridades de su estilo y las posibles estrategias de traducción que permitan preservarlo en la traducción mediante un enfoque semiótico del análisis del texto literario. El tema del alcohol forma parte integral del discurso del escritor, ya que, a través de las referencias a la bebida, Dovlátov caracteriza tanto a los personajes de sus obras, cuya visión del mundo se construye en torno al alcohol, como a la realidad que los rodea. El enfoque semiótico nos permite descubrir significados y sentidos adicionales implicados en la construcción de imágenes en el texto literario. Al mismo tiempo, también resulta eficaz para analizar las traducciones literarias, ya que llama la atención del traductor sobre los elementos cruciales para lograr una equivalencia comunicativa entre el original y el texto traducido. El análisis comparativo de los textos de «Retiro» y «El compromiso» y sus traducciones al español (versión ibérica) y al portugués de Brasil ha demostrado que las mayores dificultades para los traductores se deben a

la abundancia de referencias a realidades culturales y fenómenos precedentes de la cultura soviética, sobre todo cuando en las referencias a tales fenómenos se basa la comicidad. La mayoría de las veces, en estos casos, los traductores recurren a la estrategia de domesticación, adaptando el texto a la cultura de la traducción, lo que a veces puede llevar a la distorsión de las intenciones del autor y a la pérdida de algunos de los significados presentes en el texto original.

Palabras clave: S. Dovlátov, estrategias de traducción, semiótica de la cultura, lengua española, lengua portuguesa, literatura rusa, traducción del humor

Para citar: Mikaelyan Yu.I. (2023) Respecto al problema de la conservación de las peculiaridades del estilo del autor en la traducción: el alcohol en la prosa de S. Dovlátov (basándose en las traducciones de «Retiro» y «El compromiso» al español y al portugués), *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 170–186. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 170–186
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

UDC 94:327+821.134

RESEARCH ARTICLE

Received 11.10.2023.

Revised 01.11.2023.

Accepted 24.11.2023.

On the Problem of Preserving the Writer's Idiosyncrasy in Translation: Alcohol in S. Dovlatov's Prose (a Case Study of the Translations of «Pushkin Hills» and «The Compromise» Into Spanish and Portuguese)

© Mikaelyan Yu.I., 2023

Yulia I. Mikaelyan, PhD, Associate Professor at the Department of Spanish Language, MGIMO University.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

ORCID: 0009-0007-7147-8190 E-mail: jmikaelyan@gmail.com

Abstract. Sergei Dovlatov (1941–1990) is considered to be one of the most important Russian writers of the second half of the 20th century, whose work is studied both in Russia and in other countries in Europe, America, and Asia. The aim of this article is to analyze some peculiarities of his style and possible translation strategies to preserve it in translation using a semiotic approach to literary text analysis. The theme of alcohol is an integral part of the writer's discourse, since, through references to drinking, Dovlatov describes both the characters in his works, whose worldview is built around drinking, and the reality around them. The semiotic approach

allows us to discover additional meanings and sense involved in the construction of images in the literary text. At the same time, it is also effective for analyzing literary translations, as it draws the translator's attention to the crucial elements for achieving communicative equivalence between the original and the translated text. The comparative analysis of the texts of «Pushkin Hills» and «The Compromise» and their translations into Spanish (Iberian version) and Brazilian Portuguese has shown that the greatest difficulties for the translators emerge due to a great number of references to cultural realities and phenomena of the Soviet culture, especially when the author's humor is based on the references to such phenomena. Most often, in such cases, translators resort to the strategy of domestication, adapting the text to the culture of the translation, which can sometimes lead to the distortion of the author's intentions and the loss of some of the meanings present in the original text.

Keywords: S. Dovlatov, translation strategies, semiotics of culture, Spanish language, Portuguese language, Russian literature, humor translation

For citation: Mikaelyan Yu.I. (2023) On the Problem of Preserving the Writer's Idiosyncrasy in Translation: Alcohol in S. Dovlatov's Prose (a Case Study of the Translations of «Pushkin Hills» and «The Compromise» Into Spanish and Portuguese), *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 170–186. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-170-186

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Произведения писателя С.Д. Довлатова (1941–1990) начали активно переводиться и изучаться за рубежом в середине 80-х гг. прошлого века, и на данный момент география переводов его текстов довольно обширна. Первые переводы книг на английский язык были сделаны в США, где Довлатов проживал с 1978 г. вплоть до своей смерти в 1990 г.; еще при жизни автора его книги начали также переводить и на другие европейские языки. В настоящее время писателя читают и изучают и в странах Латинской Америки (его произведения активно исследуются и переводятся в Бразилии и Аргентине) и Азии [Дяньмэй, 2020: 191].

Псевдодокументализм (такое определение своей манере письма давал сам Довлатов [Власова, 2001: 15]) и сильный автобиографический элемент являются характерными особенностями поэтики писателя. Внесение собственных черт в образ главного героя — рассказчика, от имени которого ведется повествование, переработка событий своей биографии и «списывание» персонажей с реально существовавших прототипов, часто с сохранением имен и фамилий, стало авторским методом.

Сам Довлатов всю жизнь страдал от алкогольной зависимости, которая и стала причиной его смерти в возрасте 48 лет. Свое пристрастие к выпивке он никогда не скрывал и так или иначе обращался к теме алкоголя во всех своих произведениях, называя алкоголь «вечным спутником российских литераторов»¹. Российский литературовед и критик И.Н. Сухих, занимающийся ис-

¹ Довлатов С.Д. Ремесло. Санкт-Петербург. Азбука, Азбука-Аттикус. 2014. С. 45.

следованием прозы Довлатова, считает тему алкоголя неотъемлемой частью творчества писателя, предлагая следующие тематические формулы для характеристики анализируемых нами книг, которые демонстрируют важность темы выпивки для художественного мира Довлатова: согласно Сухих, формула «Компромисса» — это «ложь, вино и женщины», а формула «Заповедника» — «Пушкин, вино и женщины» [Сухих, 2006: 123, 136].

Отсылки к алкоголю превращаются у Довлатова в литературный прием, который служит для характеристики персонажей: важно, что именно они выпивают (дорогие, дешевые напитки или же вообще спиртосодержащие жидкости вроде одеколона или политуры), где (дома, в гостях, в ресторане, в такси, в лесу или на корабле), как (так, некоторые персонажи «Компромисса» предпочитают пить «из горла» даже при наличии стаканов, объясняя, что иначе «кайф не тот»²), и при каких обстоятельствах. Также алкоголь служит и для описания окружающей действительности, которая всегда преобразуется под влиянием винных паров.

Так как выпивка является неотъемлемой частью жизни довлатовских героев, вокруг нее строится и их картина мира. Пользуясь сравнением Ю.Н. Караулова, мы можем отнести алкоголь у Довлатова к своего рода «идеологеме», поскольку через алкоголь в его книгах выражается также и «семанτικο-тематическое обозначение духовных ценностей действующих лиц» [Караулов, 2023: 82]. Любые разговоры и даже расчеты (например, при оплате аренды) вращаются вокруг спиртных напитков, свое здоровье персонажи оценивают, исходя из того, что и в каком количестве они могут выпить, а их прямая речь изобилует жаргонизмами, фразеологизмами и идиоматическими выражениями, отсылающими к алкогольной тематике. Мотив алкоголя является сквозным практически во всех произведениях Довлатова, что позволяет рассматривать его как одну из ключевых тем дискурса писателя и его персонажей. В свою очередь, многочисленные лексические единицы, принадлежащие лексико-семантическому полю «алкоголь», формируют и авторский идиостиль, поскольку «частотное употребление слов, в том числе служебных, является идиостилевой чертой» [Хлупина, 2014: 22].

В данном исследовании мы воспользуемся методами семиотического анализа текста. С точки зрения семиотики, художественный текст является знаковой системой со сложной структурой, содержащей на разных уровнях определенные коды, которые и способствуют созданию смысла или образа в произведении. В отечественной науке художественный текст как объект семиотического анализа активно изучали Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, Б.А. Успенский и др. Так, как отмечает Ю.М. Лотман, художественный текст — это «сложно построенный смысл» [Лотман, 1978: 19].

² Довлатов С.Д. Компромисс. Встретились, поговорили. Санкт-Петербург. Азбука. 2003. С. 192.

Методы семиотического подхода применимы при анализе авторского идиостиля и переводов художественного текста, поскольку, согласно А.И. Ивановой, «семиотический подход к рассмотрению идиостиля писателя может служить основой для продуктивного практического анализа оригинала и/или переводов художественных произведений, а также для улучшения качества новых создаваемых текстов» [Иванова, 2010: 106]. В данном исследовании под идиостилем вслед за В.В. Леденевой мы понимаем «индивидуально устанавливаемую языковой личностью систему отношений к разнообразным средствам и способам авторепрезентации», которая отражает «творческий, личностный и через него и общественный уровень представлений и отношений к миру» автора [Леденева, 2000: 127].

Поскольку семиотический подход опирается на представление о переводе как об особом случае коммуникативного акта, он позволяет «сконцентрировать внимание на конкретных элементах кода, передающих сообщение, которые должен находить переводчик для максимально полного донесения сообщения до конечного реципиента». [Иванова, 2010: 106]. Следовательно, как для понимания смысла произведения, так и для его адекватного перевода особое внимание при анализе довлатовских текстов и их переводов следует уделить не только семантике лексем, но и их прагматической составляющей, стилевому регистру, к которому они принадлежат, поскольку, с точки зрения семиотического анализа, и на семантико-прагматическом, и на синтаксическом уровне эти единицы являются знаками и несут определенную информацию. Так, как отмечает Ю.М. Лотман, «в нехудожественных текстах информативен не язык, а сообщение на нем. <...> Но в пределах художественного текста язык тоже становится носителем информации» [Лотман, 1978: 362].

Многие исследователи отмечают, что для прозы Довлатова характерна «литературная имитация специфических черт устной речи» [Орлова, Петренко, 2011: 50], поэтому прямая речь персонажей его книг отличается особым стилистическим разнообразием и яркостью. Прямая речь довлатовских героев изобилует различными выражениями, отсылающими к алкогольной тематике. Анализируя концепт «алкоголь», М.А. Хлупина выделяет десять лексико-семантических групп его репрезентантов в прозе Довлатова: 1) номинация совокупности алкогольных напитков; 2) номинация ёмкости для алкоголя; 3) номинации заведения, в котором употребляют алкоголь; 4) номинации болезненного состояния вследствие постоянного употребления алкоголя; 5) номинации процесса употребления алкоголя; 6) номинации стадий алкогольного опьянения; 7) номинации пьяного человека; 8) номинации алкоголика; 9) номинации похмелья; 10) номинации запоя (в последней группе перечисляются варианты употребления лексемы «запой» в сочетании с характеристиками-прилагательными) [Хлупина, 2014: 71–78]. В группах представлены лексемы, относящиеся к разным частям речи, а также к разным стилевым регистрам.

В текстах «Заповедника» и «Компромисса» не раз встречаются такие разговорные выражения и жаргонизмы для номинации совокупности алкогольных напитков и ёмкостей для алкоголя, как «кир», «отрава», «водяра», «чекушка», «полбанки» и др.; глаголы, номинирующие как процесс употребления алкоголя, так и стадии алкогольного опьянения, как «поддать», «нажраться», «бухать», «подлечиться», «опохмелиться» и др.; выражения «пить из горла», «гудеть по-черному», «упиться вдрабадан» «пьяный как свинья» и др. Отдельного внимания заслуживают культурные реалии, связанные с алкогольной тематикой, которые нередко встречаются в довлатовских текстах и могут вызывать сложности при переводе: такие понятия, как «вытрезвитель», «запой»; упоминания спиртосодержащих жидкостей, используемых в качестве дешевой замены алкоголя.

Как правило, именно перевод жаргонизмов, фразеологизмов и идиоматических выражений, а также культурных реалий вызывает наибольшие сложности у переводчика, поскольку в его задачи входит, помимо адекватной передачи смысла, в том числе и сохранение авторского замысла и стиля, что подразумевает поиск лексемы или выражения в языке перевода со схожими коннотациями и стилистической окраской.

В случае с переводом юмористических текстов, к которым безусловно относятся тексты Довлатова, переводчики сталкиваются с еще одним вызовом — переводом юмора и сохранением комического и на языке перевода. Особая культурная маркированность юмора, тесная связь с культурой, в которой он был произведен [Vandaele, 2010: 150], нередко делает эту задачу весьма непростой. Юмор в довлатовских произведениях часто оказывается тесно переплетен с темой алкоголя. Так, как отмечают Т.А. Маряничева и Л.О. Чернейко, «неалкогольные» составляющие художественного мира писателя — литература и юмор — тесно связаны с его алкогольной составляющей. <...> А большинство встречающихся в текстах языковых шуток возникает в связи с пагубным пристрастием героев и, соответственно, строится именно на основе единиц лексико-семантической сферы «алкоголь» [Маряничева, Чернейко, 2013: 122].

При переводе культурно-маркированной лексики и языковых реалий возможны две противоположные стратегии, которые впервые упоминаются в труде немецкого философа Ф. Шлейермахера «О разных методах перевода» («Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens», 1813). Согласно Шлейермахеру, при переводе художественного текста переводчик или «оставляет писателя в покое и заставляет читателя приблизиться к нему»³, или наоборот, «оставляет в покое читателя и заставляет писателя приблизиться к нему» [Schleiermacher, 1996: 137]. В дальнейшем американский историк и теоретик

³ Здесь и далее перевод иноязычных работ мой. — Ю.М.

перевода Л. Венути обозначил первую стратегию, при которой переводчик не адаптирует текст, сохраняя его «иностранный», чуждый культуре перевода характер как стратегию форенизации (англ. *foreignization*); противоположную ей стратегию, при которой текст адаптируется под культуру перевода, исследователь назвал стратегией доместикации (*domestication*) [Venuti, 2004: 468–469].

Рассмотрим некоторые примеры употребления «алкогольной» лексики в текстах Довлатова и проанализируем стратегии перевода, к которым прибегают переводчики.

Характеристика персонажа посредством его отношений с алкоголем и предпочитаемых им напитков служит одним из художественных приемов, нередко используемых писателем, на котором также могут строиться и авторский юмор, и ирония. В следующем фрагменте из «Компромисса шестого» сборника «Компромисс» журналистка Лида безуспешно пытается взять интервью у бывшего лагерного охранника: любые ответы и рассуждения персонажа так или иначе сводятся к выпивке. Следует отметить, что уже сама структура и абсурдность этого диалога вызывают улыбку у читателя вне зависимости от его фоновых знаний.

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
Вы были надзирателем, это опасно, рискованно? Алиханов неохотно задумался. — Риск, конечно, был. Много водки пили. Лосьоном не брезговали. На сердце отражается... <...> Вы мужественный человек? — Не знаю. Раньше мог два литра выпить. А теперь от семисот граммов балдею ... Возраст... ⁴	O senhor foi guarda de prisioneiros, é algo perigoso, arriscado? Alikhánov, a contragosto, caiu em reflexão. — Riscos certamente houve. Bebíamos vodca para valer. Não des prezávamos uma água-de-colônia . Essas coisas afetam o coração... <...> ... O senhor se considera um homem corajoso? — Não sei. Antes eu conseguia tomar dois litros. Agora bastam setecentos gramas para eu ficar tonto ... É a idade... ⁵	Usted era vigilante de convoyes. ¿No es un trabajo muy peligroso y aventurado? Alikhánov pensó en ello de mala gana. — Había algunos riesgos desde luego. Bebíamos mucho vodka. Tampoco habríamos rechazado la loción para después del afeitado . Todo eso tiene que afectar al corazón. <...> ... ¿Es usted un hombre valiente? — No lo sé. Hubo un tiempo en que podía beber dos litros. Ahora me quedo atontado con setecientos gramos. Debe de ser la edad... ⁶

⁴ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 150–151.

⁵ Dowlátov S. O compromisso. São Paulo. Kalinka. 2019. P. 71.

⁶ Dowlátov S. El compromiso. Vitoria-Gasteiz. IKUSAGER EDICIONES S.A. 2005. P. 62–63.

В фрагменте на португальском языке была использована стратегия доместикации: бразильские переводчики заменили лосьон, которым «не брезговали» надзиратели, одеколоном (*água de colônia*); при этом в тексте дана сноска, где поясняется, что в СССР в отсутствие спиртных напитков иногда в ход шли любые жидкости, содержащие алкоголь. В испанском переводе была сохранена лексема «лосьон», однако переводчики также использовали прием экспликации (термин А. Бермана [Berman, 2007: 51]), уточняя, что речь идет о лосьоне после бритья: *loción para después del afeitado*.

Испанское (2006) и бразильское (2019) издания перевода сборника «Компромисс» С.Д. Довлатова

Русское разговорное выражение «балдеть», в данном контексте выступающее синонимом глагола «пьянеть», тоже не вызвало особых трудностей и было переведено в обоих случаях разговорными выражениями из языков перевода со схожими коннотациями: *ficar tonto* на португальском и *quedarse atontado* на испанском.

В продолжении этого диалога персонаж Алиханова пытается уговорить журналистку выпить с ним, предлагая «взять полбанки и сухого»:

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
Возьмем полбанки и сухого ⁷ .	Vamos comprar meia garrafa de vodka e uma de vinho seco ⁸ .	Vamos a comprar media botella y algún vino seco ⁹ .

⁷ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 151.

⁸ Dovlátov S. O compromisso... P. 71.

⁹ Dovlátov S. El compromiso... P. 63.

Жаргонизм «полбанки», используемый для обозначения пол-литровой бутылки водки, довольно часто встречается в разных текстах Довлатова. Фраза персонажа Алиханова эллиптична и содержит имплицитную информацию, касающуюся выпивки: помимо подразумеваемой водки также опущено и существительное «вино». О том, что в данном контексте речь идет о вине, читателю подсказывает прилагательное «сухое». Эллиптичность характерна для разговорной речи не только русского языка, однако в прямой речи персонажей Довлатова подобные опущения, связанные с алкоголем, обретают дополнительный смысл, поскольку они подчеркивают тесное знакомство персонажей с алкогольной тематикой и ее важность для них.

Бразильские переводчики использовали прием экспликации и сделали очевидной информацию, подразумевавшуюся в исходном тексте: в переводе были добавлены существительные *vodka* и *vinho* — «*meia garrafa de vodka e uma de vinho seco*». Переводчик на испанский, в свою очередь, эксплицировал лишь лексему «вино» и использовал выражение *media botella y algún vino seco*, контекстуально намекая, что речь идет о водке, в том числе за счет упоминания существительного *vino*.

И испанские, и бразильские переводчики допустили в этом фрагменте фактическую ошибку: разговорное выражение «полбанки» в обоих переводах было переведено как «полбутылки» (*meia garrafa*, *media botella*), однако ни у испанцев, ни у бразильцев это выражение не вызывает ассоциаций с бутылкой 500 мл.

Как было отмечено выше, прямая речь довлатовских персонажей изобилует жаргонизмами. Для перевода подобной лексики, стилистически окрашенной в русском языке, переводчики, как правило, стараются подобрать жаргонные и разговорные выражения, которые обладали бы схожей экспрессией. В следующем примере из повести «Заповедник» персонаж алкоголика Михал Иваныча предлагает главному герою арендовать у него комнату за «шесть бутылок отравы».

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>
Неси шесть бутылок отравы , и площадь за тобой ¹⁰ .	Por seis garrafas do veneno o espaço é seu ¹¹ .	Me pasas seis botellas de brebaje y toda pa ti ¹² .

Данная переводческая задача была успешно решена переводчиками на оба языка, и были подобраны жаргонизмы со схожей семантикой. В бразильском тексте «отраву» перевели существительным *veneno* («яд, отрав»),

¹⁰ Довлатов С.Д. Заповедник. Санкт-Петербург. Азбука. 2003. С. 197.

¹¹ Dowlátov S. Parque cultural. São Paulo. Kalinka. 2016. P. 57.

¹² Dowlátov S. Retiro. Logroño. Fulgencio Pimentel. 2017. P. 42.

которое употребляется в разговорной речи для обозначения дешевого алкоголя; переводчики на испанский использовали существительное *brebaje* («пойло»), также используемое в отношении выпивки.

Испанское (2017) и бразильское (2016) издания перевода повести «Заповедник»

В текстах Довлатова все время встречаются различные синонимы глагола «опьянеть, напиться» и их производные, в том числе и окказионализмы. В одном из эпизодов «Заповедника» для характеристики стадии опьянения персонажа Валерия Маркова используется разговорное окказиональное выражение «Валера накушавши».

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>
Кто-то из-за угла вяло про-изнес: — Валера накушавши ... ¹³	Uma voz se destacou de um canto do salão: — Valera encheu a lata ... ¹⁴	Uno de los del rincón apuntó con desgana: — Pero qué perjudicado estás, Valeri... ¹⁵

Для сохранения разговорного регистра бразильские переводчики подобрали эквивалентное жаргонное выражение *encher a lata* (букв. «наполнить жестяную банку»), означающее «напиться». В испанском же переводе,

¹³ Довлатов С.Д. Заповедник... С. 258.

¹⁴ Dowlátov S. Parque cultural... P. 134.

¹⁵ Dowlátov S. Retiro... P. 135.

напротив, мы видим стилистически нейтральный перевод: *qué perjudicado estás* («в каком ты плохом состоянии»), который приводит к утрате экспрессии, присутствующей в исходном тексте.

К сожалению, переводчикам далеко не всегда удастся подобрать стилистические и коммуникативные эквиваленты жаргонизмам и другим стилистически окрашенным словам и выражениям. В следующем примере из «Компромисса» в ответ на просьбу главного героя об интервью персонаж Кузина использует просторечное «поддать»:

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
— Надо бы куда-то зайти, побеседовать.	— Deveríamos sentar em algum canto e bater um papo.	— ¿Qué tal si hablamos en otro sitio más apropiado?
— В смысле — поддать ? — оживился Кузин.	— No sentido de tomar um trago ? — animou-se Kúzin.	— ¿Quiere decir si echamos un trago ? — Kuzin se animó.
<...>	<...>	<...>
— Денег — восемь рублей <...> плюс живая бутылка отравы ¹⁶ .	— Só tenho oito rublos em dinheiro <...> mais uma garrafa do veneno ¹⁷ .	— Tengo ocho rublos <...> más esto ¹⁸ .

Ни в испанском, ни в бразильском переводе не сохранилось стилистической окраски, присутствующей в исходном тексте: в обоих случаях глагол был переведен куда более нейтральными выражениями со значением «выпить, пропустить рюмку»: *tomar um trago* на португальском и *echar un trago* на испанском. Подобная переводческая трансформация неизбежно ведет к частичной потере юмора фрагмента, поскольку в оригинале создается комический эффект в том числе за счет резкого переключения стилистического регистра. По сюжету журналист просит персонажа Кузина побеседовать с ним для юбилейного материала в советскую газету, а тот воспринимает это приглашение совершенно однозначно как приглашение выпить и к тому же озвучивает свои мысли при помощи сниженной лексики.

В этом же фрагменте снова встречается лексема «отрава». В бразильском переводе ее также перевели существительным *veneno*, в то время как в испанском переводе¹⁹ переводчики ушли от использования жаргонной лексики и заменили ее указательным местоимением (*esto*), поскольку в следующем абзаце персонаж достает из портфеля бутылку рома.

¹⁶ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 137.

¹⁷ Dowlátov S. O compromisso... P. 53.

¹⁸ Dowlátov S. El compromiso... P. 48.

¹⁹ Необходимо пояснить, что над испанскими переводами «Компромисса» и «Заповедника» работали разные группы переводчиков. Перевод «Заповедника» был сделан Таней Михельсон и Альфонсо Мартинесом Галилеа (Tania Mikhelson, Alfonso Martínez Galilea), а перевод «Компромисса» — Аной Алкорты и Моисесом Рамиресом (Ana Alcorta, Moisés Ramírez).

Отдельного внимания заслуживают встречающиеся в текстах Довлатова безэквивалентная лексика и культурные реалии. Рассмотрим возможности ее перевода на примере «вытрезвильовки», жаргонного слова, которое встречается в речи персонажей в «Компромиссе».

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
— Куда это мы едем, — шепнул Жбанков, — может, у них там вытрезвильовка ²⁰ ?	— Para onde estão nos levando? — susurrou Jbankov. — Será que para a cela dos bêbados ²¹ ?	— ¿Adónde vamos? — susurró Zbáňkov — ¿No nos llevarán a una clínica de desintoxicación ²² ?

Само понятие вытрезвителя является реалией советской культуры, с которой носители других культур, как правило, не знакомы. Переводчики на португальский язык постарались эксплицировать термин, сохранив при этом его разговорное звучание: *cela dos bêbados* (буквально «камера для пьяных»). При этом в издании повести на португальском также присутствует сноска с примечанием переводчика, где объясняется значение лексемы «вытрезвитель» в советской культуре.

Переводчики на испанский допустили фактическую ошибку, переводя «вытрезвитель» выражением «клиника детоксикации» — *clínica de desintoxicación*. Нам представляется маловероятным, что такой перевод был сделан по незнанию советских реалий, скорее всего, это было намеренное решение, чтобы адаптировать таким образом текст под испанскую культуру и избежать экспликаций и сносок. Тем не менее следует отметить, что такая переводческая трансформация ведет к значительному искажению смысла.

Также нередко в текстах Довлатова встречается лексема «запой», которую можно отнести к культурным концептам. В «Компромиссе одиннадцатом», отзываясь о персонаже Эрика Буша, главный герой использует стилистический прием оксюморона, говоря, что его рабочее состояние — это запой.

<i>Компромисс</i>	<i>O compromisso</i>	<i>El compromiso</i>
У него всегда депрессия. Рабочее состояние. А у Буша рабочее состояние — запой ... ²³	É seu estado natural de trabalho. Enquanto o estado natural de Érik Buch é o pileque ... ²⁴	Es su modus operandi. Igual que el de Bush consiste en agarrársela ²⁵ .

²⁰ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 174.

²¹ Dowlátov S. O compromisso... P. 102.

²² Dowlátov S. El compromiso... P. 87.

²³ Довлатов С.Д. Компромисс... С. 249.

²⁴ Dowlátov S. O compromisso... P. 194.

²⁵ Dowlátov S. El compromiso... P. 160.

Так как лексема «запой», являясь реалией русской культуры, относится к безэквивалентной лексике, в переводе неизбежно теряется часть смыслов и коннотаций, присутствующих в исходном тексте. Бразильские переводчики перевели «запой» разговорным существительным *pileque*, обозначающим состояние алкогольного опьянения. Испанские переводчики обратились к разговорному выражению *agarrar(se) una cogorza*, «напиться», причем в его эллиптической форме, *agarrársela*, где существительное *cogorza* («опьянение, хмель») заменено формой личного местоимения в винительном падеже. Таким образом, контекстуально испанскому читателю сразу становится понятно, о чем идет речь.

Данный фрагмент испанского перевода кажется нам особенно удачным и соответствующим довлатовской стилистике, поскольку одним из частых приемов создания комического у Довлатова является смешение различных стилевых регистров в речи персонажей, когда разговорные или даже сниженные выражения соседствуют с книжными или сакральными. Поэтому соседство латинского термина *modus operandi* с безусловно разговорным *agarrársela* прекрасно передает на языке перевода особенности авторского идиостиля.

Кроме того, сложности для перевода вызывают встречающиеся в текстах Довлатова лингвокультурные маркеры и прецедентные феномены, особенно в ситуациях, когда на подобных феноменах строится авторский юмор. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из повести «Заповедник». Персонаж Михал Иванович, пьяница, у которого арендует комнату главный герой, говоря о своих предыдущих жильцах, отмечает, что те были культурными людьми:

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>
Прошлый год евреи жили. Худого не скажу, люди культурные... Ни тебе политуры , ни одеколона... А только белое, красное и пиво... ²⁶	No ano passado judeus moraram aqui. Não posso dizer nada de ruim, gente culta... Nada de álcool de limpeza ou água de colônia... Só branco, tinto e cerveja... ²⁷	El año pasado estuvieron aquí unos judíos. No voy a decir nada malo de ellos, era gente con mucha clase... Al blanco , al tinto y a la cerveza sí le daban, sí... Pero ni gota de barniz , ni de colonia ²⁸ .

²⁶ Довлатов С.Д. Заповедник... С. 195.

²⁷ Dowlátov S. Parque cultural... P. 55.

²⁸ Dowlátov S. Retiro... P. 39.

Подобное восприятие людей, пьющих только собственно алкогольные напитки, как культурных можно рассматривать как прецедентный феномен советской культуры, поскольку употребление в качестве выпивки не предназначенных для этого жидкостей было весьма распространено в СССР в эпоху «застоя», когда создавалось это произведение.

Конечно, употребление спиртосодержащих жидкостей в отсутствие алкоголя не является уникальной советской особенностью (с поправкой на масштабы этой проблемы в СССР в 1970-е и 1980-е гг.), однако в разных странах в качестве замены выпивки могут использоваться различные субстанции. В СССР одним из дешевых заменителей водки была политура — спиртовой раствор, используемый для полировки мебели.

Бразильские переводчики использовали стратегию доместикации и адаптировали текст, заменив политуру на *álcool de limpeza*, технический разбавленный спирт, используемый в качестве моющего средства. Можно предположить, что подобная трансформация была сделана, поскольку упоминание лака для полировки мебели не вызвало бы у бразильского читателя ассоциаций с заменой алкоголю. Испанские переводчики, в свою очередь, не стали никак адаптировать фрагмент и использовали в переводе существительное *barniz* («лак, политура»).

Стоит обратить внимание и на характерную эллиптичность речи персонажа: Михал Иванович опускает глагол «пить» и существительное «вино», которые подразумеваются (этот авторский прием вновь придает словам персонажа дополнительную стилистическую окраску). В обоих анализируемых переводах переводчикам успешно удастся сохранить эллиптичность, присутствующую в исходном тексте, контекстуально намекая читателю, что речь идет именно об алкоголе.

* * *

Проведенный анализ произведений «Заповедник» и «Компромисс» С. Довлатова и их переводов на испанский и португальский языки позволяет нам сделать следующие выводы.

Тема алкоголя чрезвычайно важна для писателя, являясь частью его дискурса и дискурса его персонажей, а единицы лексико-семантического поля «алкоголь» присутствуют во всех произведениях и формируют в том числе и авторский идиостиль. Отсылки к алкоголю в довлатовских текстах превращаются в художественный прием, который служит как для характеристики персонажей и отражения их картины мира, так и для описания окружающей действительности. Лексемы и выражения, встречающиеся в прямой речи персонажей, как правило, несут в себе особую экспрессию и дополнительные коннотации, важные в контексте данного художественного произведения. Считывание этих дополнительных смыслов и их сохранение в переводе оказывается важной задачей для переводчика художе-

ственного текста. Тем не менее в процессе перевода часть стилистической экспрессии и стилового разнообразия, присутствующего в исходном тексте, неизбежно теряется.

В зависимости от целей и функций фрагмента исходного текста, испанские и бразильские переводчики использовали как стратегию доместикации, адаптируя текст под культуру страны перевода, так и стратегию форенизации, сохраняя «иностранность» характер текста. Иногда переводческая адаптация может вести к расхождению с исходным текстом, делая перевод свободным. В целом можно сказать, что переводы на испанский язык выполнены на более низком уровне эквивалентности, чем переводы на португальский.

Культурная обусловленность текстов Довлатова представляет одну из наибольших сложностей при переводе, поскольку тесная связь с русской и советской культурой является важной частью поэтики писателя. В связи с этим чрезмерная адаптация исходного текста под культуру перевода может снизить привлекательность текста для иностранных читателей, которые в таком случае не смогут составить адекватного представления о творчестве Довлатова.

Список литературы / References

Власова Ю.Е. (2001) *Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова*, Дис. ... канд. филол. наук, Москва, 206 с.

Vlasova Yu.E. (2001) *Zhanrovoye svoebrazhie prozy S. Dovlatova* [Genre specificities of S. Dovlatov's prose], PhD. Thesis, Moscow, 206 p. (In Russian)

Дяньмэй Ч. (2020) Переводы и исследования Довлатова в Китае, *Вопросы литературы*, № 2, с. 183–196.

Dyan'mei Ch. (2020) *Perevody i issledovaniya Dovlatova v Kitae* [Translations and research on Dovlatov in China], *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 183–196. (In Russian)

Иванова А.И. (2010) Проблема передачи идиостиля и идиолекта в художественном переводе, *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 3, с. 99–107.

Ivanova A.I. (2010) *Problema peredachi idiostilya i idiolekta v khudozhestvennom perevode* [The problem of conveying idiostyle and idiolect in fiction translation], *Moscow University Bulletin. Series 19 – Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 99–107. (In Russian)

Караулов Ю.Н. (2023) *Русский язык и языковая личность*, Москва, ЛЕНАНД, 264 с.

Karaulov Yu.N. (2023) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Moscow, LENAND, 264 p. (In Russian)

Леденева В.В. (2000) *Особенности идиолекта Н.С. Лескова: монография*, Москва, МПУ, 185 с.

Ledeneva V.V. (2000) *Osobennosti idiolekta N.S. Leskova: monografiya* [Features of N.S. Leskov's idiolect: a monograph], Moscow, MPU, 185 p. (In Russian)

Лотман Ю.М. (1978) *Структура художественного текста*, Москва, Искусство, 384 с.
Lotman Yu.M. (1978) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a fiction text], Moscow, Iskuststvo, 384 p. (In Russian)

Марьяничева Т.А., Чернейко Л.О. (2013) Функции «алкогольной» лексики в текстах Сергея Довлатова, *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*, № 4., с. 122–127.

Maryanicheva T.A., Cherneiko L.O. (2013) Funktsii «alkogol'noi» leksiki v tekstakh Sergeya Dovlatova [Functions of «alcoholic» vocabulary in Sergei Dovlatov's texts], *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, no. 4., pp. 122–127. (In Russian)

Орлова Н.А., Петренко А.Ф. (2011) *Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова. Монография*, Пятигорск, ПГЛУ, 168 с.

Orlova N.A., Petrenko A.F. *Semioticheskie i fol'klornye modeli smekhovogo mira Sergeya Dovlatova. Monografiya* [Semiotic and folklore models of Sergei Dovlatov's laughter world. A monograph], Pyatigorsk, PGLU, 168 p. (In Russian)

Сухих И.Н. (2006) *Сергей Довлатов: время, место, судьба*, Санкт-Петербург, Издательство «Нестор-История», 278 с.

Sukhikh I. N. (2006) *Sergei Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba* [Sergei Dovlatov: time, place, fate], St. Petersburg, Izdatel'stvo «Nestor-Istoriya», 278 p. (In Russian)

Хлупина М.А. (2014) *Особенности языковой личности С.Д. Довлатова*, Дис. ... канд. филол. наук, Москва, 253 с.

Khlopina M.A. (2014) *Osobennosti yazykovoi lichnosti S.D. Dovlatova* [Features of S.D. ovlatov's linguistic personality], PhD. Thesis, Moscow, 253 p. (In Russian)

Berman A. (2007) *A tradução e a letra, ou, O albergue do longínquo* [The translation and the letter, or, The refuge of the distant], Rio de Janeiro, 7Letras/PGET, 144 p. (In Portuguese)

Schleiermacher F. (1996) Sobre los diferentes métodos de traducir [About different translation methods], *Teoría de la traducción. Antología de textos* [Translation theory. Anthology of texts], Cuenca, Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, p. 129–157. (In Spanish)

Vandaele J. (2010) Humour in translation, *Handbook of Translation Studies*. Vol 1, Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins, pp. 147–152.

Venuti L. (2004) Translation, community, utopia, *The Translation Studies Reader*, London, New York, Routledge, pp. 468–488.

Образ Второй Испанской Республики на страницах франкистского энциклопедического словаря: культура отмены или путь к примирению

© Гранцева Е.О., 2023

Екатерина Олеговна Гранцева, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
119991, Москва, Ленинский проспект, 32а
ORCID: 0000-0001-7449-1314 E-mail: kgrantseva@yandex.ru

Аннотация. Сокращенный энциклопедический словарь Эспаса-Кальпе (*Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe*) — одно из наиболее популярных и распространенных энциклопедических изданий ибероамериканского мира. В 1950-е гг. он пережил несколько изданий, но сохранял в себе все официальные идеологические установки франкистского режима. Цель данной работы — выявить на материале, представленном в статьях словаря Эспаса-Кальпе 1957 года издания, специфику восприятия Второй Испанской Республики и ее культурного наследия франкистской официальной идеологией в период перехода от «первого» ко «второму франкизму», оценить степень сохранения на этом этапе влияния установок «отмены» республиканской культуры и отражения первичных попыток «примирения» с ней. В работе применяется системный подход к информации, реализованный через использование традиционных исторических и междисциплинарных методов, а также текстологического метода, нарративного и контент-анализа. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сохранении в середине 1950-х гг. части франкистских идеологем, сформированных в период гражданской войны и в начале 1940-х гг. и связанных с «отменой» республиканской культуры, вычеркиванием имен и фактов биографий ее представителей. Вместе с тем ряд статей словаря и упомянутых в нем фактов и имен позволяют зафиксировать изменения, направленные на частичное возвращение и реабилитацию в 1950-е гг. республиканского наследия как значимой части целостной испанской культуры.

Ключевые слова: Испания, сокращенный энциклопедический словарь Эспаса-Кальпе, франкизм, Вторая Испанская Республика, культурное наследие, образ врага, примирение

Для цитирования: Гранцева Е.О. (2023) Образ Второй Испанской Республики на страницах франкистского энциклопедического словаря: культура отмены или путь к примирению. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 187–204. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-187-204

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

La imagen de la Segunda República Española en las páginas del diccionario enciclopédico franquista: cultura de la cancelación o inicio de la reconciliación

© Grantseva E.O., 2023

Ekaterina O. Grantseva, PhD (Historia), investigadora superior del Instituto de la Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia.
119454, Rusia, Moscú, Leninsky Prospekt, 32a
ORCID: 0000-0001-7449-1314 E-mail: kgrantseva@yandex.ru

Resumen. El Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe es una de las publicaciones enciclopédicas más populares y difundidas en el mundo iberoamericano. En la década de 1950 fue editado y reeditado varias veces, pero conservó todas las directrices ideológicas franquistas. El objetivo de este trabajo es identificar, a partir del material presentado en las entradas del Diccionario Espasa-Calpe de la edición de 1957, las particularidades de la percepción de la Segunda República Española y su patrimonio cultural por parte de la ideología oficial franquista durante la transición del «primero» al «segundo franquismo», para valorar el grado de conservación en esta etapa de la influencia de las actitudes de «cancelar» la cultura republicana y el reflejo de los primeros intentos de «reconciliación» con ella. El trabajo utiliza un enfoque sistemático de información mediante el uso de métodos históricos e interdisciplinarios tradicionales, así como el método textual y el análisis de contenido. El estudio permite concluir que a mediados de los años cincuenta se conservó una parte de las ideologías franquistas que se formaron durante la guerra civil y a principios de los años cuarenta. Todo que se asociaba a la cultura republicana «se cancelaba»: nombres y hechos de las biografías de los representantes republicanos. Al mismo tiempo, varias entradas del diccionario y los hechos y nombres mencionados permiten registrar unos cambios que indican cierta rehabilitación en los años cincuenta de la herencia republicana como parte significativa de la cultura española.

Palabras clave: España, Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe, franquismo, Segunda República Española, patrimonio cultural, imagen del enemigo, reconciliación

Para citar: Grantseva E.O. (2023) La imagen de la Segunda República Española en las páginas del diccionario enciclopédico franquista: cultura de la cancelación o inicio de la reconciliación, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 187–204. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-187-204

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

The Image of the Second Spanish Republic on the Pages of the Franco Encyclopedic Dictionary: Cancel Culture or the Beginning of Reconciliation

© Grantseva E.O., 2023

Ekaterina O. Grantseva, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

119991, Russia, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a

ORCID: 0000-0001-7449-1314 E-mail: kgrantseva@yandex.ru

Abstract. The Abridged Encyclopedic Dictionary of Espasa-Calpe (Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe) is one of the most popular and widespread encyclopedic publications in the Ibero-American world. In the 1950s it went through several editions, but retained all the official ideological guidelines of the Francoist regime. The purpose of this work is to identify, using the material presented in the entries of the Espasa-Calpe dictionary of the 1957 edition, the specifics of the perception of the Second Spanish Republic and its cultural heritage by the Francoist official ideology during the transition from the «first» to the «second Francoism», to assess the influence of the «cancel culture» politics towards the republican past and reflect the initial attempts to «reconcile» with it. The work uses a systematic approach, implemented through the use of traditional historical and interdisciplinary methods, as well as the textual method and content analysis. This study allows us to conclude that in the mid-1950s some of the Francoist ideological concepts formed during the civil war and in the early 1940s were preserved. They reflected in «cancelling» the republican culture and erasure of names and biographical facts of its representatives. At the same time, a number of entries in the dictionary, as well as some facts and names mentioned there, make it possible to discern certain changes, aimed at the partial return and rehabilitation of the republican heritage as a significant part of the integral Spanish culture.

Keywords: Spain, Espasa-Calpe abbreviated encyclopedic dictionary, Francoism, Second Spanish Republic, cultural heritage, image of the enemy, reconciliation

For citation: Grantseva E.O. (2023) The Image of the Second Spanish Republic on the Pages of the Franco Encyclopedic Dictionary: Cancel Culture or the Beginning of Reconciliation, *Ibero-american Papers*, no. 4, pp. 187–204. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-187-204

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Сокращенный энциклопедический словарь Эспаса-Кальпе (*Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe*) — одно из наиболее популярных и распространенных энциклопедических изданий ибероамериканского мира. В 1950-е гг. он пережил несколько изданий, но сохранял в себе все официальные идеологические установки франкизма. Отрицание республиканского наследия и трагедии Гражданской войны 1936–1939 гг. стало для франкистского режима средством защиты его догматов и ценностей, чуждая культурная традиция представлялась как составляющая образа врага. Одно из значимых направлений исследований данного периода истории Испании связано с выделением ключевых проблем и этапов в формировании идейных противоречий и «культуры отмены», а также с анализом попыток «примирения».

Среди общих работ, связанных с данной тематикой, можно выделить исследования по истории идеологии франкизма [Campo, 1980; Campo, 1995; Gambarte, 1995; Rodríguez, Huertas, 2010; Филатов, 2016], истории испанской культуры XX в. [Mainer, 1971; Morente, 2016; Ridruejo, 1972; Abellán, 1971; Díaz, 1974; Gracia, 2006; Гранцева, 2022], исследования памяти о событиях Гражданской войны в Испании [Aguilar, 1996; Cuesta, 2008; Juliá, 2006; Наварро Наварро, Гранцева, 2022; Астахова, 2019]. При этом специальных работ, посвященных анализу отражения франкистской идеологии и ее взаимодействия с республиканским наследием в содержании энциклопедических словарей данного периода, нет ни в зарубежной, ни в отечественной историографии.

Энциклопедии и словари относят ко вторичным источникам, содержащим информацию, прошедшую синтез и переработку. Обычно их используют в качестве справочных материалов, однако специфические особенности энциклопедических изданий, исторический контекст их создания и формирования их содержания позволяет говорить о них как об особой разновидности историографического источника. Такого рода издания отражают идеолого-политическую конъюнктуру, особенно заметную в текстах исторического содержания и трансформации образов отдельных персоналий. Как отмечает О.В. Богомазова, «даже само по себе наличие словарной статьи... либо ее отсутствие или исключение в новом издании — будет являться свидетельством определенных сдвигов в политике издания, научно-исторической парадигме, политическом или социальном заказе» [Богомазова, 2014: 164].

Цель данной работы — выявить на материале, представленном в статьях словаря Эспаса-Кальпе 1957 года издания, специфику восприятия республиканского культурного наследия франкистской официальной идеологией в период перехода от «первого» ко «второму франкизму»¹, оценить степень

¹ Традиционно годы правления Франсиско Франко в Испании историки делят на два периода: 1939–1957 гг. — «первый франкизм» и 1957–1975 гг. — «второй франкизм». — Прим. ред.

сохранения на этом этапе влияния установок «отмены» республиканской культуры и отражения первичных попыток «примирения» с ней.

В работе применяется системный подход к информации, реализованный через применение традиционных исторических и междисциплинарных методов, а также текстологического метода, нарративного и контент-анализа.

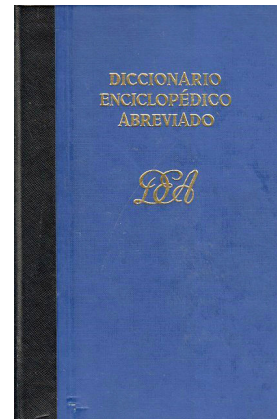
В первые годы своего существования франкистский режим ориентировался на тоталитарные модели управления, в том числе в сферах культуры, науки и образования. Время «постгерры» (послевоенный период) связано с тотальным контролем, цензурой и репрессиями, а также попытками выстроить идеологический монолит, отражающий основные ценности нового режима и конструирующий образ врага, связанный с понятием «анти-Испании», под которой понималась Республика, ее ценности и ее защитники. Интеллектуальная жизнь воспринималась «как ремесло или служба <...>». Она становится плачевной в связи с доктринальными условиями и давлением цензуры, с доминированием религиозной составляющей» [Ridruejo, 1972: 71–72].

Как отмечал Амандо де Мигель, «националисты пытались приговорить к забвению выдающихся испанцев, ставших гордостью левой интеллигенции: Антонио Мачадо, Федерико Гарсия Лорка, Пабло Пикассо — всех, кто верой и правдой служил Республике. А также такие ее институты, как новую систему народного образования» [Мигель, 1985: 333].

Повсеместно звучали критика и обвинения в сторону либеральной интеллигенции, «гноусного и дьявольского мозгового центра анти-Испании» [Mainer, 1971: 47]. Многочисленным нападкам подвергался Институт свободного образования, воспитавший значительную часть политической, культурной и интеллектуальной элиты Республики [Suñer, 1937; Una poderosa fuerza secreta, 1940].

Институт свободного образования был основан в Мадриде в 1876 г. Его создатель, Ф. Хинер де лос Риос (Francisco Giner de los Ríos, 1839–1915), ориентировался на традиции британской системы обучения и европейские ценности, подразумевавшие свободу образования от влияния церкви и государства. Многие политики, деятели культуры и искусства, определявшие судьбу Испании в XX в., были воспитаны в либеральном духе этого учреждения или восприняли опосредованно идеалы его создателей.

Очевидно, что нападки на это учреждение, «отрицание республиканского наследия и разрыв с европейским либерализмом выступали в качестве средства защиты идеологических догматов нового режима и его ценностей. При этом стремление к идеологической униформизации отрицало возмож-

Сокращенный
энциклопедический
словарь Эспаса-Кальпе

ности интеллектуальной и творческой свободы, а идеологи режима старались представить чуждую им интеллектуальную традицию как составляющую образа врага» [Гранцева, 2022: 280].

Могли ли в то время существовать какие-либо формы преемственности между эпохой *Edad de Plata*², культурными феноменами Второй Испанской Республики и франкистской Испанией?

Контраст между эпохами был очевиден — многообразие и культурный плюрализм сменились опустошением и догматизмом. Культурная жизнь Испании в период постгерры пребывала в плачевном состоянии, связанном с эмиграцией, обесцениванием республиканского наследия, ситуацией внутреннего изгнания, в котором находилась значительная часть «побежденных», оставшихся в стране.

Однако среди испанской творческой и научной интеллигенции, связанной с испанским Серебряным веком, были и те, кто оказался на стороне победителей. Франкисты не имели такой мощной интеллектуальной поддержки, как республиканцы, однако их поддерживали такие значимые фигуры, как Пио Бароха (Pío Baroja, 1872–1956), Мануэль Мачадо (Manuel Machado, 1874–1947), Эухенио д'Орс (Eugenio d'Ors, 1881–1954), Мануэль Гарсия Моренте (Manuel García Morente, 1886–1942), Эрнесто Хименес Кабальеро (Ernesto Giménez Caballero, 1899–1988), Асорин (José Martínez Ruiz, 1873–1967), Хасинто Бенаvente (Jacinto Benavente, 1866–1954). Идеи националистов разделяли Педро Сайнс Родригес (Pedro Sainz Rodríguez, 1897–1986), Виктор Прадера (Victor Pradera, 1872–1936), Рамиро де Маэсту (Ramiro de Maeztu, 1874–1936), Хосе Мария Пеман (José María Pemán, 1897–1981) и др. Среди молодых фалангистов были Дионисио Ридруехо (Dionisio Ridruejo, 1912–1975), Рафаэль Гарсия Серрано (Rafael García Serrano, 1917–1988), Гонсало Торренте Бальестер (Gonzalo Torrente Ballester, 1910–1999), Луис Росалес (Luis Rosales, 1910–1969) и Педро Лаин Энтральго (Pedro Laín Entralgo, 1908–2001). Некоторые испанцы, уехавшие в период Гражданской войны 1936–1939 гг., но не имевшие категорических разногласий с франкистами, вернулись в страну, среди них — Рамон Перес де Айала (Ramón Pérez de Ayala, 1880–1962), Сальвадор Дали (Salvador Dalí, 1904–1989), Хосе Ортега-и-Гассет (José Ortega y Gasset, 1883–1955).

Часть франкистской интеллектуальной элиты осознавала важность культурной жизни и пыталась в какой-то мере исправить ошибки полного отрицания республиканского периода. По словам Дионисио Ридруехо, эти люди выстраивали «хрупкий мост между прошлым и будущим, стремились

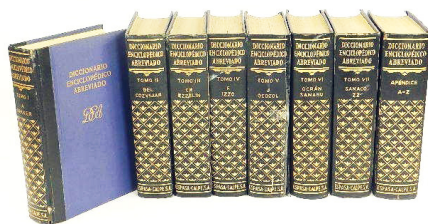
² *Edad de Plata en España* — испанский Серебряный век. Период с конца XIX по первую треть XX в. ознаменовался подъёмом испанской культуры, широким разнообразием художественных и культурных форм в духе европейского модерна с учётом национальной испанской специфики. — *Прим. ред.*

возродить то, что можно было возродить», «принять другую точку зрения и допустить возвращение некоторой интеллектуальной свободы», того, «что еще можно было вернуть» [Ridruejo, 1972: 73–74].

К середине 1940-х гг., в связи с изменением внешнеполитической ситуации в контексте финальной стадии и завершения Второй мировой войны, началась постепенная трансформация франкистской внутренней и внешней политики в сторону ограниченной либерализации, что получило отражение и в сфере культуры. В этом контексте исследователь интеллектуальной жизни франкистской Испании Элиас Диас выделяет пять этапов «возвращения и реабилитации» наследия испанского Серебряного века в период с 1939 по 1975 г.: 1) Хоакин Коста (Joaquín Costa, 1846–1911) и его последователи, «интегрированные» в режим изначально; 2) другие представители «поколения 1898 года»³ (включая Асорина и Мануэля Мачадо); 3) Хосе Ортега-и-Гассет и его последователи (включая и часть других представителей «поколения 1914 года»⁴); 4) краусисты⁵ и институционалисты⁶ (включая ряд символических фигур испанской эмиграции); 5) политики-республиканцы (Мануэль Асанья (Manuel Azaña, 1880–1940) и социалисты-демократы (Хулиан Бестейро /Julían Besteiro, 1870–1940/ и Фернандо де лос Риос /Fernando de los Ríos, 1879–1949/) [Díaz, 1974: 57].

Во второй половине 1940-х гг. был достигнут, хоть и с оговорками и исключениями, третий уровень допущения «инакомыслия» (Ортега и его последователи), очередь следующего уровня принятия наступит уже в период «второго франкизма», в первой половине 1960-х гг.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. тенденции возвращения наследия испанского Серебряного века чувствовались все отчетливее, что и нашло отражение на страницах Сокращенного энциклопедического словаря Эспаса-Кальпе издания 1957 г.

Сокращенный энциклопедический словарь Эспаса-Кальпе

³ Generación del 98 — «поколение 98 года». Группа видных испанских интеллектуалов — писателей, эссеистов, поэтов, художников — остро переживавших моральный, политический и социальный кризис, вызванный поражением страны в испано-американской войне 1898 г. и последующей потерей Пуэрто-Рико, Гуама, Кубы и Филиппин в 1899 г. — *Прим. ред.*

⁴ Generación de 1914 — «поколение 1914 года» или «поколение Ортеги». Группа испанских писателей между поколениями 1898 и 1927 гг., получившая свое название по программной лекции Ортеги-и-Гассета «Старая и новая политика» («Vieja y nueva política»), прочитанной в 1914 г., и вышедшей в том же году книге «Размышления о Дон-Кихоте» («Meditaciones del Quijote»). — *Прим. ред.*

⁵ Крауизм — философское направление и общественное движение, основанное на идеях немецкого философа Карла Фридриха Краузе (1781–1832) и получившее широкое распространение в Испании благодаря деятельности Института свободного образования. — *Прим. ред.*

⁶ Institucionismo — идеология Института свободного образования о построении идеального общества, ключевую роль в котором будут играть деятели науки и культуры. — *Прим. ред.*

Среди значимых персоналий, связанных с периодом Второй Республики, выделим ключевые [Trapiello, 2019: 503–600], без которых испанскую культуру 1930-х гг. представить невозможно, и сопоставим их со статьями франкистского энциклопедического словаря, зафиксировавшего официальную позицию по отношению к ним в момент перехода от «первого» ко «второму франкизму».

Для начала посмотрим на характеристики, которые словарь дает двум ключевым фигурам испанской интеллектуальной жизни периода Серебряного века — Мигелю де Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассету.

Мигель де Унамуно-и-Хуго (Miguel de Unamuno, 1864–1936) — философ, писатель, общественный деятель, один из наиболее значимых мыслителей, повлиявших на духовную жизнь Испании XX в. По Элиасу Диасу, в контексте интеллектуальной жизни франкистской Испании его фигура связана с принятием «второго уровня инакомыслия» [Díaz, 1974: 57]. Именно Унамуно во всей полноте выразил проблематику «поколения 1898 года». Путь Испании он видел не в европеизации как движении к прогрессу и не в абсолютизации национальной традиции, а во внутреннем самосовершенствовании, которое зависит от каждой отдельной личности. Как отмечает Е.В. Астахова, «Мигель де Унамуно, в первые дни поддержавший мятеж националов, очень скоро убедился, к каким жертвам ведет Испанию разгорающаяся гражданская война. 12 октября 1936 г., выступая в Университете Саламанки на праздновании Дня Расы⁷ <...> в присутствии видных фалангистов и франкистов, произнес ставшую знаменитой фразу “Вы победите, но не убедите”, что вызвало громкий скандал и отстранение его с поста ректора» [Астахова, 2019], а затем домашний арест и скоропостижную кончину философа.

В словаре 1957 г. статья об Унамуно сопровождается портретом философа в полях Саламанки и дает мыслителю такую характеристику: «Его стиль — личный, традиционный, парадоксальный, изысканный, выразительный, ясный и искренний. Он оказал заметное влияние на формирование молодежи целого поколения, а основательность, глубина и своеобразие его мысли, выраженной ясным языком, одушевленной лирической жилкой, живым и мучительным мистическим чувством, сделали его самым цельным гуманистом Испании его времени, мыслителем, который прекрасно вписался в круг великих мировых умов»⁸.

Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955), воплощающий принятие франкистскими интеллектуалами «третьего уровня инакомыслия» [Díaz, 1974], — знаменитый философ, историк и публицист. В 1914 г. он выступил с лекцией «Старая и новая политика», в которой отстаивал необходимость европей-

⁷ Día de la Raza — 12 октября — праздник в честь годовщины прибытия мореплавателя Христофора Колумба в Америку в 1492 г. В настоящее время — национальный праздник Испании. — *Прим. ред.*

⁸ Unamuno, Miguel de. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. VII. P. 785.

зации страны. С его именем связан феномен «поколения 1914 года» (которое еще называют «поколением Ортеги»), чьим девизом стала фраза философа: «Испания — проблема, Европа — решение». В своей работе 1921 г. «Бесхребетная Испания» («España invertebrada») главной бедой страны Ортега называл разобщенность, и в борьбе за Республику в тот момент он видел идею, которая могла бы объединить Испанию. В 1931 г. философ возглавил парламентскую фракцию созданной им организации «На службе Республики» («Agrupación al Servicio de la República»), но, убедившись, что на практике размежевание общества только усилилось, отошел от политики и после начала гражданской войны эмигрировал. Однако во второй половине 1940-х гг. Ортега вернулся в Испанию и основал в Мадриде Институт гуманитарных наук, в котором читал лекции вплоть до кончины в 1955 г. [Гранцева, 2014]. С учетом того, что к середине 1950-х гг. Ортега и его наследие являлись значимой частью испанской интеллектуальной жизни, в момент его смерти от министра информации и туризма Габриэля Ариас-Сальгадо (Gabriel Arias-Salgado, 1904–1962) поступило распоряжение директорам газет: «Каждая газета может публиковать до трех статей о смерти Ортеги-и-Гассета: биографию и два комментария. Все статьи о творчестве философа должны подчеркивать его ошибки в размышлениях о религии. На первой странице можно публиковать только фотографию похорон, посмертной маски или трупа, но не прижизненную фотографию Ортеги» [Georgel, 1971: 161]. Спустя два года изменение ситуации очевидно: словарь Эспаса-Кальпе в 1957 г. сопровождает статью об Ортеге фотографией философа и дает ему следующую характеристику: «Выдающаяся фигура испанской мысли, занявший как мыслитель и философ-исследователь место, подобное Менендесу Пидалью в сфере литературы и истории»⁹.

В контексте отношения франкистов к Институту свободного образования обратимся к статье об его основателе, Франсиско Хинере де лос Риосе (1839–1915). В словаре он характеризуется как испанский философ и педа-

Miguel de Unamuno en el campo salmantino

Иллюстрация к статье о Мигеле де Унамуну в словаре Эспаса-Кальпе

⁹ Ortega y Gasset, José. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. VI. P. 110. 10Ríos, Francisco Giner de los. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. IV. P. 375.

гог, «выделяющийся талантом и уровнем культуры», как основатель Института свободного образования (без каких-либо дополнительных характеристик данного учреждения)¹⁰.

Испанский Серебряный век и его часть, связанная с республиканским периодом, — это, несомненно, время расцвета испанской поэзии. Многие крупнейшие испанские поэты того времени не приняли мятеж националистов, для многих гражданская война обернулась изгнанием, а для некоторых — трагической гибелью.

Среди эмигрантов оказался и Хуан Рамон Хименес (Juan Ramón Jiménez, 1881–1958) — центральная фигура испанского поэтического модернизма, лауреат Нобелевской премии 1956 г., врученной ему «За лирическую поэзию, образец высокого духа и художественной чистоты в испанской поэзии». В словаре 1957 г. этот факт не упомянут. Как и то, что поэт покинул Испанию с началом гражданской войны. Однако отмечается его место основоположника испанского поэтического модернизма и то, что «Хименес оказал влияние на наиболее выдающуюся часть современной испанской поэзии»¹¹.

По-разному складывались судьбы двух братьев — Антонио и Мануэля Мачадо, связанных с «поколением 1898 года».

Мануэль Мачадо — литератор, критик, журналист, основатель ряда журналов; как поэт формировался под влиянием Хуана Рамона Хименеса. Учился он в Институте свободного образования и даже был одним из основателей Ассоциации друзей Советского Союза, что не помешало ему с началом войны выбрать сторону франкистской Испании и посвящать ей такие апологетические творения, как «Меч Каудильо» («Al sable del Caudillo», 1939). Эта линия будет продолжена и после гражданской войны, но с бóльшим уклоном в религиозную тематику. Кроме поэзии, он будет заниматься и организационной деятельностью, возглавляя Эмеротеку и Муниципальный музей Мадрида, играя важную роль во франкистской культуре послевоенного периода [Trapiello, 2019: 563]. Однако при всех его заслугах перед франкистским режимом в 1957 г. словарь фиксирует очень интересную трансформацию восприятия «побежденных» и «победителей»: в статье «победителя» Мануэля сравнивают с «побежденным» Антонио, делая вывод, что Мануэль как поэт «более разнообразный и экспрессивный, чем его брат, но менее глубокий...»¹².

Антонио Мачадо (Antonio Machado, 1875–1939) можно назвать одним из наиболее значимых испанских поэтов XX в. Он, как и его брат, учился в Институте свободного образования, а как поэт формировался под влиянием

¹¹ Ramón Jiménez, Juan. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. V. P. 64.

¹² Machado, Manuel. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. V. P. 485.

творчества Рубена Дарио (Rubén Darío, 1867–1916)¹³ и поэзии французского символизма. Первый сборник Антонио Мачадо, вместе со сборником Хуана Рамона Хименеса, обозначил начало нового этапа в истории испанской поэзии. В основе поэтики А. Мачадо — образы-символы, отражающие дух времени, представления о бесконечности и конечности личности, размышления над смыслом бытия. Убежденный республиканец, с началом гражданской войны А. Мачадо участвовал в идеологическом противостоянии мятежникам. В начале 1939 г. вместе с толпами беженцев он покинул страну через французскую границу. Недалеко от границы Антонио Мачадо и скончался в феврале 1939 г.

Ни один из фактов биографии Антонио Мачадо, связанных с периодом гражданской войны, в словарную статью о нем не попал, однако там говорится, что «в нем можно увидеть лучшего испанского поэта XX в.»¹⁴.

Нет в словаре также ни слова про работу на Республику и трагическую гибель в начале войны Федерико Гарсия Лорка (Federico García Lorca, 1898–1936). Лорка — центральная фигура «поколения 1927 года»¹⁵, один из символов Второй Испанской Республики и трагедии испанской Гражданской войны. Он родился в городке Фуэнте Вакерос, недалеко от Гранады. Ко времени приезда в знаменитую Студенческую резиденцию в 1919 г. у него уже вышла первая книга стихов «Впечатления и пейзажи» («Impresiones y paisajes», 1918), а в 1920 г. в Мадриде состоялась премьера его первой пьесы «Колдовство бабочки» («El maleficio de la mariposa»). Успех пришел к нему с «Книгой стихотворений» («Libro de poemas»), изданной в Мадриде в 1921 г., в 1928 г. увидел свет знаменитый сборник «Цыганские романсеро» («Romancero gitano»), а в 1930 г. — «Поэт в Нью-Йорке» («Poeta en Nueva York»). В 1931 г. республиканские власти назначили Лорку директором студенческого театра «Ла Баррака» («La Barraca»), тогда же были созданы его знаменитые пьесы «Кровавая свадьба» («Bodas de sangre», 1933), «Йерма» («Yerma», 1934) и «Дом Бернарды Альбы» («La casa de Bernarda Alba», 1936). Поездка в родную Гранаду в августе 1936 г. обернулась трагедией: поэт, разделявший республиканские идеалы, был арестован фалангистами и расстрелян. Прошло двадцать лет, и франкистский словарь дал ему такие характеристики: «страстный и оригинальный — одна из главных ценностей современной испанской литературы», «один из наиболее значимых испанских поэтов XX в.» с «грандиозной международной славой»¹⁶.

¹³ Рубена Дарио — всемирно известный никарагуанский поэт, ярчайший представитель модернизма в испаноязычной литературе. — *Прим. ред.*

¹⁴ Machado, Antonio. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. V. P. 485.

¹⁵ Generación del 27 — «поколение 1927 года». Объединение писателей и поэтов, опубликовавших декларацию своих эстетических принципов в ходе памятных мероприятий, посвящённых 300-летию смерти великого испанского поэта эпохи барокко Луиса де Гонгоры (Luis de Góngora, 1561–1627). — *Прим. ред.*

¹⁶ García Lorca, Federico. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. V. P. 303.

Еще одна фигура, самым тесным образом связанная с Республикой и всем тем, что было ненавистно франкистским идеологам, — Рафаэль Альберти (Rafael Alberti, 1902–1999) — испанский поэт, драматург, представитель «поколения 1927 года», общественный деятель и друг Советского Союза, наградившего его в 1965 г. Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Его поэтическое творчество началось с увлечения авангардными формами и сюрреализмом. В 1931 г. Альберти вступил в Коммунистическую партию Испании. В 1933 г. вместе с супругой Марией Тересой Леон (María Teresa León, 1903–1988) и другими единомышленниками основал журнал «Октябрь» («Octubre»). Все, кто группировался вокруг этого журнала, являлись членами коммунистической партии или были к ней близки, ориентируясь в своих взглядах на Советский Союз. В годы гражданской войны позиционировал поэзию как оружие в борьбе с мятежниками. После поражения Республики был вынужден эмигрировать и надолго обосновался в Аргентине.

В словаре 1957 г. отсутствуют факты биографии Альберти и не упоминаются произведения, связанные с периодом после 1936 г. При этом о нем говорится как о «виртуозе поэзии» и «выдающейся фигуре современной испанской поэзии»¹⁷.

Схожие метаморфозы на страницах словаря происходят и с образом одного из самых знаменитых испанцев XX в. — Пабло Пикассо (Pablo Picasso, 1881–1973), но тут авторы всячески стараются избегать оценочных характери-

GARCIA

303

versidad Central y director del Museo Arqueológico. Realizó excavaciones en Numancia y publicó obras de carácter histórico y literario. || — LÓPEZ (RICARDO). Dibujante español contemporáneo. En la prensa gráfica, lo propio que en los Salones de humoristas, han figurado dibujos de su arte ingenioso y depurado. Firma con el seudónimo de K-Hito, conocidísimo en el extranjero, y ha publicado: Yo, García, obra autobiográfica de humor. || — LORCA (FEDERICO). Poeta español (1899–1936). Dotado de fuerte temperamento y gran originalidad, es uno de los valores más positivos de la literatura contemporánea. Su primera obra, *Impresiones y viajes*, fué fruto de un recorrido por Castilla. En 1922 escribió *El poema del cante jondo*, que sólo fué publicado diez años más tarde; *Canciones* (Málaga, 1927), y el *Romancero gitano* (Madrid, 1928). Esta última obra es verdaderamente notable por su estilo a la vez popular y refinado, por la impecable técnica, no obstante permitirse los mayores atrevimientos, y por las imágenes que sorprenden por su concisión y novedad. De 1929 a 1930, llamado por la Universidad de Columbia, residió en Nueva York. Allí escribió su *Oda al rey de España*, incluida en su op.

Federico García Lorca

Федерико Гарсиа Лорка на страницах словаря Эспаса-Кальпе

Publicó numerosos estudios y libros, entre los que se cuentan *La soberanía en el espacio aéreo* y *La nacionalidad en las Repúblicas americanas* (en colaboración). || — MORENO (MARTÍN T.). Jurisconsulto y profesor universitario argentino, n. en 1903. Es autor de importantes trabajos sobre Derecho civil. || — PICASSO (PABLO). Pintor español, más conocido por el apellido materno, n. en Málaga en 1881. En Madrid fundó la revista *Arte Joven*, y luego de iniciarse como ceramista y cultivar la pintura mural al fresco, se estableció en París, donde sigue residiendo. Pintó decoraciones para una danza de Diaghileff. Trabajador infatigable, sobresalía ya en sus principios por su tendencia al impresionismo, al que unió su gran capacidad de sentimiento, que le indujo a apartarse de lo objetivo y lo fué llevando a la pintura que se ha dado en llamar absoluta. En la evolución de su arte se distingue un período azul, debido a su enamoramiento por las obras del Greco, en que predomina aquel color, y las formas se acusan por contraste de claroscuro (*Joven, Hombre y mujer*); un período rojo, en el que produjo los mejores retratos (*La romanesca*); un período negro, caracterizado por su tendencia cubista (*La guitarra*, *Pierrot* y el

rendición de la guardia francesa, mandada por un capitán, y entonces el centinela franquista que la puerta del Parque al paisaje. Organizada la resistencia lo mejor que se pudo, fué atacado el Parque por los napoleónicos y herido Ruiz de consideración en el brazo izquierdo, después de curado de mala manera.

Pablo Ruiz Picasso: «Mujer en un sofá» (1940)

nera, volvió a la lucha. Acercóse a parlamentar un capitán de su regimiento, mas como a su amparo avanzasen los franceses, y a la conminación de detenerse preparasen sus armas, disparó Ruiz las dos piezas de artillería enfiladas contra ellos y quedaron

Статья о Пабло Руисе Пикассо в словаре Эспаса-Кальпе

¹⁷ Alberti, Rafael. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. I. P. 301.

стик творчества художника, его заслуг и значимости в контексте истории мирового искусства. Упоминание о художнике мы сможем найти только в той части словаря, где речь идет о персоналиях по фамилии Руис. С этого начинается и словарная статья о нем: «Руис Пикассо, Пабло — испанский художник, получивший известность под фамилией матери». В словаре упоминаются его работа в журнале *Arte Joven*, живопись голубого и розового периода, кубизм, создание декораций для постановок Дягилева (1872–1929), занятия керамикой. При этом нет ни слова о том, что делал художник в 1930–1940-е гг., но авторы посчитали нужным указать, что в 1950-е гг. в Лондоне была поставлена его пьеса «Желание, пойманное за хвост» («El deseo atrapado por la cola»), которая «не понравилась публике»¹⁸.

Характерно, что на страницах словаря в 1957 г. не нашлось места для выдающегося испанского режиссера Луиса Бунюэля (Luis Buñuel, 1900–1983), друга Федерико Гарсиа Лорки и Сальвадора Дали по Студенческой резиденции. Увлечшись идеями сюрреализма, в 1929 г. в Париже Бунюэль, вместе с Сальвадором Дали, создал один из главных киношедевров эпохи — сюрреалистический фильм «Андалузский пес» («Un perro andaluz») и продолжил сюрреалистическую линию картиной «Золотой век» («La edad de oro», 1930). В 1932 г. Бунюэль вернулся в Испанию, где снял фильм «Земля без хлеба» («Las Hurdes, tierra sin pan») о горной сельской области Лас-Урдес, ставшей символом отсталости страны. Поработав в Париже в отделе дубляжа киностудии «Парамаунт Пикчерс», получил аналогичную работу в мадридском подразделении «Уорнер Бразерс». В 1934 г. Бунюэлю предложили заняться продюсированием. Первые несколько месяцев после начала гражданской войны режиссер оставался в Испании, но в сентябре 1936 г. по поручению правительства Республики уехал в Женеву, а затем в Париж заниматься созданием и каталогизацией республиканских пропагандистских фильмов. В 1938 г. его направили в Голливуд консультировать американцев, готовящихся к съемкам фильмов о войне в Испании. После победы франкистов Бунюэль работал в США и Мексике. Только с начала 1960-х гг. он будет реализовать проекты в Испании, сталкиваясь с франкистской цензурой, и во Франции, где приобретет международное признание. В 1957 г. для франкистов Бунюэля не существовало.

Образ врага во франкистской идеологии неразрывно связан с СССР: «...он воплощал в себе все то, против чего боролись франкисты: коммунизм и антикатолицизм» [Гранцева, 2018: 104]. Как пишет Е.В. Астахова, «“Rusia es culpable” — “Россия виновата” — эти слова, ставшие на долгий срок крылатыми, апофеозом образа-угрозы, были произнесены министром иностранных дел правительства Франко Рамоном Серрано Суньером на митинге 24 июня 1941 года» [Астахова, 2023: 67].

¹⁸ Ruiz Picasso, Pablo. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. VI. P. 1231.

Но к моменту перехода от «первого франкизма» ко «второму» в характеристиках Советского Союза все больше проступали нейтральные черты. Статья про СССР в словаре Эспаса-Кальпе состоит только из одного предложения, в котором представлена транслитерированная форма названия на русском языке и аббревиатура, а в скобках помечено: «См. *Россия*»¹⁹. Интересно и то, что на приложенной к статье о России карте можно найти только ее европейскую часть, и никакого объяснения этому сокращению территории страны не приводится. При этом сама статья, посвященная России, выдержана в нейтральном ключе, старается объективно излагать исторические факты и отдает должное успехам²⁰.

Любопытно, что среди персоналий, связанных с российской историей, словарь дает достаточно развернутую статью про Григория Распутина (1869–1916), помещая даже его портрет²¹.

На страницах словаря не хватило место для таких ключевых фигур испанской истории XX в., как Мануэль Асанья, Хуан Негрин и другие республиканские политики. При этом значимость Асаньи и Негрина для испанской истории не ограничивается постами, которые они занимали в правительстве Второй Испанской Республики.

Мануэль Асанья-и-Диас (1880–1940) — президент Республики в период с 1936 по 1939 г. и одна из наиболее выдающихся фигур республиканского кадрового состава, сформированного испанским интеллектуальным возрождением начала XX в. Доктор права, писатель и историк литературы, в 1913–1920 гг. — секретарь Атенеума (Ateneo de Madrid), мадридского литературного, научного и художественного общества. В 1920-е гг. — борец против диктатуры Мигеля Примо де Риверы (Miguel Primo de Rivera, 1923–1930), участник антимонархического пакта 1930 г., основатель партии «Республиканское действие» («Acción Republicana»), министр и глава правительства в составе кабинетов левых республиканцев и социалистов (1931–1933). С апреля 1934 г. — глава Левореспубликанской партии (Izquierda Republicana). Один из организаторов Народного фронта, победившего на

Фрагмент статьи «Россия» в словаре
Эспаса-Кальпе

¹⁹ Rusia. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. VI. P. 1239–1250.

²⁰ Ibidem.

²¹ Rasputín, Grigori. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. VI. P. 947–948.

выборах в феврале 1936 г. Во время гражданской войны — президент Республики, лидер правого крыла Народного фронта. После победы франкистов эмигрировал во Францию, где и скончался в 1940 г.

Хуан Негрин Лопес (1892–1956) — испанский государственный и политический деятель, но также и ученый-физиолог. Учился в Германии, получил докторскую степень. В 1922 г. возглавил кафедру физиологии в Центральном университете Мадрида. В 1929 г. вступил в Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП). Отстаивал необходимость расширения светского образования. После провозглашения Республики был избран депутатом Учредительных кортесов. Возглавлял комиссию по строительству Университетского городка в Мадриде. После начала гражданской войны, в сентябре 1936 г., занял пост министра финансов в правительстве Франсиско Ларго Кабальеро и инициировал отправку испанского золотого запаса в Москву в счет оплаты военных поставок из СССР. В мае 1937 г. возглавил правительство. После поражения Республики эмигрировал, жил во Франции, Великобритании и Мексике. До 1945 г. возглавлял правительство Испанской Республики в изгнании.

Франкистские идеологи и создатели словаря игнорировали значимость этих фигур для истории науки и культуры. Для их «возвращения» необходимо было достигнуть максимального уровня «принятия» наследия прошлого. Имена республиканских политиков фигурируют только в статье «Испания», в разделе, посвященном испанской истории, где приводится взгляд «победителей» на республиканский период и гражданскую войну, целью которой являлось, по мысли франкистских идеологов, восстановление законного порядка²².

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сохранении в середине 1950-х гг. значительной части франкистских идеологов, сформированных в период гражданской войны и в начале 1940-х гг. и связанных с «отменой» республиканской культуры, вычеркиванием имен и фактов биографий ее представителей. Так, для характеристик республиканского периода и гражданской войны существовала единственная версия трактовки событий, та, что сложилась в «национальной» зоне в годы войны и транслировалась идеологами франкистского режима сразу после нее. Имена республиканских политиков и память о них старательно вычеркивались, даже когда речь шла об их достижениях в сфере науки или искусства. Продолжали игнорироваться и отдельные деятели культуры, чьи судьбы были связаны с республиканским прошлым. Биографии ряда персоналий, упомя-

²² España. Diccionario enciclopédico abreviado Espasa-Calpe. Madrid. Espasa-Calpe. 1957. Vol. III. P. 980–984.

нутых в словаре, значительно искажались, из них вычеркивались десятилетия и важнейшие составляющие их творческой деятельности. Вместе с тем ряд статей словаря и упомянутых в нем фактов и имен позволяют зафиксировать значительные изменения: в начале 1940-х гг. невозможно было бы себе представить упоминание на страницах франкистского издания имен Альберти или Лорки как наиболее значимых поэтов современности. Эти изменения были направлены на частичное возвращение и реабилитацию в 1950-е гг. республиканского наследия и объяснялись приходящим пониманием, что оно является значимой частью целостной испанской культуры.

Список литературы / References

Астахова Е.В. (2019) Испания сквозь призму фильма «Песни после одной войны», *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, Т. 10, Выпуск 2 (76). DOI: 10.18254/S207987840002601-0

Astakhova E.V. (2019) Ispaniya skvoz' prizmu fil'ma «Pesni posle odnoy voyny» [Spain through the Prism of the Film «Songs for after a War»], *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, Т. 10, Vypusk 2 (76). DOI: 10.18254/S207987840002601-0 (In Russian)

Астахова Е.В. (2023) *Испания как метафора*, Москва, МГИМО-Университет, 287 с.

Astakhova E.V. (2023) *Ispaniya kak metafora* [Spain as a metaphor], Moscow, MGIMO-University, 287 p. (In Russian)

Богомазова О.В. (2014) Советские энциклопедии 1920–1960-х годов как источник историографических представлений, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 22 (351), История, Вып. 61, с. 161–166.

Bogomazova O.V. (2014) Sovetskiye entsiklopedii 1920–1960-kh godov kak istochnik istoriograficheskikh predstavleniy [Soviet encyclopedias of the 1920s–1960s as a source of historiographical ideas], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22 (351), Istoriya, Vyp. 61, pp. 161–166. (In Russian)

Гранцева Е.О. (2014) Испанская культура XX в., *История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI в.* под ред. М.А. Липкина, О.В. Волосюк, Е.Э. Юрчик, Москва, Индрик, с. 694–762.

Grantseva E.O. (2014) Ispanskaya kul'tura XX v. [Spanish culture of the twentieth century] in M.A. Lipkin, O.V. Volosyuk, E.E. Yurchik (eds.) *Istoriya Ispanii. T. 2. Ot voyny za ispan-skoye nasledstvo do nachala XXI v.* [History of Spain. Vol. 2. From the War of Spanish Succession to the Beginning of the 21st Century], Moscow, Indrik, pp. 694–762. (In Russian)

Гранцева Е.О. (2018) Возможно ли согласие? Историческая память о событиях XX в. в повседневной жизни и законодательстве современной Испании, *Латиноамериканский исторический альманах*, № 19, с. 316–336.

Grantseva E.O. (2018) Vozmozhno li soglasiye? Istoricheskaya pamyat' o sobyitiyakh XX v. v povsednevnoy zhizni i zakonodatel'stve sovremennoy Ispanii [Is consent possible? Historical memory of the events of the twentieth century in everyday life and legislation of modern Spain], *Latin-American Historical Almanac*, no. 19, pp. 316–336. (In Russian)

Гранцева Е.О. (2022) Оазисы в пустыне? Интеллектуальные журналы первых лет франкизма, *Латиноамериканский исторический альманах*, № 35, с. 276–293.

Grantseva E.O. (2022) Oazisy v pustynye? Intellektual'nyye zhurnaly pervykh let frankizma [Oases in the desert? Intellectual journals of the first years of Francoism], *Latin-American Historical Almanac*, no. 35, pp. 276–293. (In Russian)

Мигель А. де (1985) *40 миллионов испанцев 40 лет спустя*, Москва, Прогресс, 432 с.

Miguel A. de. (1985) *40 millionov ispanitsev 40 let spustya* [40 million Spaniards 40 years later], Moscow, Progress, 432 p. (In Russian)

Наварро Наварро Х.Ф., Гранцева Е.О. (2021) Тени прошлого в Испании: историческая политика и общественная память о гражданской войне и франкизме, *Концепт: философия, религия, культура*, Т. 5, № 4, с. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-96-113>

Navarro Navarro J.F., Grantseva E.O. (2021) Teni proshlogo v Ispanii: istoricheskaya politika i obshchestvennaya pamyat' o grazhdanskoj vojne i frankizme [Тени прошлого в Испании: историческая политика и общественная память о гражданской войне и франкизме], *Concept: philosophy, religion, culture*, Vol. 5, no. 4, pp. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-96-113> (In Russian)

Филатов Г.А. (2016) Идеология франкизма в историографии, *Новая и новейшая история*, № 1, с. 127–135.

Filatov G.A. (2016) Ideologiya frankizma v istoriografii [The ideology of Francoism in historiography], *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 127–135. (In Russian)

Abellán J.L. (1971) *La cultura en España (Ensayo para un diagnóstico)* [Culture in Spain (Essay for a diagnosis)], Madrid, Edicusa, 348 p. (In Spanish)

Aguilar P. (1996) *Memoria y olvido de la Guerra Civil* [Memory and forgetting of the Civil War], Madrid, Alianza, 435 p. (In Spanish)

Campo J. (1980) Rasgos básicos de la ideología dominante entre 1939 y 1945 [Basic features of the dominant ideology between 1939 and 1945], *Revista de Estudios Políticos (Nueva Epoca)*, no. 15, Mayo-Junio, pp. 79–117. (In Spanish)

Campo J. (1995) Ideología del franquismo [Ideology of Francoism], *Eurídice*, no. 5, pp. 81–112. (In Spanish)

Cuesta J. (2008) *La odisea de la memoria. Historia de la memoria en España. Siglo XX* [The odyssey of memory. History of memory in Spain. Twentieth century], Madrid, Alianza, 496 p. (In Spanish)

Díaz E. (1974) *Notas para una historia del pensamiento español actual* [The ideology of Francoism in historiography], Madrid, Edicusa, 324 p. (In Spanish)

Gambarte E.M. (1995) Ideología del franquismo en los años 40 [Ideology of Francoism in the 40s], *Estudios de ciencias sociales*, no. 8, pp. 223–258. (In Spanish)

Georgel J. (1971) *El franquismo: Historia y balance 1939–1969* [Francoism: History and balance 1939–1969], París, Ruedo Iberico, 321 p. (In Spanish)

Gracia J. (2006) *Estado y cultura. El despertar de una conciencia crítica bajo el franquismo, 1940–1962* [State and culture. The awakening of a critical consciousness under Francoism, 1940–1962], Barcelona, Anagrama, 440 p. (In Spanish)

Juliá S. (dir.) (2006) *Memoria de la guerra y del franquismo* [Memory of the war and Francoism], Madrid, Fundación Pablo Iglesias-Taurus, 408 p. (In Spanish)

Mainer J.C. (1971) Historia literaria de una vocación política. (1930–1950) [Literary history of a political vocation. (1930–1950)], *Falange y literatura antología* [Falange and literature anthology], Barcelona, Antología, 700 p. (In Spanish)

Morente F. (2016) La historia de los intelectuales durante el franquismo: un ensayo bibliográfico [The history of intellectuals during the Franco regime: a bibliographical essay], *Bulletin d'Histoire Contemporaine de l'Espagne*, no. 50, pp. 163–194. DOI: <https://doi.org/10.4000/bhce.583> (In Spanish)

Ridruejo D. (1972) La vida intelectual española en el primer decenio de la Postguerra [Spanish intellectual life in the first decade of the Postwar], *Triunfo*, no. 507 Extra, 17 de junio, pp. 70–80 (In Spanish)

Rodríguez A.S., Huertas P. (2010) *Franquismo vs. franquismo: el laberinto ideológico de la dictadura, 1936–1975*, [Francoism vs. Francoism: the ideological labyrinth of the dictatorship, 1936–1975], Madrid, Boalo, 253 p. (In Spanish)

Suñer E. (1937) *Los intelectuales y la tragedia española* [Intellectuals and the Spanish tragedy], Burgos, Editorial Española, 207 p. (In Spanish)

Trapiello A. (2019) *Las armas y las letras* [Arms and literature], Barcelona, Austral, 664 p. (In Spanish)

Una poderosa fuerza secreta. La Institución Libre de Enseñanza (1940) [A powerful secret force. The Free Institution of Education], San Sebastián, Editorial Española, 276 p. (In Spanish)

К истории бразильского федерализма: от Первой республики до диктатуры Варгаса

© Эстевес А.Л., Жуков Н.Н., 2023

Ана Ливия Эстевес, корреспондент международного информационного агентства и радио Sputnik, аспирант Департамента зарубежного регионоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

119021, Москва, Зубовский бульвар, 4

119017, Москва, улица Малая Ордынка, 17, стр. 1

E-mail: analiviaesteves@gmail.com

Никита Никитович Жуков, бакалавр юриспруденции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

119017, Москва, улица Малая Ордынка, 17, стр. 1

E-mail: nzhukov@hse.ru

Аннотация. Исследование эволюции бразильского федерализма, принятого по случаю провозглашения в стране республики в 1889 г., осуществляется на основании юридического и политического анализа текстов Федеральной Конституции Бразилии в редакциях от 1891, 1934, 1937 г. и соответствующих поправок к ним. Рассмотрение данных юридических источников помогает раскрыть недостатки и преимущества, вытекающие из принятия заимствованной федеративной модели, основанной на опыте США и слабо связанной с местными реалиями и особенностями страны. Эволюция федерализма от

Первой Республики в 1889 г. до Нового Государства в Бразилии порождает юридические нововведения в тексте Конституции, такие как внедрение конкурирующих компетенций субъектов федерации, придание муниципалитетам статуса субъектов федерации и изменение регионального деления государства в целом. Административные аномалии, возникшие в результате обострения децентрализации Первой Бразильской Республики, будут компенсированы периодом значительной политической централизации во время правления лидера Жетулиу Варгаса в 1930-е гг. Яркая выраженная тенденция к сосредоточению властных полномочий в руках государства, имевшая место в течение 1930–1940-х гг., привела к установлению диктаторской модели управления в эпоху существования «Нового государства». В связи с этим централизованное государство будет стремиться к изменению регионального деления государства с целью нивелировать возможное чрезмерное влияние местных властей. На протяжении всей своей конституционной истории бразильское законодательство колебалось между периодами политической централизации и децентрализации, оказывая прямое влияние на географическую и территориальную организацию страны.

Ключевые слова: Бразилия, федерализм, конституционное право, Жетулиу Варгас, регионализация

Для цитирования: Эстевес А.Л., Жуков Н.Н. (2023) К истории бразильского федерализма: от Первой республики до диктатуры Варгаса. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 205–227. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-205-227

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарности. Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2023 г.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 205–227
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-205-227

UDC 94(81):327

Recibido 02.09.2023.
Revisado 22.11.2023.
Aceptado 30.11.2023.

En torno a la historia del federalismo brasileño: de la Primera República a la dictadura de Vargas

© Esteves A.L., Zhúkov N.N., 2023

Ana Livia Esteves, Corresponsal de la agencia de noticias Sputnik, estudiante de posgrado del Departamento de Estudios Regionales de HSE (Universidad Nacional de Investigación «Escuela Superior de Economía»).

119021, Rusia, Moscú, bulevar Zubovsky, 4

119017, Rusia, Moscú, calle Malaya Ordynka, 17, ed. 1

E-mail: analiviaesteves@gmail.com

Nikita N. Zhúkov, Licenciado en derecho, Universidad Nacional de Investigación «Escuela Superior de Economía».

nzhukov@hse.ru

119017, Rusia, Moscú, calle Malaya Ordynka, 17, ed. 1

E-mail: nzhukov@hse.ru

Resumen. El artículo investiga la evolución del federalismo brasileño, adoptado con ocasión de la proclamación de la República, en 1889. Los análisis jurídico y político de los textos constitucionales brasileños de 1891, 1934 y 1937 y sus respectivas modificaciones revelarán las dificultades y ventajas que surgen de la adopción de un modelo federativo importado, emulado de la experiencia de los Estados Unidos de América, que tenía poca conexión con la realidad y peculiaridades locales del país. La evolución de la experiencia brasileña con el federalismo producirá innovaciones jurídicas en sus textos constitucionales, como la inclusión de competencias concurrentes entre entidades federativas, la elevación de los Municipios a la categoría de sujeto federal y cambios en la división regional del país. El artículo describe cómo las anomalías derivadas de la exacerbada descentralización de la Primera República Brasileña serán compensadas por un período de importante centralización política durante el gobierno del líder Getúlio Var-

gas, durante la década de 1930. Una tendencia pronunciada hacia la concentración del poder en manos del Estado, que tuvo lugar durante los años 1930 y 1940, condujo al establecimiento de un modelo dictatorial de gobierno en el período del «Nuevo Estado». En este contexto, el gobierno centralizado recurrirá a cambios en las divisiones regionales del país para hacer frente a una influencia hipertrofiada de las autoridades locales. El artículo revela que, a lo largo de su historia constitucional, el derecho brasileño ha oscilado entre períodos de centralización política y descentralización, con efectos directos sobre la organización geográfica y espacial del país.

Palabras clave: Brasil, federalismo, derecho constitucional, Getúlio Vargas, regionalización

Para citar: Esteves A.L., Zhúkov N.N. (2023) En torno a la historia del federalismo brasileño: de la Primera República a la dictadura de Vargas, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 205–227. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-205-227

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Agradecimientos. Este trabajo se preparó con una subvención de la Facultad de Economía Mundial y Asuntos Internacionales de HSE en 2023.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 205–227
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-205-227

UDC 94(81):327

Received 02.09.2023.
Revised 22.11.2023.
Accepted 30.11.2023.

History of Brazilian Federalism: From the First Republic to the Dictatorship of Vargas

© Esteves A.L., Zhukov N.N., 2023

Ana Livia Esteves, Correspondent at the news agency Sputnik, postgraduate student of the Department of Foreign Regional Studies, National Research University «Higher School of Economics».

119021, Russia, Moscow, Zubovsky boulevard, 4

119017, Russia, Moscow, Malaya Ordynka street, 17/1

E-mail: analiviaesteves@gmail.com

Nikita N. Zhukov, Bachelor of Laws, National Research University «Higher School of Economics».

119017, Russia, Moscow, Malaya Ordynka street, 17/1

E-mail: nzhukov@hse.ru

Abstract. The study of the evolution of Brazilian federalism, adopted on the occasion of the proclamation of the Republic, in 1889, is undertaken on the basis of the juridical and political analysis of the Brazilian constitutional texts of 1891, 1934 and 1937 and their respective amendments. The scrutiny of these juridical sources unveils the difficulties and advantages arising from the adoption of an imported federative model, emulated from the experience of the United States of America (USA), which had little connection with the country's local reality and peculiarities. The evolution of Brazilian federalism produced juridical innovations

in the Constitution, such as the inclusion of concurrent competences between federal entities, the elevation of Municipalities to the status of federal subject and changes in the regional division of the country. The anomalies that arose due to the excessive decentralization of the First Brazilian Republic led to the internal political crisis, but were compensated by a period of significant political centralization during the government of Getúlio Vargas. A pronounced trend towards the concentration of power in the hands of the State, which took place during the 1930s and 1940s, led to the establishment of a dictatorial model of government in the Brazilian «New State» period. In this context, the centralized government sought to change the existing regional division of the country to tackle a perceived hypertrophic influence of local authorities. It is revealed that, throughout its constitutional history, Brazilian law has oscillated between periods of political centralization and decentralization, with direct effects on the geographic and spatial organization of the country.

Keywords: Brazil, federalism, Constitutional Law, Getúlio Vargas, regionalization

For citation: Esteves A.L., Zhukov N.N. (2023) History of Brazilian Federalism: From the First Republic to the Dictatorship of Vargas, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 205–227. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-205-227

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

Acknowledgements. Support from the Individual Research Program of the HSE Faculty of World Economy and International Affairs is gratefully acknowledged.

«Обнародованная сегодня Конституция создала новую правовую структуру, не меняя ничего, что считалось существенным в системе общественного мнения, и при этом сохраняя демократическую форму, представительный процесс и автономию Штатов в рамках традиционных направлений органической федерации», — так президент Бразилии Жетулиу Варгас (Getúlio Vargas, 1930–1945, 1951–1954) в радиообращении к нации 10 ноября 1937 г. объявил о создании *Estado Novo* («Нового государства») и о принятии новой Конституции страны¹. С того дня прошло более 80 лет: в Бразилии появлялись новые политические партии, завладевали умами новые общественные идеи, однако значение изучения первых бразильских конституций сохраняется и по сей день. В период правления президента Жаира Болсонару (Jair Bolsonaro, 2019–2022) особую роль во внутренней политике Бразилии стали играть субъекты федерации (Штаты), что в ходе нынешнего институционального кризиса в Бразилии и в результате появления новых союзов Штатов (таких как «Северо-восточный межгосударственный консорциум устойчивого развития», занимавшихся парадипломатией в годы пандемии) поставило вопрос об устойчивости федеративного устройства страны и традиционного бразильского разделения полномочий между кон-

¹ O discurso do Sr. Presidente da republica á Nação. Jornal do Comercio. Rio de Janeiro. 11.11.1937. 20th Century Press Archives. URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iif/folder/pe/036796/manifest.json> (accessed: 02.08.2023).

ституционно признанными федеративными образованиями и этими новыми союзами Штатов. Именно по этой причине в апреле 2023 г. президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва (Luiz Inácio Lula da Silva, 2003–2011, 2023 по наст. вр.) создал Федеративный совет, состоящий из представителей федерального правительства, правительств Штатов и муниципалитетов².

Для понимания характера и особенностей федералистского правления в Бразилии важно выявить истоки и проследить эволюцию федерализма в истории страны. Политические аспекты эволюции бразильского федерализма затрагивались в работах таких российских ученых, как Н.П. Калмыков [Калмыков, 1993], Л.С. Окунева [Окунева, 1997], А.Ю. Борзова [Борзова, 2016] и других. Так, в фундаментальном труде «История Латинской Америки» отмечалось, что «в конституции 1891 г. отчетливо проявлялись федералистские принципы, что в условиях Бразилии отвечало интересам буржуазно-землевладельческих кланов, навязывавших свою волю на местах» [Калмыков, 1993: 138]. В данной статье сделана попытка продемонстрировать эволюцию бразильского федерализма конца XIX – первой половины XX в. через ее отражение в конституциях этого периода, изучить, как особенности соотношения политических сил страны и потребности экономического развития повлияли на формирование и структуру этих законодательных документов. Введение в научный оборот этих источников может способствовать приращению научного знания и стать важным дополнением к трудам именитых российских ученых.

Установление федеративной формы государственного устройства в Бразилии относится к 1889 г., когда 15 ноября был опубликован Декрет № 1. Именно тогда имперское наследие Бразилии и характерное для него унитарное государственное устройство уходят в прошлое, провинции уступают место Штатам, страна вступает на долгий путь федерализации, периоды централизации и децентрализации начинают сменять друг друга.

В бразильской историографии преобладает тезис об эволюции национального федерализма как о процессе, напоминающем маятниковое движение: от усиления централизации к децентрализации и обратно. Так, в имперский период преобладали централизаторские тенденции, в отличие от полностью децентрализаторских настроений Республики, которая сменилась жесткой централизацией в Эру Варгаса [Saldanha, 2009: 327–360]. По мнению исследователя бразильского федерализма Андре Режиша [Regis, 2009], бразильское государство развивалось в результате постоянных раз-

² Governo cria Conselho da Federação, para reunir representantes do poder Executivo e fortalecer o diálogo com estados e municípios. Presidência da República. URL: <https://www.gov.br/sri/pt-br/noticias/mais-noticias/governo-cria-conselho-da-federacao-para-reunir-representantes-do-poder-executivo-e-fortalecer-o-dialogo-com-estados-e-municipios> (accessed: 02.08.2023).

ногласий между центральной властью и региональными олигархиями, колебания в соотношении сил которых и порождали движения маятника между централизацией и децентрализацией.

Годы	Исторический период	Централизация/децентрализация
1822–1889	Империя	Централизация
1889–1930	Старая республика	Децентрализация
1930–1945	Эра Варгаса	Централизация
1945–1964	Редемократизация	Децентрализация
1964–1984	Военная диктатура	Централизация
1984–1994	Редемократизация	Децентрализация
1994–2002	План Реал	Децентрализация
2002–2010	Правление Лулы	Децентрализация

Разработано Анной Клаудией Салданья In: Estado federal e descentralização: uma visão crítica do federalismo brasileiro. Revista Sequência, Florianópolis, no. 59, p. 327–360, dez. 2009

С другой стороны, в бразильской юридической практике обнаруживаются и следы преемственности. Несмотря на значительную децентрализацию, предусмотренную Конституцией 1891 г., политическое и правовое доминирование Союза по-прежнему является постоянной чертой бразильского федерализма, что даже получило свое особое название — «бразильская асимметричная федерация». Поэтому в федеративном договоре Бразилии «маятник» колебаний между централизаторскими и децентрализаторскими тенденциями качнулся в сторону Союза [Torrecillas Ramos, 2000].

Федеративное государство характеризуется разделением полномочий между субъектами федерации, которыми по Конституции Бразилии 1891 г. являлись Союз и Штаты. Граждане государства этого типа имеют одно и то же гражданство, признаваемое не только внутри страны, но и за ее пределами. Несмотря на признание автономии штатов-членов, федерация предусматривает, что решения центральной власти — Союза (в случае Бразилии) являются обязательными для всех субъектов федерации. Наконец, федерацию не следует путать с конфедерацией, поскольку субъектам федерации не предоставляется право сепарации [Saldanha, 2009: 327–360]. Тем не менее при федерализме федеральная Конституция не только ограничивает автономию штатов-членов, но и поддерживает ее, поскольку конституция гарантирует, что субъект федерации не может быть упразднен или изменен единовластным решением правительства. Кроме того, конституция федеративного государства гарантирует штатам четкое разделение компетенций и доступ к ресурсам. Другими словами, речь идет не об односторонних отношениях, когда конституция лишь ограничивает действия субъектов федерации, а о двусторонних отношениях взаимного признания и гарантий.

Особенности бразильского федерализма

Некоторые бразильские исследователи утверждают, что федерализм в Бразилии подражал федерализму США, но был введен искусственно, без консультаций с населением и с региональными политическими лидерами.

По мнению Председателя Верховного Федерального Суда Бразилии Луиса Роберто Баррозу, копирование американской системы зарождавшейся бразильской республикой не учитывало местных реалий [Barroso, 1982]. В США движение к централизации, объединившее тринадцать штатов в одну федерацию, исходило снизу, тогда как в Бразилии — наоборот: федерация была образована сверху путем разделения унитарного государства. Как выразился Баррозу, в Бразилии «теория столкнулась с объективной реальностью». По мнению профессора конституционного права Сибеле Фернандес Диас, «бразильский федерализм родился путем обособления, поскольку унитарное государство времен империи было подвергнуто разделу изнутри, и с принятием этой новой модели бывшие провинции получили политическую автономию, став штатами-членами» [Fernandes Dias, 2014: 2699–2716]. С этим согласна и Анелиз Домингес Шулер, которая классифицирует бразильскую модель, принятую в первой половине республиканского периода до введения Конституции 1934 г., как «имитационный федерализм» [Domingues Schuler, 2009].

В бразильской литературе эта модель получила название «двойного федерализма», при которой два субъекта федерации равноправны и не вмешиваются в дела друг друга. Двойной федерализм характеризуется горизонтальным разделением компетенций между субъектами федерации, причем это разделение носит радикальный характер, оговаривая исключительные области, в пределах которых все внутренние вопросы находятся в ведении данного субъекта федерации.

Институционализацию двойного федерализма в Бразилии можно считать победой ряда бразильских политических и общественных деятелей, среди которых особое место занимает известный дипломат, политик и писатель Руй Барбоза (Ruy Barbosa, 1849–1923), выступавший за установление в стране республики (как формы правления) и федерации (как формы государства). Барбоза был прилежным слушателем конституционалистских школ США и вернулся на родину с убеждением, что эта модель отвечала бразильским потребностям.

Временным правительством, в котором преобладали военные, 15 ноября 1889 г. был издан Декрет № 1, провозгласивший Бразилию республикой, организованной на федеральных принципах. Однако эта федерация возникла не в результате договора между политическими лидерами штатов и Временным правительством, а была навязана сверху. Учредительный съезд, собравшийся для разработки Конституции 1891 г., узаконил решение Временного правительства и подтвердил федеративный вариант.

От Первой республики до переворота Варгаса

Конституция 1891 г. разделена на пять больших разделов: I. «О Федеральной организации», II. «О Штатах», III. «О Муниципалитетах», IV. «О гражданах Бразилии», V. «Общие положения». Вводные положения первого раздела новой Конституции были посвящены установлению в Бразилии федерализма и самому главному и сложному для государства вопросу — способу преобразования унитарного государства в федеративное. Статья 2 Конституции закрепляла, что каждая бывшая провинция формирует новую административную единицу — штат, а бывший Нейтральный Муниципалитет образует Федеральный Округ, продолжая являться столицей Союза³. Конституция 1891 г. впервые нормативно закрепила создание в будущем новой столицы Бразилии (которой впоследствии стал город Бразилиа): «На центральном плато Республики будет выделена территория площадью 14,4 тыс. кв. км, которая будет своевременно разграничена для основания там будущей федеральной столицы»⁴.

Она определила и некоторые основные параметры бразильской федерации, которые будут сохранены и в последующих версиях основного закона. Например, представление о «нерасторжимости федеративных связей»⁵, предусматривающее «вечный и нерушимый союз». При этом никаких правовых документов, регламентировавших или устанавливавших параметры этого союза, не существовало: положение о союзе сохраняло разъяснительный и декларативный характер, известный в специальной литературе как «федеративное обязательство» [Machado Norta, 2004: 167]. Другим основополагающим условием, введённым Конституцией 1891 г. и сохранённым в последующих основных законах, стало положение о нерушимости федеративного договора, которое было воспроизведено и расширено Конституциями 1934, 1946 и 1967 гг.

Документ внес значительные изменения и в отношения между центральной и региональной властью, которые полностью изменяли соотношение компетенций между национальной властью и провинциями, существовавшее в Бразильской империи. Центральное правительство оставило за собой право решать общегосударственные вопросы, возлагая на провинции ответственность за проведение местной политики. Однако несмотря на то что президенты провинций стали назначаться центральным правительством, в провинциальных ассамблеях все еще доминировали местные элиты, что создавало почву для возникновения постоянных политических дискуссий между центром и региональными лидерами.

³ Artigo 2 da Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891. Base da Legislação Federal Brasileira. Presidência da República Federativa do Brasil. Serviços e Informações do Brasil. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao91.htm (accessed: 02.08.2023).

⁴ Artigo 3 do Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891...

⁵ Artigo 1 do Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891...

Развитие бразильского конституционного права, внедрение идеи корпоративного федерализма, а затем и конкурирующих компетенций субъектов федерации привело к созданию сложной системы распределения налоговых поступлений, которая, строго говоря, и по сей день юридически объединяет субъекты федерации в Бразилии. По мнению Р.А. Аффонсо, перераспределение государственных средств является жизненно важным фактором для поддержания стран с большими региональными диспропорциями и социальной асимметрией, как это имеет место в Бразилии [Affonso, 1995: 56–75].

Налоговая система империи, которая еще ранее предоставила большую самостоятельность провинциям, была сохранена в Конституции 1891 г. Провинциальным правительствам была гарантирована финансовая автономия с широкими полномочиями по сбору налогов. Отсутствовала централизация налоговых поступлений, что ограничивало власть центрального правительства по отношению к провинциям. Однако из-за низкой собираемости местных налогов муниципалитеты не могли обеспечить себя финансово без помощи провинциального правительства, что усилило позиции союза в сделках с беднейшими Штатами, а также позиции богатых Штатов, таких как Минас-Жерайс и Сан-Паулу. На это обращал внимание и Пауло Бонавидес, считавший, что федерализм при республиканском режиме Конституции 1891 г. был «вербальным, и равенство между субъектами федерации существовало только в тексте Конституции». По его мнению, «практика была иной, поскольку политическое неравенство, концентрируясь с наибольшей силой в лоббистском давлении сильнейших Штатов, в действительности нарушало равновесие, декларируемое федеративным договором. Слабейшие субъекты федерации были сведены до положения провинций по отношению к центральной власти» [Andrade, Bonavides, 2004: 256].

В результате имперское правовое поле де-факто гарантировало провинциальным элитам существенное политическое пространство. Региональные власти могли распоряжаться инвестициями на общественные нужды, планировать бюджет, заниматься сбором налогов и формированием полицейских сил.

Усиление позиций штатов в Конституции 1891 г. представлено также и учреждением фигуры губернатора штата, который теперь избирался, а не назначался центральным правительством, как это было принято во времена империи. Устранялся еще один важный элемент контроля центрального правительства над штатами. Кроме того, она гарантировала штатам право принимать собственные конституции при условии, что они «уважают конституционные принципы Союза»⁶.

⁶ Artigo 63 da Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891...

Несмотря на значительную автономию Штатов, федерация закрепила за собой ограниченный перечень сфер деятельности, а также случаи, при которых допускается вмешательство федеральных властей в компетенцию Штатов. Согласно статье 6, по общему правилу, федерации запрещено вмешиваться в деятельность Штатов, за исключением четырех случаев: 1) для отражения иностранного вторжения или из одного Штата в другое; 2) для сохранения федеративной республиканской формы; 3) для восстановления порядка и спокойствия в Штатах по требованию соответствующих органов власти; 4) обеспечение исполнения федеральных законов и приговоров⁷. При этом право Штатов на создание собственных полицейских сил также усиливало региональную власть в ущерб муниципальной и центральной. В результате создание Штатами собственных армий было расценено как угроза национальному единству Бразилии.

Таким образом, по Конституции 1891 г. Бразилия приняла децентрализованную федеративную модель образования государства. Во первых, Штатам было предоставлено право объединяться, разделяться, присоединяться и преобразовываться с согласия соответствующих региональных органов власти, а также при одобрении федеральной легислатуры⁸. Во-вторых, каждый Штат был обязан обеспечивать себя самостоятельно с возможностью получить федеральную финансовую помощь только по запросу в случае бедствия⁹. Конституция в значительной степени сохранила автономию Штатов, чему способствовал и политический климат укрепления олигархий в Сан-Паулу и Минас-Жерайс, которые были достаточно сильны, чтобы суметь выторговать выгодные для Штатов сделки. По бразильским меркам этот период характеризовался сильной децентрализацией.

Важно, что с момента своего принятия вторая Конституция Бразилии¹⁰ была изменена лишь один раз, в 1926 г., по инициативе известных юристов, военных и политических деятелей Оливейры Виана (Oliveira Viana, 1883–1951), Лауро Содре (Lauro Sodré, 1858–1944), Альберто Торреса (Alberto Torres, 1865–1917), президента Эпитасиу Песоа (Epitácio Pessoa, 1919–1922) и др. Перегибы с децентрализацией в Конституции 1891 г. стали объектом критики и привели к социальной конфронтации в Бразилии. Тот же Руй Барбоза, как уже говорилось ранее, горячий сторонник системы двойного федерализма, предложил внести изменения в текст закона с целью предоставить большую власть центральному правительству [Saldanha, 2009: 327–360].

⁷ Artigo 6 da Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891...

⁸ Artigo 2 da Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891...

⁹ Artigo 4 da Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 24 de Fevereiro de 1891...

¹⁰ Первая конституция Бразилии была принята в 1824 г. — *Прим. авт.*

Поправки были внесены только в те положения Конституции, которые относились к вопросам федерализма, а именно в статьи 6, 34, 37 и 59–60. Они были инициированы сторонниками централизации для расширения полномочий центральных федеральных властей по отношению к региональным властям [de Abreu, 2015]. Изменения в конституционном тексте расширили президентские полномочия и федеральную компетенцию в области законодательства о трудовых отношениях. Документом вводился запрет на переизбрание президентов и губернаторов Штатов, что ограничило доступ к власти ряда местных политических групп [Barroso, 1982: 18].

Статья 34, регулировавшая исключительные законодательные полномочия Конгресса, не была серьезно изменена — были отредактированы формулировки отдельных полномочий Национального Конгресса Бразилии, в основном касавшиеся финансово-бюджетной деятельности. Основные поправки были внесены в статью 6, которая устанавливала возможные случаи вмешательства федеральной власти в региональные дела. Статья была изложена в следующей редакции: «Федеральное Правительство не может вмешиваться в дела Штатов, за исключением случаев: I — для отражения иностранного вторжения или из одного Штата в другое; II — для обеспечения национального единства и соблюдение следующих конституционных принципов: а) республиканская форма правления; б) политический режим представительства населения; с) Правительство под руководством Президента; d) независимость и спокойное сосуществование ветвей власти; <...> к) невозможность повторного избрания Президента и губернаторов; м) возможность конституционной реформы и наделение законодательной власти полномочий по ее проведению; III — <...>; IV — обеспечение исполнения федеральных законов и приговоров, реструктуризация финансов Штата, неспособность которого к самостоятельному погашению им своего государственного долга на срок более двух лет»¹¹.

Конституция в редакции 1926 г. содержала более неопределенные формулировки, чем изначальный текст документа. Конституционные принципы, перечисленные поправкой к статье 34, не имели юридического определения и являлись теоретическими, а не практическими (и не имеют до сегодняшнего дня). В связи с этим федеральная власть могла интерпретировать эти пункты по собственному усмотрению.

Принятие данной поправки считается принципиальным моментом на пути к большей централизации, которая укреплялась на протяжении 1930-х гг., вплоть до принятия Конституции 1946 г. Однако реализовать в полном объеме свои новые полномочия федерация не смогла,

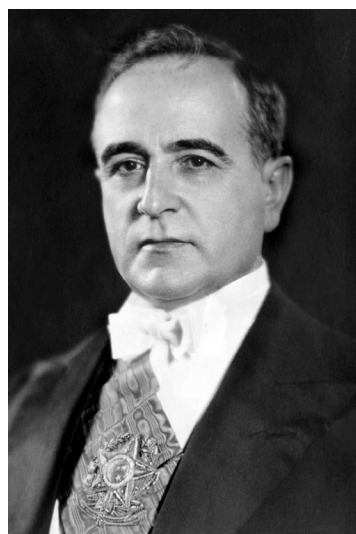
¹¹ Emenda Constitucional de 3 de Setembro de 1926 «Emendas à Constituição Federal de 1891». Base da Legislação Federal Brasileira. Presidência da República Federativa do Brasil. Serviços e Informações do Brasil. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/Emendas/Emc_anterior1988/emc%20de%203.9.26.htm (accessed: 02.08.2023).

так как в 1930 г. в результате переворота к власти в Бразилии пришел Жетулиу Варгас, который приостановил действие Конституции 1891 г. Непокойное начало его правления, обусловленное в том числе восстанием в 1932 г. в Штате Сан-Паулу, вынудило его сделать одной из приоритетных целей своего правительства принятие новой Конституции.

Эра Варгаса и бразильский федерализм

Централизаторские тенденции бразильского федерализма 1930-х гг. развивались на фоне общего ослабления экономического и политического либерализма после финансового кризиса 1929 г. По мнению Баррозу, «именно положение государства в новом мировом контексте, в котором экономический либерализм все больше уступал место государственному интервенционизму, вызвало усиление власти союза за счет ослабления Штатов» [Barroso, 1982: 29]. Международный экономический кризис оказал значительное влияние и на политическую власть элит Сан-Паулу и Минас-Жерайс, снизив их возможности противостоять централизаторскому давлению правительства Жетулиу Варгаса [Lopreato, 2022: 1–41].

Идеологические инновации в области социально-экономического управления, в том числе и распространение идей Джона Мейнарда Кейнса о роли государства в стимулировании экономической активности, и успешное их применение в рамках «Нового курса» Франклина Рузвельта (Franklin D. Roosevelt, 1933–1945) в США, породили концепцию кооперативного федерализма, которая косвенно расширяла федеральные компетенции и легитимизировала вмешательство союза в те сферы, которые ранее находились в ведении Штатов, например, в управление экономикой. В результате первоочередные внутриполитические преобразования правительства свелись к перераспределению компетенций между субъектами федерации и разделением доходов. Жозе Алфонсо да Силва определяет компетенции как «полномочия, которыми по закону наделяются субъект, орган или агент государственной власти для принятия решений. Компетенции — это различные формы власти, используемые государственными органами или организациями для исполнения своих обязанностей» [Silva, 2010: 419]. Первоначальная модель распределения компетенций, принятая Бразилией, предусматривала закрепление в Конституции лишь полномочия Союза, тогда как все остальные компетенции должны были передаваться Штатам. В рамках же модели двойного федерализма роль Союза была ограничена, поскольку он не мог вмешиваться ни в какие вопросы, прямо не оговоренные в конституции.

*Жетулиу Варгас,
президент Бразилии с 1930
по 1945 г. и с 1951 по 1954 г.*

15 июля 1934 г. первая Конституция эры Варгаса была принята всеобщим голосованием. В ней нашли отражение новые юридические и экономические идеи того времени. За основу новой Конституции Бразилии были взяты Конституция Германского государства 1919 г. (Веймарская Конституция) и Конституция Испанской республики 1931 г. В то время как Испанская Конституция представила бразильским авторам варианты для развития института прав человека в Бразилии, в частности, предоставление женщинам всеобщего избирательного права, Веймарская Конституция дала возможность проанализировать способы модификации бразильского федерализма.

Новая Конституция не только предоставила новые права гражданам, учредила новые судебные органы и усовершенствовала трудовое законодательство, но и сконцентрировала больше полномочий в руках федеральных властей. По аналогии с Конституцией 1891 г., Конституция 1934 г. была разделена на несколько больших разделов, первый из которых был посвящен федеративному устройству. В дополнение к полномочиям, которые статьей 34 Конституции 1891 г. были отнесены к исключительной компетенции федеральной власти, были установлены новые: объявление войны и заключение мира; демаркация государственной границы; установление национального плана железных и автомобильных дорог и регулирование дорожного движения между Штатами; организация деятельности банков, страховых компаний и частных сберегательных касс¹²; регулирование законодательства (уголовного, коммерческого, гражданского, процессуального, пенитенциарного, арбитражного); и др.¹³

Аналогично Конституции 1891 г. Конституция 1934 г. не допускала возможность вмешательства федеральных властей в деятельность Штатов, за исключением случаев, установленных в самой Конституции. Данные случаи в основной части были инкорпорированы из предыдущей Конституции, однако ряд положений был введен впервые: «Федерация не будет вмешиваться в дела, отнесенные к компетенции Штатов, за исключением: I — для обеспечения национального единства; II — для отражения иностранного вторжения или из одного Штата в другое; III — <...>; IV — <...>; V — для обеспечения соблюдения конституционных принципов (представительная республиканская форма; независимость и спокойное сосуществование ветвей власти; срочный характер выборных органов, ограниченный теми же сроками, что и соответствующие федеральные должности, и запрет на немедленное переизбрание губернаторов и мэров на ближайший период <...>) и исполнение федеральных законов; VI — для реструктуризации финансов

¹² Банки и страховые компании были национализированы Временным правительством Варгаса. — *Прим. авт.*

¹³ Artigo 5 do Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 16 de Julho de 1934. Base da Legislação Federal Brasileira. Presidência da República Federativa do Brasil. Serviços e Informações do Brasil. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao34.htm (accessed: 02.08.2023).

Штата, неспособного к самостоятельному погашению своего государственного долга на срок более двух лет; VII — для исполнения приказов и решений федеральных судей и судов»¹⁴.

Принятие этой модели в Конституции Бразилии 1934 г. положило начало тенденции к усилению централизации власти в Союзе, вмешательство которого в экономические дела страны становится все более активным. При этом целью конституционной эволюции Бразилии являлся сбалансированный федерализм, обеспечивавший гармоничное распределение компетенций между субъектами федерации. Именно поэтому было введено понятие «конкурирующих компетенций», впервые появившееся в Конституции Веймарской республики в Германии в 1919 г. и принятое в Бразилии в Конституции 1934 г. наряду с одновременным участием субъектов федерации в распределении налоговых поступлений. Кульминацией этой эволюции стало утверждение кооперативного федерализма Конституции Бразилии 1988 г. (статьи 23 и 24).

Другими словами, в 1934 г. был сделан первый шаг к отказу от системы горизонтального распределения компетенций в пользу их вертикального распределения, при котором рассмотрение одного и того же вопроса распределяется между различными субъектами федерации, обеспечивая их более тесное сотрудничество и объединение их усилий для достижения общих целей.

Несмотря на многочисленные нововведения, введенные Конституцией 1934 г., некоторые авторы считают, что эта Конституция не изменила основ бразильского федерализма [Lopreato, 2022: 1–41]. В качестве примера можно привести полномочия федеральных интервентов, которые назначались непосредственно федеральным правительством (что урезало автономию Штатов) и осуществляли функции законодательной и исполнительной власти на временной основе. Однако, если им не удавалось наладить связь с местными политическими силами, они вынуждены были уходить в отставку. Анжела де Кастро Гомес отмечает, что «эти интервенты действовали не в политическом «вакууме», а были вынуждены выстраивать отношения с различными лидерами, многие из которых имели старые и прочные позиции на муниципальном уровне. Потребность в централизации обосновывалась необходимостью территориально-правовой реорганизации Бразилии с целью усвоения промышленного развития и ухода от децентрализованного характера страны, сформировавшейся как настоящий «архипелаг» островов, никак не связанных друг с другом из-за отсутствия какой-либо государственной политики, направленной на достижение национального единства» [Castro Gomes, 2013].

¹⁴ Artigo 12 do Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil de 16 de Julho de 1934...

Существенным нововведением Конституции 1934 г. стало включение муниципалитетов в число субъектов федерации. В контексте внедрения модели кооперативного и демократического федерализма Учредительное собрание посчитало муниципалитет структурой, наиболее приближенной к реальному носителю власти, т.е. гражданину. Что касается распределения компетенций, то Конституция закрепила существенный их перечень за Союзом и муниципалитетами, передав остальные компетенции Штатам. Таким образом, повышение статуса муниципалитета в сочетании с усилением союза в Конституции 1934 г. способствовало относительно ослаблению Штатов по сравнению с реалиями Конституции 1891 г.

В целом Конституция 1934 г. ознаменовала переход бразильского федерализма от дуалистической модели (двойного федерализма) к корпоративистской. Этот федерализм, считавшийся тогда более современным, расширил полномочия союза и положил начало концепции конкурирующих компетенций Союза и Штатов.

К моменту приближения следующих президентских выборов в 1938 г. Жетулиу Варгас пришел к выводу, что необходимо вновь изменить Конституцию Бразилии с целью полного сосредоточения власти в своих руках. В радиообращении к нации, произнесенном 10 ноября 1937 г., он сказал: «Законодательная власть, действовавшая в рамках Конституции 1934 г., оказалась непоправимо неэффективной, — и далее продолжил: — Парламентская фаза работы правительства оказалась скорее помехой, нежели формой сотрудничества, установленной в рамках Конституции 1934 г. и достойной сохранения»¹⁵. Автором текста новой Конституции был адвокат и будущий министр юстиции, Франсиско Луис да Силва Кампос (Francisco Luís da Silva Campos, 1891–1968), который впоследствии стал одним из идеологов становления военной диктатуры в Бразилии. Кампос использовал за основу режим Юзефа Пилсудского (Józef Piłsudski, 1918–1922) и Конституцию Польши 1935 г., закрепившую авторитарный режим в стране.

Введение Жетулиу Варгасом *Estado Novo* стало демонстративным выражением централизаторской тенденции бразильского федерализма 1930-х гг. Хотя формально по Конституции 1937 г. федерализм все еще оставался в силе, на практике все внутренние полномочия муниципалитетов и Штатов были изъяты. По мнению Салданьи, бразильское государство того времени можно охарактеризовать как «децентрализованное унитарное государство», поскольку в соответствии с Декретом-законом № 1.202 от 8 апреля 1939 г. Штаты стали настоящими децентрализованными территориальными образованиями, находившимися под контролем и надзором главы исполнительной власти [Saldanha, 2009: 327–360].

¹⁵ O discurso do Sr. Presidente da republica á Nação...

Конституция Бразилии 1937 г. учредила в Бразилии авторитарный и централизованный режим. Формально она сохранила федеративное устройство, но в руках центральной исполнительной власти были сосредоточены рычаги давления на ветви власти всех уровней федерации. Новая Конституция Варгаса установила новые правила взаимоотношений между федеральным и региональным уровнем органов власти: «Федеральное правительство будет вмешиваться в дела Штатов путем назначения Президентом Республики посредника, который возьмет на себя в Штате функции, которые, согласно его Конституции, принадлежат исполнительной власти». Посредники в каждом конкретном случае Президентом Республики назначаются: а) для предотвращения неминуемого вторжения иностранного государства на национальную территорию или Штата на территорию другого Штата, а также для отражения того или иного вторжения; б) для восстановления порядка, в случаях, когда Штат не желает или не может этого сделать; с) для управления Штатом, когда по какой-либо причине одна из его властей не сможет функционировать; d) для реструктуризации финансов Штата, не способного к самостоятельному погашению своего государственного долга на срок более двух лет или Штата, который после одного года погашения не погашает заем, совершенный с Союзом; е) для обеспечения реализации следующих конституционных принципов: республиканской и представительной формы правления; президентского правительства; прав и гарантий, обеспечиваемых Конституцией; f) для обеспечения исполнения федеральных законов и судебных решений¹⁶.

Таким образом, федеральной власти в лице Президента Бразилии было предоставлено право управлять всеми юридическо-административными процессами в государстве. Это выражалось как в полномочиях управления Штатом, когда одна из его ветвей власти не функционирует, так и в полномочиях восстановления порядка, когда Штат не в состоянии этого сделать самостоятельно. Данных критериев не было в предыдущей Конституции Варгаса 1934 г., и их включение в следующем Основном законе фактически привело к неограниченной власти Президента, так как критерии «самостоятельной неспособности Штата» законодательно не были определены. Более того, статья 14 Конституции Бразилии 1937 г. предоставила Президенту Бразилии право «свободно издавать декреты-законы об организации правительства и федеральной администрации, верховном командовании и организации вооруженных сил»¹⁷.

Помимо указанных формальных разграничений полномочий между Штатами и Центром, Конституция предоставила Президенту Бразилии полномочия не только руководителя исполнительной власти, но и надели-

¹⁶ Artigo 9 do Constituição dos Estados Unidos do Brasil de 10 de Novembro de 1937...

¹⁷ Artigo 14 da Constituição dos Estados Unidos do Brasil de 10 de Novembro de 1937...

ла его компетенцией законодательной власти. В связи с тем, что одной из причин отмены Конституции 1934 г. и принятия новой являлась узурпация власти, новому режиму необходимо было ограничить представительную форму правления, при этом формально сохранив видимость демократии. Поэтому деятельность Парламента была ограничена, а фактические полномочия принятия законов переданы Президенту Бразилии. Это было отражено в одном из заключительных положений Конституции 1937 г.: «Пока национальный парламент не собирается, Президент Республики имеет право издавать декреты-законы по всем вопросам, входящим в законодательную компетенцию Федерации»¹⁸. Парламент, в состав одной из палат которого входят представители Штатов, потерял свою необходимость.

Президенту в результате совокупности данных норм Конституции было предоставлено практически абсолютное право управлять всеми процессами в государстве, что привело к сильной централизации власти и деградации института федерализма в «Эру Варгаса».

Регионализм эпохи Варгаса

Централизация периода *Estado Novo* политически оправдывалась существованием предполагаемых внутренних и внешних угроз. Основной внутренней угрозой был признан сепаратизм, подпитываемый, с одной стороны, большими размерами и разнообразием национальной территории, а с другой — «разнузданным федерализмом», порожденным Конституцией 1891 г., которая, по мнению представителей режима, поощряла стремление к политической автономии [Castro Gomes, 2013: 47].

Варгистская реорганизация бразильского федеративного договора была направлена на ослабление власти Штатов, которую участники Революции 1930 г. считали чрезмерной. Центральная власть не только расширила компетенции союза и создала муниципалитеты, но и продвинула идею **бразильских «регионов»**, которые были выведены за рамки понятия «государство».

Важным органом, ответственным за продвижение идеи регионов, стал Бразильский институт географии и статистики (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, IBGE), основанный в 1938 г. уже при *Estado Novo*. В основе его концепции стало разделение Бразилии на геополитические регионы, т.е. «территориальные пространства, которые, отчасти повторяя политико-административное деление, в то же время стремились преодолеть его в символическом плане». «Регионы» должны были стать новым способом репрезентации Бразилии: как представлять ее в пространстве и как думать о ней в политическом и культурном поле [Castro Gomes, 2013: 58]. Населению был предложен новый источник идентичности, и население должно было отождествлять себя уже не со Штатом своего происхождения,

¹⁸ Artigo 180 do Constituição dos Estados Unidos do Brasil de 10 de Novembro de 1937...

а с «регионом», к которому оно принадлежит. «Таким образом велась борьба с негативным регионализмом, ориентированным на политическую децентрализацию и стимулирующим сепаратизм, и санкционировался другой регионализм — позитивный, порожденный как раз-таки централизацией авторитарного режима» [Castro Gomes, 2013: 67].

Проект новой политической карты Бразилии Жуареса Таворы¹⁹, январь 1933 г.

Проект новой политической карты Бразилии Эверардо Бакхойзера²⁰, 1933 г.

¹⁹ Опубликовано в книге Тьерса Флеминга «Новое территориальное деление Бразилии» (Thiers Fleming, Nova Divisão Territorial do Brasil), имеющейся в фонде IBGE. — Прим. авт.

²⁰ Там же.

На этом фоне в стране началась дискуссия о пересмотре границ Штатов, создании новых территорий (прецедентом юридической субъектности, альтернативной Штатам, являлась территория Акри, созданная в 1904 г.) и официальном закреплении геополитического деления страны на макрогеографические регионы. Анжела де Кастро Гомес писала, что «в 1930-е гг. Бразильскому географическому обществу был представлен целый ряд проектов по пересмотру политико-административного деления страны», и подобного рода предложения набирали силу, учитывая «политический и интеллектуальный климат», благоприятный для реформирования федеративных образований. Предложения были весьма разнообразны, но в их основе лежали некоторые базовые принципы, такие как гармонизация размеров Штатов, преодоление идеи естественной границы и стремление к большей федеративной сбалансированности.

Новое региональное деление Бразилии, принятое в 1942 году²¹

Первое официальное региональное деление Бразилии было утверждено в 1942 г. Генеральной ассамблеей Национального географического совета. Делимитация бразильских регионов хотя и преследовала исключительно политические цели, учитывала «физические аспекты, такие как рельеф, водные пути и климат, а также человеческие аспекты: экономическое производство, пищевые привычки, обычаи, праздники, искусство,

²¹ Бразильский географический журнал, Рио-де-Жанейро, год IV, № 1, с. 152, 1942 (Revista Brasileira de Geografia, Rio de Janeiro, ano IV, no. 1, pg. 152, 1942)

верования и т.д.» [Castro Gomes, 1996]. В результате появились Северный, Северо-Восточный, Восточный, Южный и Центрально-Западный регионы, которые обрели жизнь на страницах школьных учебников, наглядно представивших кулинарные и музыкальные традиции, природное разнообразие и виды экономической деятельности каждого конкретного региона²².

Типы и аспекты Бразилии²³. Иллюстрация отображает разнообразие бразильских регионов при помощи символов, связанных с растительностью, природными ресурсами, экономической и культурной деятельностью

Репрезентация жителей Северо-Восточного региона на ярмарке Каруару²⁴

²² Tipos e aspectos do Brasil: excertos da Revista Brasileira de Geografia. Fundação IBGE, Instituto Brasileiro de Geografia, Departamento de Documentação e Divulgação Geográfica e Cartográfica; ilustrações [de] Percy Lau [e] Barbosa Leite.

²³ Иллюстрации Перси Лай и Барбозы Лейте. 10-е изд. обновленное и дополненное. Рио-де-Жанейро: IBGE, 1975. Бразильский географический журнал. (Tipos e aspectos do Brasil. Ilustrações de Percy Lau e Barboza Leite. 10. ed. atual. e ampl. Rio de Janeiro: IBGE, 1975. Pg. 163. Excertos da Revista Brasileira de Geografia).

²⁴ Там же.

Несмотря на деликатность дискуссии о формировании новых территорий, в связи с сопротивлением со стороны местных элит в 1943 г. были созданы лишь пять новых территорий, следуя политико-правовому опыту Акри. Эти территории не обладали экономическим потенциалом, чтобы обеспечить себя в финансовом плане, но они располагали административным ресурсом, хотя и зависели напрямую от финансирования, выделяемого центральным правительством. Роль центрального правительства заключалась в «поддержке этих регионов, как правило, крупных и малонаселенных, но имеющих стратегическое значение для национальной безопасности» [Castro Gomes, 2013: 67].

*Retratos*²⁵

Из пяти созданных территорий три были образованы на базе районов, принадлежавших Штатам Пара и Амазонас: Амапа, Рио-Бранко (ныне Штат Рорайма) и Гуапоре (ныне Рондония). Двумя другими территориями,

²⁵ Журнал IBGE, публикуется Бразильским институтом географии и статистики, Рио-де-Жанейро, № 6, декабрь 2017 г. (Retratos, Revista IBGE, publicada pelo Instituto Brasileiro de Geografia-Estatística (IBGE), Rio de Janeiro, no. 6, dezembro de 2017). URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-noticias/2012-agencia-de-noticias/noticias/19383-dividir-para-conhecer-as-diversas-divisoes-regionais-do-brasil> (accessed: 02.08.2023).

созданными в 1943 г., были Понта-Поран, выделенная из нынешнего Штата Мату-Гросу-ду-Сул, и Игуасу, образованная из территорий Парана и Санта-Катарина — обе эти территории ныне не существуют.

Таким образом, 1930-е гг. стали периодом преобразований не только в политико-правовой сфере, имеющей абстрактный характер, но и в сфере географического и пространственного управления: внутренние границы Бразилии были изменены как в культурном плане, так и физически. Государство в целом приобрело ту структуру, которую оно имеет в настоящее время, чему во многом способствовали конституции 1891, 1934 и 1937 гг.

Список литературы / References

Борзова А.Ю. (2016) *Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешней политики страны (1902–2014 гг.)*, Москва, РУДН, 416 с.

Borzova A.Yu. (2016) *Diplomaticheskaja sluzhba Brazilii kak instrument realizacii vneshnej politiki strany (1902–2014 gg.)* [The Diplomatic Service of Brazil as an instrument for the realization of the country's foreign policy (1902–2014)], Moscow, RUDN, 416 p. (In Russian)

Калмыков Н.П. (1993) Бразильская республика в конце XIX – начале XX в., *История Латинской Америки* под ред. Е.А. Ларина, Москва, Наука, с. 135–145.

Kalmykov N.P. (1993) *Brazil'skaja respublika v konce XIX – nachale XX v.* [The Brazilian Republic in the late 19th – early 20th century] in E.A. Larin (ed.) *Istorija Latinskoj Ameriki* [History of Latin America], Moscow, Nauka, pp. 135–145. (In Russian)

Окунева Л.С. (1997) Особенности бразильского федерализма (историко-политологические аспекты), *Латинская Америка*, № 4, с. 26–37.

Okuneva L.S. (1997) *Osobennosti brazil'skogo federalizma (istoriko-politologicheskie aspekty)* [Peculiarities of Brazilian federalism (historical and political science aspects)], Latin America, no. 4, pp. 26–37. (In Russian)

Afonso R. (1995) *A Federação no Brasil: Impasses e Perspectivas* [The Federation in Brazil: Impasses and Perspectives], São Paulo, Fundap, 515 p. (In Portuguese)

Andrade P., Bonavides P. (2004) *História constitucional do Brasil* [Constitutional history of Brazil], Brasília, OAB editora, 949 p. (In Portuguese)

Barroso L.R. (1982) *Direito Constitucional Brasileiro: o problema da federação* [Brazilian Constitutional Law: the problem of the federation], Rio de Janeiro, Forense, 157 p. (In Portuguese)

Castro Gomes A. (1996) *História e historiadores: a política cultural do Estado Novo* [History and historians: the cultural policy of the Estado Novo], Rio de Janeiro, Editora FGV, 220 p. (In Portuguese)

Castro Gomes A. (2013) *População e Sociedade. Olhando para Dentro 1930–1964* [Population and Society. Looking Inward 1930–1964] in L. Moritz Schwarcz (ed.) *História do Brasil Nação: 1808–2010* [History of Brazil Nation: 1808–2010], Rio de Janeiro, Objetiva, pp. 41–91. (In Portuguese)

de Abreu A.A. (2015) *Dicionário histórico-biográfico da Primeira República* [Historical-biographical dictionary of the First Republic], Rio de Janeiro, Editora FGV, 9323 p. (In Portuguese)

Domingues Schuler A. (2009) *Reflexões sobre o Federalismo: Aspectos Histórico-Ideológico e Jurídico-Institucionais* [Reflections on Federalism: Historical-Ideological and Legal-Institutional Aspects], Master's Dissertation, Porto Alegre, 72 p. (In Portuguese)

Fernandes Dias C. (2014) Federalismo e «e pluribus unum»: dilemas e conflitos da experiência Brasileira [Federalism and «e pluribus unum»: dilemmas and conflicts in the Brazilian experience], *Revista do Instituto do Direito Brasileiro*, no. 4, pp. 2699–2716. (In Portuguese)

Lopreato F.L. (2022) Federalismo Brasileiro: origem, evolução e desafios [Brazilian Federalism: origin, evolution and challenges], *Economia e Sociedade, Campinas*, vol. 31, no. 1, p. 1–41. (In Portuguese)

Machado Horta R. (2004) Constituições federais e pacto federativo [Federal Constitutions and Federal Pact] in J.A. Leite Sampaio (ed.) *Quinze anos de Constituição* [Fifteen years of Constitution], Belo Horizonte, Del Rey, pp. 165–182. (In Portuguese)

Regis A. (2009) *O Novo Federalismo Brasileiro* [The New Brazilian Federalism], Rio de Janeiro, Forense, 123 p. (In Portuguese)

Torrecillas Ramos D. (2000) *O federalismo assimétrico* [The asymmetrical federalism], Rio de Janeiro, Forense, 234 p. (In Portuguese)

Saldanha A.C. (2009) Estado federal e descentralização: uma visão crítica do federalismo brasileiro [Federal state and decentralization: a critical view of Brazilian federalism], *Revista Sequência*, no. 59, pp. 327–360. DOI: 10.5007/2177-7055.2009v30n59p327 (In Portuguese)

Silva J.A. (2010) Curso de Direito Constitucional Positivo [Course of positive constitutional law] in A. Moraes (ed.) *Direito Constitucional* [Constitutional Law], São Paulo, Atlas, 594 p. (In Portuguese)

История Колумбии: в погоне за ускользающим единством

© Русакова Т.Ю., 2023

Татьяна Юрьевна Русакова, канд. полит. наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков РУДН.
115035, Москва, улица Большая Ордынка, 21
117198, Москва, улица Миклухо-Маклая, 6
ORCID: 0000-0002-4341-7143 E-mail: kittyhawk@mail.ru

Рецензия на монографию:

История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века. Ответственные редакторы: А.А. Щелчков, З.В. Ивановский. – Москва: Наука, 2022. – 739 с.

Ключевые слова: Колумбия, Латинская Америка, история

Для цитирования: Русакова Т.Ю. (2023) История Колумбии: в погоне за ускользающим единством. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 228–236. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-228-236

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Historia de Colombia: en busca de la esqui- va unidad

© Rusakova T.Yu., 2023

Tatyana Yu. Rusakova, PhD (Ciencias Políticas), investigadora principal del Centro de Estudios Políticos de Instituto de América Latina de Academia de Ciencias de Rusia, docente del Departamento de Teoría y Práctica de las Lenguas Extranjeras, Instituto de Lenguas Extranjeras de Universidad de la Amistad de los Pueblos.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordýnka, 21

117198, Rusia, Moscú, calle Miklukho-Maklaya, 6

ORCID: 0000-0002-4341-7143 E-mail: kittyhawk@mail.ru

Reseña de la monografía:

Historia de Colombia desde la antigüedad hasta principios del siglo XXI. Editores responsables: A.A. Shchelchkov, Z.V. Ivanovsky. – Moscú: Nauka, 2022 (en ruso). – 739 p.

Palabras clave: Colombia, América Latina, historia

Para citar: Rusakova T.Yu. (2023) Historia de Colombia: en busca de la esqui-va unidad, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 228–236. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-228-236

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

History of Colombia: In Pursuit of Elusive Unity

© Rusakova T.Yu., 2023

Tatyana Yu. Rusakova, PhD (Political Sciences), Senior Researcher at the Centre for Policy Research, Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University. 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21
117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6
ORCID: 0000-0002-4341-7143 E-mail: kittyhawk@mail.ru

Book Review:

History of Colombia from antiquity to the beginning of the 21st century. Responsible editors: A.A. Shchelchkov, Z.V. Ivanovsky. – Moscow: Nauka, 2022 (in Russian). – 739 p.

Keywords: Colombia, Latin America, history

For citation: Rusakova T. Yu. (2023) History of Colombia: In Pursuit of Elusive Unity, *Ibero-american Papers*, no. 4, pp. 228–236. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-228-236

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

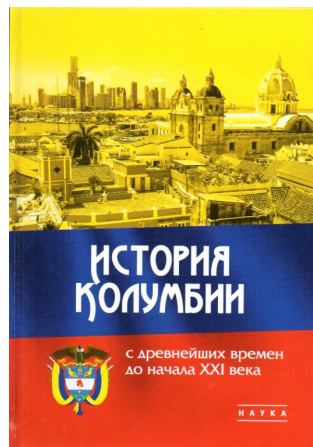
В 2022 г. в издательстве «Наука» вышла книга «История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века». Исследование продолжает серию «Историй» стран Латинской Америки, публикуемых Институтом всеобщей истории РАН с начала 1960-х годов (с. 3). Этот фундаментальный труд опирается на многочисленные исторические источники и документы и фокусируется на ключевых событиях национальной истории.

Книга обладает некоторой интерпретационной сдержанностью, позволяя читателю самому делать выводы о прочитанном. Как тут не вспомнить Х.Л. Борхеса: «Сдается мне, что история, истинная история, куда более скромна, а потому основные ее вехи могут быть долгое время сокрыты», — пишет классик в своем эссе «Скромность истории»¹. Авторский коллектив излагает факты четко и беспристрастно, «по Борхесу», что является несомненным плюсом, так как история Колумбии зачастую полна различных толкований, теорий, мифов и заблуждений.

В книге 27 глав, которые подробно иллюстрируют весь процесс формирования колумбийского государства от первых поселенцев и охотников-собирателей с 9000 г. до н.э. до важнейших политических и социально-культурных процессов середины второго десятилетия XXI в.

В своем исследовании, посвященном древнейшему периоду, авторы А. Табарев и И. Леванова анализируют переход от периода собирательства к сельскому хозяйству, а также наличие социальной структуры общества и высокоразвитой культуры. На наш взгляд, авторам удалось связать доиспанское прошлое с настоящим, расширив представление об истории Колумбии и представив более сложную, богатую, удивительную и, прежде всего, разнообразную картину происхождения страны.

В главах, посвященных испанской конките и колониальному периоду, историк К. Елохин показывает процессы, происходившие после открытия Америки Колумбом, и в дальнейшем — процесс основания государства Новая Гранада².

¹ Борхес Х.Л. Скромность истории. Сочинения в трех томах. Том 2. Эссе. Новеллы. Рига. Полярис. С. 135–138.

² Новая Гранада (Nueva Granada) — испанское вице-королевство в Южной Америке, включавшее в себя территории современных Колумбии, Венесуэлы, Панамы, Эквадора, Бразилии, Перу и Гайаны. Образовано в 1718 г. в результате отделения от вице-королевства Перу. Столицей стал город Богота. Прекратила существование в 1821 г. в результате антииспанского восстания креолов и вошла в состав Великой Колумбии. После распада Великой Колумбии с 1832 по 1856 г. будущая Республика Колумбия называлась «Республикой Новой Гранады» (República de la Nueva Granada), ее территория включала в себя нынешние Колумбию и Панаму. До сих пор название Новая Гранада используется для обозначения Колумбии её соседями. — Прим. ред.

Важно обратить внимание на то, что автор подчеркивает важность колониального наследия, оценивая, какой эффект оно оказало на дальнейшее развитие Колумбии. С одной стороны, можно сделать вывод, что страна в итоге унаследовала не очень эффективную центральную власть, иерархическое общество и разделенную нацию. С другой стороны, колонизация стала двигателем прогресса и изменила демографический, политический, экономический и культурный облик государства.

Четвертая глава, написанная главным научным сотрудником Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН А. Щелчковым, посвящена реформам Бурбонов и развитию Новой Гранады в XVIII в. Особый акцент делается на процессе метисации населения и формировании новой общности — новогранадской метисной нации (с. 63).

Война за независимость и возникновение Великой Колумбии³ представлена экспертом О. Поскониной как очень сложный период, полный внутренних противоречий среди самих повстанцев, а также среди сторонников централизма, федерализма и роялизма. Страна была расколота, а провинциальные лидеры действовали в условиях постоянной внешней угрозы и иностранной интервенции. Эти противоречия повстанцам не удалось преодолеть, и Новая Гранада распалась на 22 самостоятельных государственных образования (с. 100), перестав существовать как единая сущность, погружившись в пучину анархии и гражданской войны. Автор описывает ставшее ответом на эту ситуацию создание Великой Колумбии, а также причины ее последующего распада, в числе которых — диктатура С. Боливара (Simón Bolívar, 1819–1830), растущий национализм и мощные сепаратистские настроения, с которыми не удалось справиться первому главе независимого государства.

Исчезновение Великой Колумбии и возникновение государства, получившего в 1832 г. название «Республика Новая Гранада», положило начало веку гражданских войн. По словам А. Щелčkova, с противостояния сторонников и противников Боливара начинается формирование двух ведущих колумбийских партий — либералов и консерваторов (с. 168). В шестой главе описывается дальнейшая идейная борьба, трансформация традиционных партий и появление в 40-х гг. XIX в. новых политических субъектов (например, умеренных либералов и прогрессистов в рамках либеральной партии), принеших «Республике Новая Гранада» революционные потрясения.

Рассматривая либеральную революцию в Новой Гранаде (конец 40-х — начало 50-х гг. XIX в.) в седьмой главе, исследователь показывает, как влияние европейской либеральной мысли способствовало либеральным ре-

³ Великая Колумбия (La Gran Colombia, 1819–1831) — историографическое название Колумбии, включавшей территории сегодняшних Колумбии, Венесуэлы, Эквадора и Панамы, частично Бразилии, Гайаны и Перу. — Прим. ред.

формам, на смену которым пришел политический кризис, который, в свою очередь, привел к социальному конфликту из-за противоречий внутри самого либерального движения. Этот период, по мнению автора, характеризуется «размежеванием внутри либерального лагеря и разрушением блока реформистских сил» (с. 219).

В девятой главе Л. Ивкина исследует период с 1855 по 1876 г. Это время многочисленных социальных потрясений, получившее название «Радикальный Олимп» («Olimpo Radical»), когда в каждом федеральном штате действовала своя региональная конституция, гражданский, уголовный и налоговый кодексы. Радикализация, начавшаяся в середине 1860-х гг., привела к другому историческому этапу развития страны.

Анализируя политические процессы последних 30 лет XIX в. в десятой главе книги, А. Щелчков называет эти годы одними из самых непростых в социально-политической трансформации страны. В тот период сформировалось движение «Возрождение», которое привело Колумбию к централизованному государству и умеренным реформам (с. 268). В 1870-х гг. начался другой исторический этап, связанный с укреплением государства и установлением власти консерваторов. Автор называет этот процесс «реванш консерваторов, осуществленный руками <...> либералов» (с. 269).

В главе 12 рассматривается международное положение «Республики Новая Гранада». Видный историк-латиноамериканист профессор Е. Ларин представил зарождающееся государство как региональную испано-американскую державу, особенно во времена первой республики Колумбия в 1820-х гг. Панамский конгресс 1826 г. стал кульминацией колумбийского могущества и самой большой неудачей Боливара, т.к. его проект регионального единства (Великая Колумбия) потерпел крах. «Республику Новая Гранада» также можно было отчасти считать региональной державой после ее отделения от Колумбии в 1831 г., но в итоге она оказалась втянута в гегемонистский конфликт между Великобританией и Соединенными Штатами, что весьма ослабило ее положение в мире.

В главе 13 эксперт В. Казаков анализирует причины, ход и последствия «Тысячедневной войны» («Guerra de los Mil Días», 1899–1902) — самой продолжительной и кровопролитной гражданской войны в истории Колумбии между воинственным крылом либералов и правительством. Эта война была совершенно разрушительна для страны на всех уровнях: социальном, экономическом и политическом. Она как бы завершила XIX век, в котором произошло почти 10 гражданских войн. Наступал новый этап «консервативной гегемонии», которая продлится до 1930 г. и станет относительно мирным периодом для страны.

В главе 15 А. Щелчков описывает приход к власти Либеральной партии, которая управляла страной 16 лет (1930–1946). Правители этого периода, принадлежавшие к течению социал-либерализма, выступали за крупные

преобразования: аграрную реформу, рабочее законодательство, государственную помощь и защиту рабочих и крестьян. Так называемая «революция на марше» была направлена на модернизацию страны.

Автор главы 16 В. Хейфец анализирует внешнюю политику Колумбии в первой половине XX в. Именно тогда Колумбия вошла «в систему межрегиональных и международных отношений» (с. 433), однако с учетом прошлых геополитических провалов страна серьезно пересмотрела свой внешнеполитический вектор. Ставка была сделана на региональную изоляцию и нормализацию отношений с США. При этом вся внешняя политика рассматривалась как дополнение внутренней. По мнению автора, эта система принципов стала ключевой для Колумбии на многие годы вперед. Подход колумбийских властей мало изменился и во второй половине XX в. В этом смысле внешняя политика Колумбии — явление скорее статичное, что компенсируется динамичностью внутривнутриполитических процессов.

Феномену леволиберальной политика Хорхе Элиэсера Гайтана (Jorge Eliécer Gaitán, 1903–1948), которого многие исследователи расценивают как чисто популистского лидера, посвящена основная часть главы 17. Он сумел создать широкое народное движение в Колумбии, играя на надеждах, чаяниях, заблуждениях и мифах обездоленного населения. И именно его убийство (1948 г.) развязало длительный период «Виоленсии»⁴ в Колумбии и нажало на курок политического хаоса.

Этот период, отмеченный дальнейшим кризисом политической системы, рассматривает А. Щелчков в главе 18. Автор дает позитивную оценку диктатуры Густаво Рохаса Пинильи (Gustavo Rojas Pinilla, 1953–1957), отдавая должное ряду политических реформ Пинильи и соглашаясь с колумбийским исследователем Карлосом Рестрепо Пьедраитой насчет того, что это были годы «консервативного правительства в военном обличии» (с. 474). При этом эксперт подчеркивает, что Рохас Пинилья не сумел справиться с герильей и утратил поддержку влиятельных политических сил. Эти неудачи не в последнюю очередь поспособствовали заключению пакта между либералами и консерваторами (Национальный фронт⁵), что, в конечном счете, окончательно сформировало политическую двухпартийную паритетную систему, которая сохранялась до середины 70-х гг. прошлого века. Имели место экономическая стабильность и отдельные реформы, в то же время процветал клиентелизм, росла апатия в политической жизни. Демонтаж Национального фронта начался уже в 1974 г., о чем пишет политолог про-

⁴ Виоленсия (исп. La Violencia, «насилие») — вооруженный конфликт в Колумбии, возникший на фоне противостояния Либеральной и Консервативной партий. Катализатором «виоленсии» послужило убийство Х.Э. Гайтана и вооруженное восстание в столице Колумбии Боготе. — *Прим. ред.*

⁵ Национальный фронт (Frente Nacional, 1958–1974) — соглашение между Либеральной и Консервативной партиями, согласно которому происходила ротация власти с перерывами в четыре президентских срока. — *Прим. ред.*

фессор З. Ивановский в главе 20 (с. 524). Колумбия искала новую экономическую модель для дальнейшего развития и параллельно проходила через непростой переход от паритетной системы к представительной демократии.

Окончательное формирование современной политической системы Колумбии, как пишет З. Ивановский в главе 21, началось в 1991 г. с принятием новой конституции для закрепления демократического транзита: представительная демократия усилилась, расширились элементы партиципации, например, всенародно стали избираться мэры, население смогло более активно участвовать в работе местных органов власти (с. 546–547). Хотя в стране и сохранилась президентская форма правления, конституция усилила контрольные функции Конгресса, и дисбаланс между ветвями власти уменьшился. Однако переход к демократии был осложнен и существенным усилением леворадикальных повстанческих группировок, и нерешённой проблемой незаконного оборота наркотиков. Наркоторговля, проблема насилия и внутренний вооруженный конфликт выявили слабость государственных институтов, сделали неработоспособным правосудие, породили беспрецедентную эпидемию насильственных преступлений.

Этот внутривластный вызов красной нитью проходит через всю современную историю Колумбии и подробно анализируется в главах 24 и 25 З. Ивановским. Автор позитивно оценивает мирные соглашения, заключённые правительством Х.М. Сантоса (Juan Manuel Santos, 2010–2018) в 2016 г. с леворадикальной группировкой FARC⁶, однако предупреждает, что дальнейшая стабилизация страны будет зависеть от итогов переговоров с другими вооружёнными формированиями (с. 640). А от себя позволю добавить: и от того, насколько скоро насилие перестанет восприниматься как средство социальных изменений.

В качестве небольшого дополнения к данной рецензии отмечу, что к моменту выхода книги в Колумбии в мае 2022 г. состоялись президентские выборы, ознаменовавшие еще один переломный момент в ее истории. На смену традиционным политическим силам впервые в истории страны к власти пришел левый президент Густаво Петро. Насколько не была (или была) случайной такая кардинальная смена внутривластного вектора и какие последствия ждут страну — это тема уже для дальнейших исследований отечественных латиноамериканистов.

⁶ Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, FARC-EP) — леворадикальная повстанческая экстремистская группировка, участвовавшая в Гражданской войне в Колумбии. Была сформирована в 1960-е гг. как военное крыло Коммунистической партии Колумбии. В 2016 г. ФАРК и правительство Колумбии подписали договор о прекращении боевых действий. 1 сентября 2017 г. съезд ФАРК в Боготе проголосовал за преобразование движения в политическую партию. — *Прим. ред.*

Уверена, что книга «История Колумбии» вызовет большой интерес у читателей. И когда они осият этот семисотстраничный труд, то, несомненно, сделают главный вывод: Колумбия — это не изумруды, кофе, бегемоты Пабло Эскобара и даже не «100 лет одиночества» Габриэля Гарсии Маркеса, а упорный, но всегда ускользающий поиск нацией своего единства.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аннотация.

В октябре–ноябре 2023 г. состоялись многочисленные научные мероприятия, посвященные исследованиям ибероамериканского мира, в которых принимали участие ведущие эксперты и молодые ученые из разных российских образовательных и исследовательских центров, а также представители ряда латиноамериканских стран и Испании. Научные форумы послужили площадкой для обмена мнениями об оценке развития отношений со странами Латинской и Карибской Америки и возможностей расширения академических контактов, взаимного узнавания и сотрудничества с Россией в самых разных областях.

Ключевые слова: научные конференции, Латинская и Карибская Америка, Россия, обмен мнениями, сотрудничество

VIDA ACADÉMICA

Resumen.

Octubre y noviembre de 2023 fueron los meses en que se realizaron muchos foros académicos dedicados a las investigaciones en varias esferas de la historia, la política, la cultura, la literatura, el arte de los países de Latinoamérica, el Caribe, España y Portugal y su relación con Rusia. Estos congresos en que participaron eminentes expertos rusos y de otros países sirvieron de plataforma para el intercambio de ideas sobre la evaluación de los vínculos mutuos en el mundo cambiante y una búsqueda de oportunidades para ampliar contactos académicos, promover el reconocimiento mutuo y la cooperación en diversas áreas.

Palabras clave: congresos académicos, América Latina y el Caribe, España, Portugal, Rusia, intercambio de ideas, cooperación

ACADEMIC LIFE

Abstract.

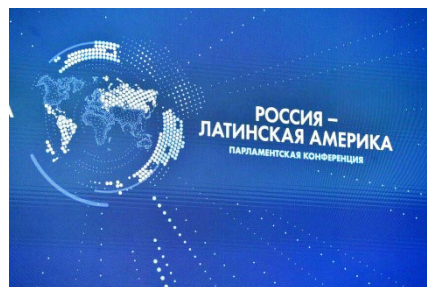
October and November 2023 saw a lot of various academic events dedicated to Ibero-American research, in which prominent experts from various Russian educational and research centers, as well as representatives of several Latin American countries, Spain and Portugal took part. The academic forums served as a platform for the exchange of ideas on the evaluation of the development of relations with the countries of Latin America and the Caribbean and the opportunities to expand academic contacts, better understanding and cooperation with Russia in various areas.

Keywords: academic events, Latin America and the Caribbean, Spain, Portugal, Russia, exchange of ideas, cooperation

Октябрь и ноябрь 2023 года оказались чрезвычайно насыщены научными событиями, имеющими непосредственное отношение к исследованиям ибероамериканского мира. Все мероприятия на российских площадках послужили дискуссионной платформой, призванной найти точки соприкосновения со странами Латинской и Карибской Америки, оценить направления развития региона и возможности расширения взаимного узнавания и сотрудничества в самых разных областях.

30 сентября – 1 октября по инициативе Государственной думы РФ состоялась первая **Международная парламентская конференция «Россия – Латинская Америка»**, в которой участвовали многочисленные гости из всех стран континента — сенаторы, депутаты, эксперты. На пленарном заседании выступил Президент России В.В. Путин, который отметил, что в новой, полицентричной архитектуре мира государствам Латинской Америки с их огромным экономическим потенциалом и человеческими ресурсами, стремлением проводить суверенную политику будет принадлежать одна из ведущих ролей в мире.

4–6 октября в Санкт-Петербурге прошел масштабный VI Международный форум **«Россия и Иberoамерика в турбулентном мире: история и современность»**, организованный Санкт-Петербургским государственным

университетом и Институтом Латинской Америки РАН. Этот форум — самое представительное в России мероприятие, посвященное политическим, социальным, экономическим и историко-культурным процессам в Латино-Карибской

Америке, Испании и Португалии. Каждые два года мероприятие собирает многочисленных экспертов из отечественных и зарубежных исследовательских центров. Помимо авторитетных ученых, начинающие исследователи также принимают участие в молодежных секциях. В 2023 году в форуме участвовали около 800 исследователей в очном и дистанционном режиме, в том числе ученые из 10 латиноамериканских и 10 азиатских и европейских государств. В программу были включены заседания 70 секций, круглые столы, представления монографий (в том числе монографии преподавателей МГИМО Е.В. Астаховой «Испания как метафора» и С.М. Хенкина «Испания. Современное нестабильное общество», прошел конкурс молодых исследователей-ибероамериканистов, состоялись публичные лекции. В здании факультета международных отношений СПбГУ, где проходил форум, была размещена выставка картин кубинского художника Омара Годинеса, открылась экспозиция Мексиканского музея гравюры, выставка работ знаменитого мексиканского художника-графика Хосе Гвадалупе Посады (José Guadalupe Posada, 1852–1913), положившего начало социальной карикатуре и оказавшего огромное влияние на будущих знаменитых муралистов Мексики.

В МГИМО 14–16 октября в рамках XV Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Незападный мир: возможности и роль России» были проведены заседания секций по испанистике (модератор профессор С.М. Хенкин) и латиноамериканистике (модератор профессор Л.С. Окунева), в которых выступили с докладами ведущие отечественные ибероамериканисты из разных образовательных и исследовательских центров.

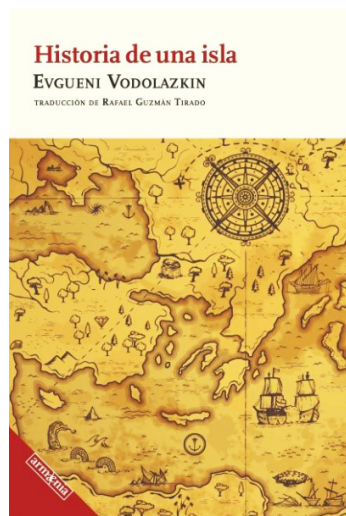
8 ноября 2023 года на площадке МГИМО по инициативе редакции «Ибероамериканских тетрадей», кафедры испанского языка и Ибероамериканского центра МГИМО успешно прошла **Международная научная конференция «Ибероамерика: Общество. Культура. Язык»**, в которой, кроме российских экспертов, участвовали представители Боливии, Бразилии, Мексики, Испании.

В МГУ 23–24 ноября собрались эксперты-латиноамериканисты и испанисты на **II Латиноамериканские чтения**. Вопросы нового мироустройства и место в нем стран Латинской Америки обсуждались на масштабной конференции в НИУ ВШЭ «**Мировое большинство в новых реалиях: региональное измерение**» (30 ноября – 1 декабря).

Важное место в этом ряду научных собраний занимает международный семинар о переводе художественной литературы с русского языка на испанский — «Jornadas de literatura rusa contemporánea: la literatura rusa y la traducción», организованный 20–23 ноября профессором Университета Гранады (Испания) известным переводчиком Рафаэлем Гусманом Тирадой при участии Института перевода (исполнительный директор Евгений Резниченко). Имена российских участников этого семинара, известных писателей (Павел Басинский, Алексей Варламов, Евгений Водолазкин) говорят сами за себя. В семинаре приняли участие аргентинские переводчики русской литературы (общество «Федор Достоевский»). Состоялась презентация книги Е. Водолазкина «Оправдание острова» на испанском языке в переводе Р. Гусмана Тирады.

Хочется также отметить выступление на **IX Международном культурном форуме**, проходившем в Санкт-Петербурге 16–18 ноября, члена Международного научно-экспертного совета нашего журнала Рубена Дарио Флореса. Директор Института культуры им. Льва Толстого в Боготе обратился к Президенту В.В. Путину с предложением оцифровать замечательные переводы на испанский язык русских классиков, сделанные в СССР издательством «Прогресс» в 70–80-е годы

прошлого века. Пока эти произведения Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова и других великих русских литераторов лежат в архивах издательства, нужно сделать их доступными в интернете, что станет важным культурным событием как в Латинской Америке, так и в России.

Роман Е. Водолазкина
«Оправдание острова»
на испанском языке, перевод
Рафаэля Гусмана Тирады. 2023

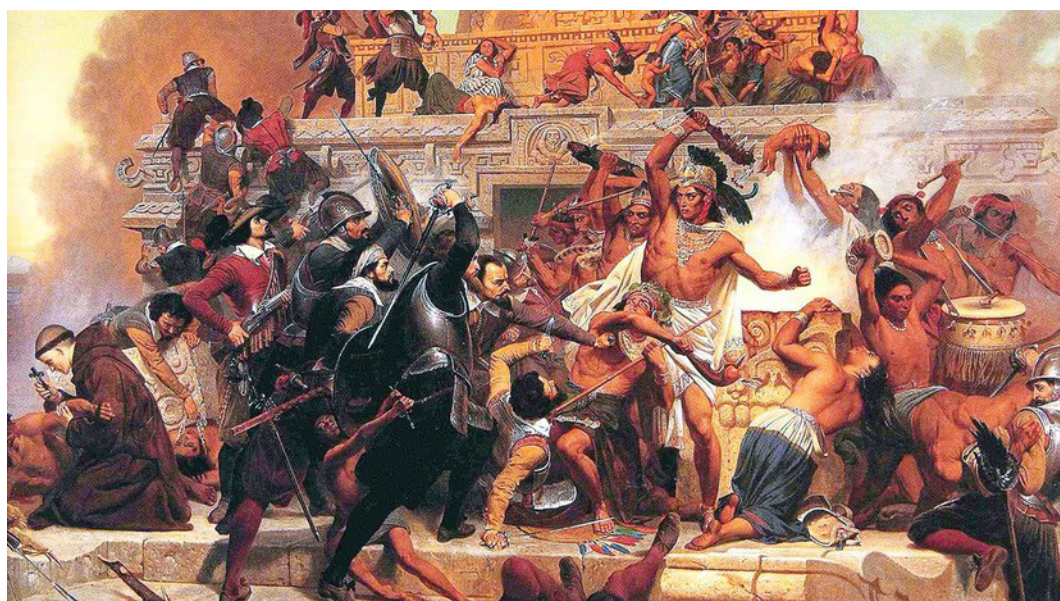

Редакция «Ибероамериканских тетрадей»

Иллюстрации к интервью О.А. Масаловой «Типология диалога культур в Латинской Америке в концепции Леопольдо Сеа»

Вид на Мехико (бывший Теночтитлан). Раскрашенная гравюра Франца Хогенберга. 1564

Эмануэль Лойце. Сражение в Теночтитлане. 1848

Хосе Клементе Ороско. Женщины-солдаты. 1926

Хосе Клементе Ороско. Сапатистский марш. 1931

Диего Ривера. Соперники. 1931

Давид Альфаро Сикейрос. Автопортрет. 1945

Давид Альфаро Сикейрос. Портрет буржуазии. 1939

**Иллюстрации к аналитическому эссе А.В. Родионова
«Тема Фриды. Фрида Кало как символ мексиканской национальной
идентичности (размышления после спектакля)»**

Фрида Кало. Автопортрет на границе между Мексикой и США. 1932

Диего Ривера. Пиньята. 1953

Ф. Кало. Автопортрет с терновым ожерельем и колибри. 1940

Фрида Кало. Тут висит моё платье. 1933

Диего Ривера. Раздача оружия. 1928. В центре картины художник изобразил свою супругу — Ф. Кало

Диего Ривера. История Мексики. Фрагмент. 1935

Иллюстрации к аналитическому эссе Л.К. Престеса
«Как бразильский карнавал стал бизнесом»

Ссылки к иллюстрациям

1. <https://fedordostoevsky.ru/works/lifetime/thief/1848/>
2. <https://bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/1708/lot/108633/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB?lang=he>
3. [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9C%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3\).png](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9C%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3).png)
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B2%D0%B5_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87
5. <https://worldofhistory.ru/montesuma-ii-kakim-by-l-posledniy-pravitel-imperii-atstekov-s-600-zhyonami/>
6. <https://ww3.lectulandia.co/book/el-compromiso/>
7. <https://www.livrariamegafauna.com.br/produto/o-compromisso/>
8. <https://www.litres.ru/book/serguei-dovlatov/retiro-63890470/>
9. <https://institutprevoda.ru/knigi/published/zapovednik-1/>
10. https://www.krugosvet.ru/sites/krugosvet.ru/files/img02/1002760_2760_301.jpg
11. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/9/95/Columbus_Taking_Possession.jpg/310px-Columbus_Taking_Possession.jpg
12. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/7/7d/Spanish_America_XVIII_Century_%28Most_Expansion%29.png/400px-Spanish_America_XVIII_Century_%28Most_Expansion%29.png
13. <https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcRFMrUuZrVa8wxOxwlgvsK2rVmesW0CforiFg&usqp=CAU>
14. https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcTkpq21mzcXeVPOyUa5_WyjDYwOH-TStbtDdg&usqp=CAU
15. <https://puppet.ru/performances/kto-ubil-fridu-kalo>
16. <https://stihi.ru/2014/07/09/5732>
17. https://ru.wikipedia.org/wiki/Две_Фриды
18. https://artchive.ru/fridakahlo/works/202544~Chetyre_obitatelja_Mekhiko
19. https://arteducation.sfu-kras.ru/artnews_spring2016
20. <https://gallerix.ru/album/Frida-Kahlo/pic/glr-375372314>
21. <https://www.wikiart.org/ru/frida-kalo/samoubiystvo-doroti-kheyl-1938>
22. <https://www.barcelona-excurs.org/>
23. <https://www.fridakahlo.org/memory-the-heart.jsp>
24. https://artchive.ru/fridakahlo/works/202523~Avtoportret_s_obez'jankami
25. https://artchive.ru/fridakahlo/works/202590~Dve_obnazhennye_v_lesu
26. https://artchive.ru/fridakahlo/works/202537~Druzheskie_ob'jatiya_Vselennoj_zemli_Meksiki_Ja_Diego_i_Sen'or_Kholotl
27. <https://www.barcelona-excurs.org/my-nurse/>
28. <https://www.cultura.gob.ar/diego-rivera-el-arte-al-servicio-del-pueblo-9874/>
29. <https://historia-arte.com/obras/diego-en-mi-pensamiento>
30. www.wikiart.org/ru/frida-kalo/derevo-nadezhdy-stoy-pryamo-1946
31. https://ru.wikipedia.org/wiki/Сea,_Леопольдо

32. [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Файл:Empiezan_las_historias\(crop\).jpg](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Файл:Empiezan_las_historias(crop).jpg)
33. https://ru.wikipedia.org/wiki/История_государства_инков
34. https://ru.wikipedia.org/wiki/Мексиканское_барокко
35. <https://dzen.ru/a/YNl6WFOx33DC60l3>
36. <https://russian.rt.com/science/article/611065-istoriya-ispaniya-sindoryacteki?ysclid=lq0zn18fj7100744933>
37. https://artchive.ru/artists/10791~Khose_Klemente_Orosko/works/292377~Zhenschinysoldaty/
38. https://artchive.ru/artists/10791~Khose_Klemente_Orosko/works/292380~Sapatistskij_marsh
39. <https://artchive.ru/diegorivera/works/535107~Soperniki>
40. https://artchive.ru/artists/9715~Khose_David_Al'faro_Sikejros/works/278574~Avtoportret_El_coronelazo
41. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кафедральный_собор_\(Бразилиа\)#/media/Файл:Catedral1_Rodrigo_Marfan.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кафедральный_собор_(Бразилиа)#/media/Файл:Catedral1_Rodrigo_Marfan.jpg)
42. <https://dzen.ru/a/Y5xU4up9OykKqzdr>
43. <https://regnum.ru/article/2222886>
44. <https://naukabooks.ru/knigi/katalog/istoriya-kolumbii-s-drevneyshikh-vremen-do-nachala-xxi-veka/>
45. <https://www.sinpermiso.info/textos/la-constitucion-de-cadiz-de-1812>
46. https://arthive.com/es/joaquinsorolla/works/469083~Miguel_de_unamuno
47. [https://1.bp.blogspot.com/-v6_p6NSXkz8/UF5cI-o2TSI/AAAAAAAAAEsE/kkoPXfSIW0/s1600/F+ANGELICA+ESPINOSA+\(1\).JPG](https://1.bp.blogspot.com/-v6_p6NSXkz8/UF5cI-o2TSI/AAAAAAAAAEsE/kkoPXfSIW0/s1600/F+ANGELICA+ESPINOSA+(1).JPG)
48. https://arthive.com/es/artists/66066~Octavio_Ocampo/works/381918~Visiones_de_don_quijote
49. <https://www.salvador-dali.org/es/obra/catalogo-razonado-pinturas/obra/743/cristobal-colon>
50. <https://www.sergioperaza.com/busto-de-david-silveti-busto-escultorico/>
51. <https://www.infanciayeducacion.com/el-espanol-en-el-mundo/>
52. https://www.tripadvisor.es/AttractionProductHighlight-g187514-d20293576-Private_tour_to_Windmills_of_Don_Quixote_Aranjuez_and_Chinchon-Madrid.html
53. <https://www.abebooks.co.uk/Diccionario-Enciclop%C3%A9dico-Abreviado-Vol-Ap%C3%A9ndices-Espasa-Calpe/21288648490/bd>
54. <https://antiguedadesrusticas.com/detalles/espasa-calpe-1957/7663.html>
55. <https://www.josemariamarco.com/espana/mi/>
56. <https://www.todocoleccion.net/libros/diccionario-enciclopedico-espasa-calpe-12-volumenes~x375007329>
57. https://www.iberlibro.com/servlet/BookDetailsPL?bi=31538455568&cm_sp=SEARCHREC--WIDGET-L--BDP-N&searchurl=an%3Daa%26ds%3D10%26sortby%3D17%26tn%3Ddali
58. https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:V%C3%ADctor_Patr%C3%ADcio_de_Landaluze_-_Diablito.jpg
59. https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:V%C3%ADctor_Patr%C3%ADcio_de_Landaluze_-_D%C3%ADa_de_Reyes_en_La_Habana.jpg
60. <https://www.plenglish.com/news/2022/07/12/cuban-library-evokes-birth-of-composer-amadeo-roldan/>
61. <https://www.americatevepr.com/cuba/cuantos-blancos-hay-cuba-n900787>
62. <https://www.wpm2011.org/node/771>
63. <https://www.pinterest.ph/pin/440438038558231000/>
64. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Aztec_empire_1519-es.svg
65. <https://ru.pinterest.com/pin/166211042482144998/>
66. https://rue.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%82%D1%8F_%D0%90%D0%B7%D1%82%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%98%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8F%D0%BC%D0%B8

67. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD,%D0%9B%D1%8C%D1%8E%D0%B8%D1%81_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8
68. <https://arheologija.ru/drevnie-kulturyi-peru-i-mezoameriki/>
69. <https://archaeolog.ru/en/press/in-memorialm/valeriy-ivanovich-gulyaev>
70. <https://ifiyak.sfu-kras.ru/news/ro-yakobson-125-let-so-dnya-rozhdeniya/>
71. <https://www.theyucatanimes.com/2018/06/maya-sacred-book-chilam-balam-tekax-astrological-predictions-analyzed-by-inah-experts/>
72. <https://bigenc.ru/c/trubetskoi-nikolai-sergeevich-52db94>
73. https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=2157
74. https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=1694konkistad
75. <https://ru.pinterest.com/pin/166211042482144998/>
76. <https://topwar.ru/116716-meksikanskaya-ekspediciya-kortesa-osada-i-padenie-tenochtitlana.html>
77. https://www.koob.ru/morgan_lewis_henry/
78. <https://es.artsdot.com/@/9GEKZ8-Frida-Kahlo-autorretrato>

Уважаемые коллеги! В журнале «Ибероамериканские тетради» публикуются статьи, соответствующие следующим специальностям согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России:

5.6. Исторические науки:

5.6.2. Всеобщая история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филология:

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.4. Фольклористика

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (испанский, португальский)

5.10. Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (театральное искусство, музыкальное искусство, кино-, теле- и другие экранные искусства, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура, хореографическое искусство, техническая эстетика и дизайн)

Все материалы проходят «слепое» рецензирование. Журнал выходит четыре раза в год, статьи могут быть представлены на русском, испанском, португальском, английском языках. Объем статей от 20 000 до 40 000 печатных знаков.

Номера журнала носят как тематический характер, так и посвящаются отдельным рубрикам в соответствии с представленными специальностями.

Подробные требования к регистрации и оформлению статей (правила для авторов) представлены на сайте журнала: www.iberpapers.org.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Подписано в печать 27.12.2023

Формат: В5. Цифровая печать.

Объем: 22,95 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 1727

Издается МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

¡Estimados colegas! Les invitamos a publicar artículos que correspondan a los siguientes **grupos de ciencias humanas** (según la clasificación de las revistas de impacto):

5.6. Historia:

5.6.2. Historia universal

5.6.4. Etnología, antropología y etnografía

5.6.7. Historia de las relaciones internacionales y de la política exterior

5.9. Filología:

5.9.2 Literatura

5.9.4. Estudios folclóricos

5.9.6. Lenguas (español, portugués)

5.10. Historia del arte y cultura:

5.10.1 Teoría e historia de la cultura y el arte

5.10.3 Artes (teatro, música, cine, televisión, artes visuales, arquitectura, coreografía, estética técnica y diseño)

Todos los textos se someten a un proceso de *revisión "ciega"*.

La revista se publica *cuatro veces al año* y los artículos pueden enviarse en *ruso, español, portugués e inglés*. La extensión de los artículos entre 20.000 y 40.000 caracteres impresos.

Los requisitos detallados para el registro de artículos (normas para los autores) pueden consultarse en el sitio web de la revista: www.iberpapers.org.

Contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Tel: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Firmado para imprimir el 27 de diciembre de 2023

Formato: B5. Impresión offset.

Volumen: 22,95 pliegos editoriales. Tirada: 200 ejemplares

Publicado por la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Impreso en la MGIMO-Universidad, Moscú, Rusia

Dear colleagues! You are welcome to publish articles that correspond to **the following groups of Human Sciences** (according to the classification of the Russian Higher Attestation Commission):

5.6. History:

5.6.2. Universal history

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.6.7. History of international relations and foreign policy

5.9. Philology:

5.9.2 Literature

5.9.4. Folk studies

5.9.6. Languages (Spanish, Portuguese)

5.10. History of art and culture:

5.10.1 Theory and history of culture and art

5.10.3 Arts (theatre, music, film, television, visual arts, architecture, choreography, technical aesthetics, and design)

All articles are subject to a *“blind” peer review*.

They can be submitted in *Russian, Spanish, Portuguese or English*. The length of the articles (without metadata) is to be 20,000 – 40,000 printed characters.

Detailed requirements for article submission (author guidelines) can be found on the Journal's website: www.iberpapers.org.

Contacts of the Editorial Office:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Ph.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Signed to print on December 27, 2023

Format: B5. Offset printing.

Volume: 22,95 printer's sheets. Circulation: 200 copies

Published by MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in MGIMO University, Moscow, Russia